

Виталий Полозов

ЗАРЯ
рассветная

СВЕТ НА ВОСТОКЕ
2017

УДК 821.161.1(430)-31/-32

ББК 84(4Нім=Рос)6-44

П52

Директор П. Давидюк
Редактор В. Цорн
Корректор Е. Сафонова
Верстка и дизайн А. Цорн

Полозов В.

П52 **Заря рассветная.** Повесть. – К.: Свет на Востоке, 2017. 352 с.

Издание первое.

ISBN 978-966-2089-96-7 (Укр)

ISBN 978-3-939887-85-0 (Герм)

Изд. № 01.379

ISBN 978-966-2089-96-7 (Укр)

ISBN 978-3-944772-44-8 (Герм)

© Полозов Денис, 2017

© Свет на Востоке, 2017

ПРЕДИСЛОВИЕ

Повесть известного христианского автора Виталия Полозова «Заря рассветная» уносит нас в то время, когда верить в Бога было преступлением, наказываемым, в лучшем случае, тюремным заключением, а общественное мнение формировалось атеистической, даже больше, антихристианской идеологией. На этом фоне, и не в последнюю очередь на фоне прекрасной сибирской природы, на описание которой у Виталия Полозова всегда находятся новые и новые образы и всегда открытый взгляд, развиваются события повести. Повести о любви и верности, о предательстве, низости, но и высоких порывах благородных людей. Захватывающий воображение динамичный сюжет, неожиданные обороты судеб героев, настоящий русский разговорный язык и ясное ощущение постоянного присутствия и водительства Божьего в жизни как положительных, так и отрицательных героев не даёт отложить книгу в сторону. А если всё-таки чтение приходится прервать, воображение остаётся с героями. И герои эти не кажутся вымышленными, они близки по духу, культуре, вере. Основанная на реальных событиях повесть остаётся художественным произведением, со всем её сплетением судеб и событий, но все переживания её протагонистов настолько реалистичны, что при чтении становится ясно: так оно и было, так жили, страдали, умирали и верили люди в то время, когда у верующих не было голоса, не было рупора. Виталий Полозов стал их голосом, стал их рупором.

Издатели

Ранним февральским утром плывут по небу чёрным дымом косматые, рваные тучи. Плывут очень медленно. И в их разорванности нет-нет да и промелькнёт половинкой разрезанной дыни жёлтый месяц. Вот очередная тучка унеслась к горизонту, и он, просветлев на какое-то время, чётко обозначился на очищенном небесном пространстве. Он стоит на рожке, отбрасывая неправильные радужные круги, и там, где тучи истончаются, он их из чёрных, как дёготь, делает пепельно-серыми, при этом расцветивая их рваные края бледно-оранжевой бахромой. Очередная набежавшая тучка на мгновение разделила его пополам, и если долго смотреть на него, то рядом с ним вдруг как бы преломится его бледное отражение и создастся иллюзия двух месяцев на одном небе! Вот уже все тучи сбежали за горизонт, оставив лишь разрозненные грядки облаков, и те от первых же лучей солнца стали сизыми, а потом расцветились нежной сиренью. Месяц же, наоборот, поблёл и потускнел на синем-синем небе и стал, как его собственное, теперь уже исчезнувшее, отражение. И это было странно: вокруг и рядом уже группировались крохотные облака, обласканные золотом солнечных лучей, а его их позолота не трогала. Он хотя ещё и виден, но до того блёклый и безжизненный, будто сцеженная с простокваши сыворотка. Студёная, необыкновенно красочная, завораживающая своей диковинностью рассветная заря.

Сторож Иннокентий Сенькин поёжился: тёплая августовская ночь, а ему зябко. Столько уж лет про-

шло, а картина того февральского утра нет-нет да и высветится в памяти. Высветится, но не остановится на одном лишь благостном созерцании дивного рассвета, а поведёт дальше, в день, к той страшной развязке. И лишь потом встанет, застопорится и застит глаза, вызывая озноб во всём теле. Именно картина дня – не рассвета! – уже как наваждение, как непосильный гнёт памяти на сердце, и нет ему никакого послабления. Вот стоило только закрыть глаза, и она – в который уж раз – тут как тут со всеми подробностями: дескать, смотрите, любите и жалуйте...

Огромная пустошь, окаймлённая сопками, что лишь едва угадываются на далёком горизонте; серый тот, мглистый день с набрякшими свинцом тучами и пригнувшаяся под ними в тревожном ожидании бурана тайга. Хмурая, нахохлившаяся седыми, заиндевелыми кронами, она виднеется чуть впереди. По пустоши, с разбросанными на значительном расстоянии друг от друга крохотными перелесками, неспешно катят сани, а за ними плетётся одинокая фигурка арестованной девушки. Вот только что миновали густой-прегустой ельник с уцелевшими от вырубki вековыми деревьями. Стоят они, распушив рукава своих белоснежных шуб, словно оберегая от чужого недоброго глаза льнушую к ним молодую поросль маленьких и нарядных, в таких же зимних шубках, ёлочек. От дороги по всем направлениям, и больше всего как раз к ельнику, замысловатыми зигзагами тянутся различные следы зверей, и от их вида Сенькину становится не по себе.

– Может, подсадить уже Аню? – несмело обращается он к сержанту, сидящему в задке саней, и, чуть натягивая вожжи, придерживает лошадку. – Не дойдёт ведь. Да и неровен час, пора такая, что всё может случиться.

Тот лишь криво усмехается: давай, давай, мол, правь себе. Не пава, дескать. И вдруг орёт истошным, леденящим душу криком:

– Волки! – И с непередаваемой злобой: – Накаркал! Чтоб тебя! Какая Анька?! Гони, скотина!

И хоть Горюн и так уже летит во весь опор, тычет в спину Сенькина дулом пистолета:

– Гони-и-и!

Напрочь свихнулся мужик от страха.

О, как хочется теперь в этом месте видений натянуть поводья и оглянуться. Ах, как хочется тут не испугаться ткнувшегося в спину нагана! В бесщётный раз он ловко вырывает его у Никиты и, остановив сани, палит по стае. Но именно здесь наваждение лишает его фантазии, безжалостно отображая реальность: каждый раз он видит себя в санях согнувшимся от страха. Не остановил, не вырвал, не выстрелил. Струсил. И вот в исступленье орёт уже и сам, и лупцует вожжами с обеих сторон и без того взмыленного жеребца: «Ну, давай же, давай, Горюн, поддай! Выручай, родимый!»

Всё ему видится ровно так же, что и много лет назад. И чувство то же; даже липкий пот от страха и сам страх всё тот же. Будто сейчас это. И скрежешет Сенькин зубами, и рвётся из груди стон бессилья: «Боже, да как же это я! По гроб ведь жизни не забыть. Нет мне прошенья и вовек не будет».

И снова всё сначала. «Зачем согласился на ту поездку? Ведь знал уже, с кем придётся ехать. Мог, мог отговориться, – в каком-то отупении раскачивается бывший милиционер, обхватив голову руками, и горестно мычит в тишину ночи: – М-м-мог же!»

Безнадёга... Ах, если б знать тогда, чем обернётся...

* * *

По таёжной просеке споро бежит запряжённая в сани лошадка и, то и дело фыркая, пускает из ноздрей клубы пара. На санях два милиционера, укутавшихся поверх формы в добротные полушубки.

Правит лошадь Иннокентий, парень лет двадцати двух, но он давно уже отпустил вожжи и думает о чём-то своём. Это его первый оперативный выезд на «дело», к которому его привлекли. Привлекли тогда, когда он, наконец, смирился с мыслью, что его заветная мечта попасть в оперативники неосуществима: к сожалению, служба постового милиционера, которую он нёс уже больше года, не предполагает для него дальнейшей карьеры, и скорей всего на этом «почётном месте» она и закончится. Примерно так сказал ему на днях начальник оперативного отдела Назар Легойда и, не скрывая раздражения (ну, «достал» уже тот своей просьбой!) объяснил, что не может человек с таким плохим, как у Сенькина, зрением участвовать в силовых операциях: там, дескать, необходима сноровка и быстрая реакция, и нет времени на разглядывание врага. Даже наличие спортивного разряда

по гимнастике не берётся в расчёт привередливым капитаном, как, впрочем, не убедили его и высокие результаты постового в стрельбе, чем тот козырнул в последней надежде.

– Стреляешь-то ты в очках, Кеша, – пояснил Назар. – А теперь представь, что они у тебя случайно слетели... да? Думаешь, преступники будут ждать когда ты их найдёшь? Не думаешь? Тогда представь, кем ты будешь в данном случае для товарищей по операции? – И, помолчав, специально для того, чтобы до Сенькина дошёл драматизм предполагаемой ситуации, выдал, как приговор: – Мало того, что только обузой, так ещё и подвергнешь всех опасности. Всё, и больше с этим вопросом ко мне не подходи.

Тут капитан увидел такое искреннее огорчение парня, что невольно пожалел его и почувствовал неловкость за свою излишнюю прямоту:

– Да что тебе так далась наша работа? Поверь, это далеко не та романтика, которую ты вбил себе в голову. – И с пафосом подсластил горькую пилюлю: – Между прочим, твоя работа не менее важна в наше время. В конце концов ты же комсомолец! Вот и продолжай служить, куда направила партия. А она не ошибается: значит, ты нужен именно здесь.

О том, что в армию парня не взяли из-за этого физического изъяна, да и в постовые-то приняли исключительно из-за нехватки людей, Назар дипломатично промолчал. Была и другая, более весомая, причина, из-за которой чекисты не очень-то хотели видеть в своих рядах Сенькина. По этой самой причине, кстати сказать,

не жаловали его и в собственном подразделении: ну больно уж грамотный мужик – целых два курса педагогического института за плечами. Правда, турнили его оттуда, но за что, кроме начальства, толком никто не знал. Его и называли-то за глаза не иначе, как педагог, с ударением на «а», вкладывая в слово и зависть, и какое-то пренебрежение, и даже, чего греха таить, злобу. В общем, с какой стороны ни посмотри, о карьере в милиции ему можно было не мечтать.

И вот не успел ещё Иннокентий как следует поговорить, как этот же самый Легойда, только что забраковавший парня, вдруг круто переменял своё мнение. Конечно, это произошло благодаря «его величеству случаю», но произошло ведь!

Вчера вечером Сенькин нос к носу столкнулся с капитаном в управлении: тот аккуратно выбежал из своего кабинета и спешно зашагал по коридору, уткнувшись в какие-то бумаги. Вид у него был крайне озабоченный, и Кеша, козырнув, вежливо посторонился. Назар же, на ходу перебирая листы, рассеянно кивнул в ответ, но, пройдя ещё немного, вдруг застопорился: Лицо его озарилось догадкой, и он круто развернулся:

– Сенькин? А ну-к, подожди. Иди-иди сюда. Кажется, ты-то мне и нужен. Ты чем сейчас занят?

– Да вот, заступаю на дежурство, товарищ капитан, – с готовностью ответил Кеша. – А что?

– Давай-ка, пройдем ко мне. Дело есть, – жестом пригласил Легойда. И уже в кабинете, усевшись в кресло, пристально взгляделся в постового: – Садись. Ты ведь, помнится, шибко рвался к нам в отдел, не так ли?

– Так точно! – вытянулся во фрунт Сенькин. – Сколько раз уже рапорт подавал.

– Да ты сиди, сиди, – сморщился Назар, как от зубной боли. – Помню я, помню. – И с озабоченным видом забарабанил пальцами по столу. – Ну так вот, считай, что просьба твоя услышана. Дело тут у меня одно не терпит отлагательств, а людей, как всегда, в обрез. Нету, все на задании. Вот поэтому и получай своё первое задание. Это как бы проверка тебе будет, а выполнишь – буду ходатайствовать о твоём переводе в наши ряды. Ну что, годится? Доволен теперь? – И вновь с кислой миной усадил вскочившего Сенькина: – Ну-ну, придержи эмоции, они у нас не в почёте. Вопросы есть?

– А-а, можно узнать, что это за дело? – робко поинтересовался Кеша.

– Дело-то? Дело обычное. Обычной некуда. Арестовать и доставить сюда некоего гражданина... – Легойда мельком взглянул в бумаги: – Бедаря Игната Ивановича, проживающего в селе Брагино. Знаешь, где это?

– Слышал как-то. Сейчас не припомню, по какому поводу.

– Это вёрст сорок от города, и добраться туда можно только гужевым транспортом. Иначе-то в эту глушь не проедешь, – Назар кивнул на окно: – Вон, все пути-дороженьки замело. Но на санях куда как с добром. Значит, завтра и отправитесь вдвоём с сержантом Букиным. Он главный в группе.

– Это с Никитой, что ли? – вскинулся Кеша.

Капитан уловил в его голосе что-то вроде неприязни и насторожился:

– Что, близко знаком с ним?

– Нет-нет, – испугался Кеша, мгновенно осознав, что допустил оплошность. – Только так: «привет», да «как дела». Не больше того.

– Смотри, Сенькин, если что не так – ну, погода там прескверная или Букин не по нраву, – то время откататься у тебя пока ещё есть. Через час будет поздно.

– Да что вы, товарищ капитан, какой может быть отказ! Да я в мыслях, можно сказать, уже в дороге. И хоть с кем, лишь бы на дело!

– Ладно, придёт время, поговорим ещё об этом, – всё равно не поверил Легойда, – а сейчас ни времени нет, ни желания. Да и не суть важно: ваши личные отношения не должны влиять на ход операции. Я знаю, ты парень образованный и, может быть, смотришь немного свысока на таких, как Букин, но в нашем деле на первом месте опыт. Поэтому будь добр уяснить, что ты во всём обязан подчиняться ему. Понял это, нет? Он за старшего, – ещё раз подчеркнул Назар и взглянул на часы: – Где-то через час сержант получит инструкции и посвятит тебя во все детали операции: и куда, и за что, и про что. Кажется, он хочет что-то от себя ещё предложить. Что там у тебя?

– А как же дежурство? Мне ведь как раз на развод идти.

– Об этом не беспокойся. Всё без тебя уладим. Что-то ещё?

– А-а, это... – замялся Сенькин, – как же с оружием-то? – И указывая на свою кобуру: – У меня же тут, сами знаете, видимость одна.

– Что, бумагой набита? – хохотнул капитан, но тут же посерьёзшел: – С табельным оружием пока что придётся повременить. У Букина оно есть, и этого вполне достаточно. Вряд ли оно потребуется для данной операции. А по её успешному завершению сразу и получишь. Гарантирую. Всё, пока свободен. Как уже сказал, через час подойдешь.

Коротая этот час в ожидании сержанта, Сенькин слонялся по коридорам управления, и его буквально распирало от гордости; в мыслях он, и правда, уже переживал различные перипетии будущей операции, и то замедлял, то ускорял шаг, в зависимости от действий воображаемого преступника. И ещё казалось, что все попадающиеся навстречу сотрудники патрульной службы (*бывшие, теперь уже бывшие его сотрудники!*) знают об этом назначении и смотрят если не с восхищением, то, уж точно, с завистью. Не омрачала больше радужной перспективы даже та мимолётная досада, что старшим у него будет Букин, не столь давно перешедший в оперативный отдел из такого же, как и у Сенькина, отряда.

«Надо бы хорошо выспаться перед операцией, – совсем не к месту вдруг подумал он. И тут же объяснил сам себе: – Да, это вам не район патрулировать, когда можно прийти и полусонным. А что? Прошёлся один раз по улицам – и на боковую до утра. Не-е, теперь эта лафа прошла. Тут всегда нужно быть начеку!»

Но вот как раз насчёт выспаться-то и не получилось. Легойда после беседы с Букиным назначил им

выезд на раннее утро, так что в четыре часа, прихватив с собой тулупы, они уже были в санях на пути к Брагино.

Долгое время оба ехали молча, лишь изредка отпуская нелестные словечки в адрес морозной погоды. Сенькин правил лошадей, а сержант Букин, запахнувшись в полушубок да ещё укрыв ноги тулупом, дремал в задке саней. Сам же разговор не клеился: раз робко начавшись, как-то не получился и затух. Да и до красноречия ли, когда лицо то и дело прячешь в отворот полушубка от мороза.

– Вот жмёт, так жмёт мороз-батюшка, – делает, наконец, попытку пообщаться сержант. – Смотри, Кеша, даже месяц от холода скукожился. Неживой совсем.

Сенькин отрывается от своих дум, но отвечает не сразу, а неспешно задирает голову к небу, вроде как ищет подтверждение словам Никиты. Он всё ещё волнуется, но это вполне понятное состояние пытается укрыть под маской бывалого служаки. (Ну не лебезить же перед сержантом, хоть он и старший).

– А с чего бы ему ожить? – бурчит он недовольно. – Лютень – он и есть лютень.

– Чи-иво? – изумился сержант и даже чуть приподнялся: – Ты о ком это так?

– Да месяц этот, февраль, – невольно улыбнулся Кеша. – Наши предки славяне так называли его за лютую стужу.

– А-а, ну так и я о том же, – успокоился Букин и одобрил: – А что, правильно называли. – И с видимым удовольствием протянул: – Лю-ютень. Но вообще-то я бы посоветовал тебе не шибко свою учёность оказывать; ну, не любят наши парни вас, академиков. Мы – народ простой.

– Да что ж тут учёного? Всё просто. Я же только хотел сказать, что в такую стужу хороший хозяин собаку из дому не выгонит. Лютень, одним словом. А тебе ехать приспичило. Будто обождать нельзя было.

– Да я сам решаю, ли чё ли? – усмехнулся Никита. – Мне приказано – я исполняю. Сказали бы – ночью, поехал бы ночью. Служба у нас такая, брат Сенькин, и никуды тут не денешься. Это тебе не на твоём посту или где ты там служишь: смену отстоял – и домой, в тёплую постельку. Не-е. Тут тебе мороз ли не мороз ли, ночь-полночь – всегда будь готов на выезд. Как пионер: будь готов – всегда готов! Вот и будь, привыкай помаленьку.

– Ну, что до меня, то я, кажись, уже готов... лапти отбросить, – хмуро пошутил Кеша. – Оно и немудрено, по такому-то морозу.

– Да хватит ныть-то, не околеешь, – отмахнулся сержант. – Если с другого боку зайти, то нам это на-амного лучше... ну, что так рано едем.

– Это почему же?

– Шуму поменьше. Огласка в нашем деле, сам знаешь, не шибко нужна, а в деревне, как ни старайся, незаметно ничего не пройдёт. Это тем более важно, что я из этих краёв, и знают меня здесь как облупленного.

«Вот-вот, это самое я и слышал о тебе, – припомнил Кеша. – Что-то у тебя там не срослось, как ваши же сослуживцы говорили. Стало быть, как раз в этом селе. Оттого ты и в город рванул».

А вслух сказал:

– Ну, не сейчас, так позже узнают. Сам же сказал, что шила в мешке не утаишь.

– Ха! После нас пусть догадываются, что случилось и зачем, и судачат пусть, сколь влезет. В том наш и выигрыш, что утро раннее. – Букин недобро сверкнул глазами: – Нам главное, что девка дома будет.

– Какая девка? – вскинулся Сенькин. – Я о девке ничего не слышал. Мы же какого-то Игната Бедаря брать должны?

– Ну, видишь ли, Назар не обязан всех подряд в детали операции посвящать, – с видом явного превосходства хмыкнул сержант и не без гордости добавил: – Это я его надоумил девку взять. Считай, уже в последнюю минуту.

– Но я так и не понял. Она-то нам на что?

– Поймёшь, какие твои годы, – покровительственно похлопал его по плечу Букин. – Ну-ка, скажи, только честно: ты хотел бы мотаться туда-сюда по такому вот морозу? Скажем, ещё раза эдак три-четыре, если не больше?

– Да хорошего-то мало, конечно.

– А-а, вот то-то и оно. А пришлось бы, если бы я капитану насчёт Аньки не намекнул. Сам-то Игнат, ейный свёкор, в деревне редко живёт; даже если не в тайге, – ну, в артели зверя промышляет мужик, – то всё одно дома не застать. Что ты! По всей округе шастает: сегодня – в одном селе, завтра – в другом. И везде сказки про Бога людям рассказывает. Даром что за это самое пять лет отсидел, а опять за своё. – И ехидно ощерился: – Он, вишь ты, пропове-едник. Или того краше – пра-аведник. Тьфу!

– Час от часу не легче, – в голосе Сенькина явное разочарование, вызванное в том числе и вот этой брез-

гливостью Букина к будущему арестанту. – Так мы что, верующего человека брать едем? А я-то думал, мы на настоящее дело...

– Индюк думал да в суп попал, – строго перебил сержант и заученно забубнил не раз слышанное на политзанятиях: – «На данном этапе времени религия является одним из наших злейших врагов в тылу». Слышал? Вот то-то и оно. – И передразнил с какой-то злобой: – А то: де-ело. Настоя-ящее. Да важнее, может быть, сейчас и нету. Сказал же: Бедарь этот не так себе верующий, а ба-апти-ист. Да ещё и пресвитер ихний, понял? Старший, значит, ну вроде как поп в церкви. – Тут Букин многозначительно потряс поднятой рукой: – Чуешь разницу? С такими, брат Сенькин, ухо держи востро.

– Да так-то оно так, – то ли соглашается, то ли возражает Кеша, – но раз он такой опасный, разве нельзя было его раньше арестовать? В районе, поди, свои оперативники имеются, так чего ж нам-то из города за ним мотаться; за семь вёрст киселя хлебать? Взяли бы да и привезли в управу.

– Да ты меня слушаешь или нет? – рассердился Букин. – Эк, у тебя всё просто! Вот что значит – неопытный, необстрелянный. Говорю же, что дома он не бывает – это во-первых. А во-вторых... – он смолк, огляделся по сторонам, будто не решаясь сообщить великую тайну, и понизил голос: – Ладно, так и быть, скажу: во-вторых, не шибко-то наше начальство операм местным доверяет, понял? И правильно, между прочим, делает, потому что тут каждый каждому если не брат, то кум или сват. Уж я-то знаю, как они всегда готовы прикрыть друг дружку. Не

успеют им приказ спустить, а уже всей округе известно и что готовится, и где, и когда. Одно слово – деревня! Ну? Сделаешь тут что-нибудь внезапно? Дадохлый номер. К тому же Бедаря и так до поры до времени не трогали – повода не было.

– А теперь? Теперь есть? – откровение напарника заинтриговало Кешу. – Расскажи, что он натворил такого, раз брать его едем? Легойда сказал, ты меня в курс дела должен ввести, а ты что-то не торопишься.

– Должен, да не обязан, – криво усмехнулся Букин. – Придёт время, и в курс введу, и за курс. И вообще: спешка нужна при ловле блох. Слышал?

И Сенькин, наконец, сориентировался, как должно вести себя с этим чванливым парнем, чтобы расположить его к открытости.

– Да слышал я, слышал, Никита, – сменил он тон на заискивающий, нарочито подливая елей на хвастливую душу сержанта. – Но ты, видать, уже и план захвата распланировал, а я ещё так ничегошеньки и не знаю.

Уловка сыграла.

– А тебе пока и не положено, – теперь уже самодовольно улыбнулся Букин. Сознать своё верховенство доставляло ему явное удовольствие. – За операцию-то я отвечаю, а твоё дело телячье: выполняй, что говорят, и меньше думай. Меньше знаешь – лучше спишь. – Он деловито помолчал, потом, вздохнув, сделал вид, что смиловился: – Ну, да ладно, вдруг и дальше в одной упряжке работать придётся. Слышаешь-нет?

Сенькин с готовностью кивнул и, поправив полушубок, сел влоборота к сержанту. Оба, похоже, даже забыли о морозе.

– Так вот, на днях тут наши сотрудники спапали одного посыльного с богомольными книжками, – с небрежной ухмылкой начал Букин. – Видом совсем ещё пацан, а туда же – в герои. Верующий, мол, я. В общем, сперва-то упирался малец, ну, посыльный этот, дескать, я не я и литература в чемодане не моя. Подбросили. Начитался, знать, романов всяких про несгибаемых верующих. Потом, когда фактами припёрли, раскололся. У нас, брат Сенькин, и не такие колются. Может быть, скоро сам убедишься. А знаешь, кому он всё это добро вёз?

– Кому? – спросил Кеша, хоть и нетрудно было догадаться.

– Бедарю, – губы сержанта вновь тронула презрительная усмешка. – Признал пацан Игната на фотке. Ему, мол, и велено было отвезти. Вот наша задача и состоит в том, чтобы устроить им очную ставку. В общем, на этот раз Бедарю не отвертеться. Факты, как говорят, налицо. Ну, то есть, Библии да брошюры всякие.

– Так ведь их вроде бы печатать даже разрешили, – опять усомнился Кеша. – Неужели ж из-за этого...

– Разрешали, брат Сенькин, разрешали, – раздражённо поправил Никита, – дак это ж когда было? Да и дело-то тут вовсе не в книжках, вернее, не совсем чтобы в них; они как бы впридачу к тому, что раньше произошло. Это же... А, чёрт, сбил ты меня с панталыку. Ты бы сначала выслушал до конца, а потом уж перебивал.

– Да я чё, я просто так, – виновато пробормотал Сенькин. – Всё, молчу, как рыба. Ты продолжай, Никита, интересно же.

– Ну, то-то. Короче, стало известно, что сын этого Игната, он же муж Анны, с фронта дезертировал, а это уже... сам знаешь, да? Ну, теперь-то, надеюсь, ты понял, зачем нам девка? Или не дошло?

– Не-а, – честно признался Кеша. – Что-то в голове не совмещается.

– Э-эх, ты, голова два уха, – пожалел его Букин и назидательно пояснил: – Ну, посуди сам: куда ему бежать, кроме отцова дома? Некуда. Да он, может быть, уже давно и прибежал, а потом с отцом же и в тайгу смылся. Теперь ищи его свиши: тайга так просто никого не выдаёт. Не выдаст его и отец. Ни за какие коврижки. А вот как возьмём Аньку – сами прибегут! Оба! Да ещё наперегонки! – Букин счастливо рассмеялся и резко оборвал смех, увидев не поддержавшего веселья напарника. Тот, наоборот, почему-то нахмурился. – Ты чего это, Кеша, так осмурил? Не одобряешь?

– Да что ты, что ты, – поспешил улыбнуться Сенькин, но при этом вновь поёжился: теперь уже от нехорошего предчувствия. – Я просто думаю... это... а как не будет её дома?

– Бу-удет. Точно будет. Тем больше, что она ещё сном-духом ничего не знает. Да и куды ей с дитём-то деваться?

– С дитём? – растерялся Сенькин и даже отпустил вожжи. – Да куда же мы её с дитём-то?

– А куда надо, – сурово отрезал сержант. – В районе сдадим с рук на руки – и свободны. Там пусть разбираются, кто прав, кто виноват.

– Да, ловко. Этого только мне и не хватало для полного счастья, – отвернувшись, пробормотал Сенькин, но сержант расслышал его реплику.

– Ты о чём это, паря? – вкрадчиво спросил с угрозой в голосе.

– Да думаю, что же с ними дальше-то будет.

– А-а, – обмяк Букин. – Ну, дальше уже не наше с тобой дело. Ты не забивай себе голову, а лучше вон вожжи попридержи. Ещё вопросы есть? – Интонациями он явно подражал Легойде.

Зависла неловкая пауза, слышны были лишь лёгкое поскрипывание саней на поворотах, равномерная поступь Горюна да его шумное дыхание.

– А всё же, что ей может быть? – вновь развернулся Сенькин.

– Тю-ю, заладил, – хмыкнул сержант. – Уж больно ты жалостливый, как я посмотрю. Что будет... По всей строгости нашего закона будет, вот что. Ты сам-то что бы сделал?

– Я с бабами не воин, – смутился Кеша и признался: – Боюсь я их.

– Оно и видно, – усмехнулся напарник и неожиданно зло скрипнул зубами: – А я бы всю их вражью породу извёл. Всю подчистую.

– За что ж ты её так, Никита? – весь подобрался Кеша. – Какой с девки может быть враг. Ну, брат – дезертир, отец – проповедник, я ещё понимаю, а она-то причём?

И в который уж раз противно заныло под сердцем: «Откуда в нём столько зла?» Хотя и краем уха, но слышал Иннокентий про какие-то счёты Никиты с жителями его села. И ещё успел узнать, что с ним самим надо быть предельно осторожным: чуть промашка – и донесёт, куда надо. В два счёта донесёт. А потом уже доказывай – не

доказывай, а самый лучший исход, если просто турнут из органов. Не один уже поплатился за свою неосторожность. И впервые после разговора с Легойдой несколько померк в восторженном сознании общий образ оперативника: появилась нотка сожаления: «А ведь капитан давал время на обдумывание. Мог бы и отказаться». Но следом же и возразил сам себе: «Да что ж это я сразу в панику. Он, конечно, не подарок, но и я не кисейная барышня, комплименты тут мне говорить. Мужик, может быть, и склочный, а оперативник что надо. Ещё посмотрим, что из меня будет!»

Между тем Никита не спускал с него тяжёлого взгляда.

– А зачем их доставить, до тебя не дойдёт, да? – процедил сквозь зубы и прищурился: – Может быть, прикажешь там постоянную засаду держать? Да у них вся семья вражья. Отец – проповедник секты. Теперь вот и сын – вражина. Уж не хочешь ли ты сказать, что наши там, – он неопределённо мотнул головой наверх, – могут ошибаться на этот счёт?

Сказал и впился колючими глазами в напарника.

– Да не-е, ты чё, Никита, – теперь уже по-настоящему струсил Кеша. – Просто я слышал, что ты с кем-то там счёты сводишь, так и подумал... – и замолчал. Понял, что ляпнул с испуга лишнее.

– От кого слышал? – вкрадчиво потребовал Никита, но в его голосе Кеша уловил неуверенные нотки. И оттого сам немного осмелел.

– Да мало ли кто говорит, не помню я, – уклонился от ответа. – Язык – он без костей. По мне, так пушай говорят.

– Пуша-ай, – опять передразнил его Букин, но уже не с той прежней надменностью. – А ты не слушай сплетни. Брехня всё это.

– Брехня, так брехня, – облегчённо вздохнул Кеша. – Вон, кажись, подъезжаем. Это самое Брагино, что ли?

Никита рывком встал на колени и вгляделся в появившиеся вдали приземистые избы деревеньки. У него гулко заколотилось сердце, а в коленях появилась дрожь.

– Оно, – еле сдерживая волнение, пробормотал он. – Правь во-он к той избе. Вон к той, с высоким заплотом. Там участковый Торопов Илья Семёнович живёт. Вишь, из трубы дым валит: будто ждал нас, избу затопил.

– С ним, что ли, девку брать будем? – не сдержал издёвки Кеша. Ему уже казалось, что может вести себя с напарником на равных.

– Будешь, – поправил сержант. – Если не будет на месте Игната, будешь брать Аньку. – Голос его вновь обрёл уверенность: – И много на сборы ей не давай. Не на курорт везём.

– То есть, как это: буду? – изумился Сенькин. – Ты же старшой! И почему это я ей должен давать время на сборы, а не ты?

– У меня, брат ты мой сердешный, поважнее тут дела будут. Не хватало ещё, чтобы одну девку втроём арестовывать.

– Ну, не-ет, – запаниковал Кеша, – мы так не договаривались. Я...

– Будешь! – резко оборвал Никита и притянул его к себе за отворот полушубка. – Будешь выполнять, что я приказываю, понял? Тебе Легойда что сказал? То-то. – И, чуть помедлив, процедил: – Или хочешь,

чтобы я на тебя рапорт подал? А-а, не хочешь. А то все хотят добренькими казаться, один Никита, мол, зверюга. – И уже примирительно: – Да ладно тебе, дело-то минутное. Ты тут человек новый, незнакомый, поэтому никто супротив слова сказать не посмеет. А я и вправду местный. Обо мне тут всяко люди выдумывают; а увидят, что забираю её, – ну, тогда туши свет! Пересудов не оберёшься. Против меня-то могут и заартачиться. А нам это надо? – объединил он себя с Сенькиным и, посчитав, что такого аргумента достаточно, добавил: – Значит, так: дашь ей на сборы от силы час. И не рассусоливай там с ней, пожётче. Тогда ещё до обеда обернёшься.

– Обернусь? Дак ты и назад не поедешь?

– Поеду. Захватишь меня в Ключах, это по дороге в район. Я к тому времени аккурат свои дела там должен кончить, – с этими словами Букин выташил наган, покрутил им перед собой, демонстративно дунул в дуло и добавил многозначительно: – Надеюсь, всё обойдётся без шума.

Приём сыграл. Кеша теперь с уважением и некоторой завистью посмотрел на сержанта: настоящее дело у напарника, не то, что у него, – с бабой валандаться, тьфу!

– Брать кого-то будешь? Или? – не удержался он от вопроса и щёлкнул языком, имитируя звук выстрела.

– Там видно будет, – небрежно пожал плечами Никита и сунул наган за пазуху. – Тормози, приехали.

* * *

Торопов навстречу не поспешил, и пришлось долго стучать в ворота, пока он, заспанный, не появился в распахнутых дверях избы. Из-за его спины с настороженным любопытством выглядывали два крепких подростка. Завидев Никиту, хозяин нахмурился и вместо приветствия с явным неудовольствием спросил:

– Каким это ветром? Давно не бывал в наших краях.

– Служба такая, дядя Илья, – не обратил тот внимания на отсутствие радушия в голосе хозяина. – Заводи в хату, разговор будет. Да это, пошли кого-нибудь из своих, Петьку ли, Митьку ли, к председателю поссовета. Пусть подводу за мной пришлёт.

Прозвучало жёстко, как приказ, и Кеша проникся к напарнику ещё большим уважением. Торопов же, хоть и пробурчал что-то сердито, но паренька послал.

– Ну, так с чем пожаловал? – повторил он свой вопрос.

– Не с чем, а зачем, – уточнил Букин и протянул ему аккуратно сложенный лист бумаги. – За Игнатом, дядя Илья. Вот ордер на его арест.

– Тю-ю, – саркастически протянул Торопов, принимая ордер, – ну, ты и нашёл за кем приезжать. Игната ему подавай. А чего ж тогда ко мне обращаешься? А то тебе неизвестно, где сейчас можно его найти. Ну, раз приехал, то и приехал; так и быть, подскажу адресок. Значит так: бери своего напарника и дуй по тайге всё время на север. Или на запад. И вёрст этак через восемь-девять справа от ручья на третьей сосне его лабаз. Лыжи дать или с собой имеются?

Мужик явно издевался над незадачливыми оперативниками.

– Ты, как всегда, шутишь, дядя Илья, – мрачно вымолвил Букин, – а нам не до шуток. И если его нет

дома, нам велено взять Аню. Ты почитай, почитай, там всё прописано.

– Ты это чего-о? – изменился в лице Торопов, торопливо пробежал бумагу глазами и растерянно огляделся, будто ища чьей-то помощи. – Они что там, совсем белены объелись. Ну, они ладно, им наша жизнь неведома, а ты-то знаешь, что у неё ребеночок малый. Что ж не подсказал?

– В наше время за подсказ, дядь Илья, можно схлопотать сам знаешь чего. А мне оно надо? Я приказ выполняю и советую тебе сделать то же самое, потому что приказ касается и тебя. Или не прочитал до конца?

– Прочитал, Никита, прочитал, – тяжело приподнялся Илья Семёнович. – Ладно, расскажи, что к чему.

Через полчаса, когда всё уже было оговорено, подкатил сюда и председатель поссовета Тужиков. Прибыл, так сказать, собственной персоной на паре колхозных лошадей и тут же уехал с Никитой в направлении села Ключи. Их встреча была намного приветливей первой. Торопов же только презрительно сплюнул им вслед. И спохватился, уловив недоумённый взгляд Кеша. Но не смутился, а только безразлично кивнул головой:

– Не обращай внимания, парень. Это я так, для порядка.

– Я смотрю, не очень-то вы нам рады, – усмехнулся Кеша.

– А, не бери в голову, – отмахнулся Торопов. – Ты тут ни при чём. Впрочем, – он испытующе посмотрел на молодого милиционера, – сам-то ты, наверное, ничего толком и не знаешь?

– Что я должен знать?

– Ну, обо всей этой истории. О Никите, Николае. Об Анне, которую шас арестовывать пойдём.

– У нас предписание. Зачем мне знать что-то ещё? Сам вон сказал: не бери в голову.

– И то правда. Так-то оно легче жить. Только иногда и сомневаться не грех. Что бы мне ни говорили, не поверю, что сбежал Коля с фронта. Да и никто в селе не поверит. Не та у них порода, чтобы от опасности бегать.

– У меня предписание, – пряча глаза, повторил Кеша. – Там чёрным по белому...

– А вот Никита сподобился улизнуть от фронта, – не слушал Илья. – Это я, старый осёл, не только не помешал ему в органы устроиться, а ещё и помог. Так всё же ведь племяш мне, – как будто оправдывался он перед Сенькиным. – Я ведь как думал: может быть, мол, как ответственность почует, так и переменится. Да и хоть какой-никакой мужик в помощь мне будет. Вот он и помогает. Того и гляди самого упечёт в каталажку. Видать, время такое теперь пришло: всех под одну гребёнку стричь. Не гляди так, парень, я тебе не боюсь об этом говорить, так как вижу, что не схудился ты ещё. Поэтому и попрошу тебя: как можешь, побереги Анну. Хворая она нынче, да и ребёнок у неё хворый. Лихоманка к обоим прицепилась. Матюшка-то ей трудно достался; чуть было не умерла при родах, так её мать их обоих и выхаживала. Выходить-то выходила, зато потом сама слегла. Сейчас совсем плохая уже стала. Николай, ну, отец Матюшки, тоже кругом один был. Мать его уж когда-а померла, а отец, тот самый Игнат, за которым вы прибыли, то в тюрьме, то в тайге. Но сноха и внук для него – всё на этой земле. Для них и старается в тайге, чтобы какие-никакие деньги

у них были. Николая-то с первого дня на фронт взяли. И я теперь понимаю, кто замутил эту воду с арестом Ани. Племяш мой родимый. Ну, что ж, расчёт верный: Игнат, как узнает, так немедля прибежит за ней. Хоть и подлец Никита, а сообразил. Ты, парень, обереги её от него. Не дай ему над ними поизгаляться.

– Ну, о чём это вы? – слабо запротестовал Кеша. – Букин, может быть, сейчас жизнью рискует на задании, а вы его порочите...

– На задании, говоришь? – сощурил глаза до щелочек Илья. – Рискует? Знаешь, на каком он задании? Самогонку с кем-нибудь из Петькиных подхалимов хлещут, да сёмужкой заедают. Я бы и рад его опорочить, да порочней-то уже некуда. Ладно, пошли к Анне, пока не вся деревня проснулась.

* * *

Такой безответной покорности судьбе, как у этой девушки, Кеша ещё не встречал в своей жизни. Ни слова не говоря, она стала собирать свои нехитрые пожитки. Будто не впервой ей это, будто только и делала в своей жизни, что собиралась так-то вот. Будто и не новость это для неё вовсе. И только невольное изумление – не страх, а именно что удивление – мелькнувшее в её огромных синих глазах, сказало о полной для неё неожиданности. Лицо её было исхудалым и бледно-жёлтым от болезни. Стоило ей наклониться, как её тут же одолевал удушливый кашель, и она, пряча лицо в рукав фуфайки, беззвучно сотрясалась всем телом, пока не проходил приступ. Как ни осторожно собиралась она, стараясь не разбудить

двухлетнего сыночка, – пусть подольше поспит! – а малыш почувствовал её отсутствие и захныкал. Тут же на русской печи кто-то заворочался и в сумрак утра свесилась кудлатая голова седой-преседой старухи:

– Чё им надо, Аня? Ни свет, ни заря... Куды это ты?

– Лежи, мама, лежи. Мне с ними в район поехать надо.

– Снова да ладом, – старуха села на печи, свесив босые ноги. – И когда только отвяжутся от тебя. Разве погодить нельзя? Ты же хворающая нитка. Они бусурманы, ли чё ли, хворую девку в такую даль везти?

Вопрос был явно предназначен молодому милиционеру и повис в воздухе без ответа. Кеша был обескуражен истощённым видом больной Анны, да и походила-то она больше на подростка, чем на взрослого. Самое же для него страшное, что он, обладая кой-какими навыками в медицине, вмиг понял, что никакая у неё не лихоманка, а самая что ни на есть чахотка.

– В больницу бы её надо, – невольно вырвалось у него.

– А я о чём? – обрадовался Торопов. – Туда и я подсоблю отвезти, а?

– Но у меня же предписание... – беспомощно промямлил Кеша. Он уже корил себя за свою оплошность: нашёл тоже время жалеть.

– Да шут с ним, с твоим предписанием, – ухватился за соломинку Илья. – Как-нибудь объяснишь. О! – озарился он догадкой. – Никита же в Ключах. А там и медпункт есть, и доктор. Вот пусть и осмотрит Анну. Если найдёт её состояние тяжёлым, никакое предписание тебе не страшно. Не можешь же ты погибельного человека транспортировать. А племяша я попробую уговорить, а? Пойдёт?

– Ну, если уговорите, – заколебался Сенькин.

– За это не беспокойся. За это пусть у меня голова болит. Собирай, Анюта, быстрее Матюшку, в Ключи в медпункт поедем. Добром уговаривал, не хотела ехать, придётся теперь вот силком. Да что с тобой?

Только теперь они оба заметили перемену в облике Анны. При первом же упоминании Букина она тихонько охнула, бессильно опустилась на лавку у двери и молитвенно сложила руки на груди.

– Никита? – упавшим голосом переспросила она. – Значит, вызывают не из-за папки? Дядя Илья, что-то с Колей? Скажите! Он живой?

– Да ничего пока толком не знаю, – отвёл глаза Торопов. – Живой, наверно, раз за тобой приехали.

– Он с фронта дезертировал, – посчитал своим долгом прояснить ситуацию Кеша, и сильно удивился, увидев, как просветлело лицо Анны.

– Живой, значит, – облегчённо вздохнула она. И, прежде чем Кеша успел укорить её в отсутствии патриотизма, пояснила, чётко разделяя слова: – Коля не может сбежать. Кто хошь другой, только не он.

– Ну, а я о чём! – просиял и Торопов и показал Кеше на Анну так, будто привёл неоспоримое доказательство: – Слышал? Говорил же, такого не может быть! Хоть всё Брагино спроси. Давай, Аня, одевай огольца.

Одев хныкающего сына, Анна прижалась к босым ногам старушки:

– Мама, я вернусь скоро. Дядь Илья пока присмотрит за тобой.

Мать отрешённо ухватила её руки:

– Ладно, доченька, ладно. Полушалок мой накинь,

он потеплее будет. А своим Матюшку шибче укутай, не застуди. Ну, храни вас Господь.

– И тебя, мама, пусть Он сохранит. Я скоро.

Дверь, впустив в хату облако пара, захлопнулась и следом чуть слышно звякнула ложечка в стакане, и звук тот отозвался в душе старой женщины. Она вздрогнула, выпрямилась и, схватившись за грудь, прошептала одними губами:

– Не-е, не свидимся мы боле, доченька, на этом свете. Не доживу я.

Что-то вызнала наперёд старая мать.

Выйдя на улицу, Илья озабоченно втянул в себя воздух.

– Гляди, как потеплело, знать, буран будет, – с тревогой сказал он и взял вожжи в руки: – Поторопиться бы надо. Вам ведь с Никитой в любом случае ещё вёрст тридцать пилить придётся.

– Ну, нам не впервой, – Кеша пытался выглядеть бодрым, но в душе его отчего-то скребли кошки. Он примостился рядом с Ильёй и помог Ане укутать ребёнка: – До Ключей-то сколько?

– Да версты три-четыре, пожалуй, будет. Потом до района столько же. Ну, тронулись!

* * *

В медпункте оказалась лишь одна медсестра Тося. Но и ей было достаточно одного взгляда, чтобы оценить состояние Анны. А когда Торопов сказал, что, мол, приказано везти её с малышом в райцентр, она запротивилась:

– В такую-то даль! Да куда ж её такую везти? Её ж осмотреть сперва надо. А ну-ка, раздевайся, девка. – И по-

слушав её за ширмой, чуть ли не запричитала: – Что ж ты, голубушка, с хворью-то так затянула, воспаление у тебя. Шас, обожди маленько, я тебе микстуру приготовлю. Нет, это ж надо придумать, чтобы такую больную куда-то везти, – ворчала сердобольная медсестра, сноровисто приготавливая какое-то лекарство. – На-ка, вот, выпей, полегчает.

– Дак всё думала: вот само пройдёт, вот само пройдёт, – виновато проронила Анна, принимая микстуру. Буквально через минуту утих кашель и на бледных щеках её проступил нездоровый румянец.

– То-то и оно, что все так думают, Аня. А оно само не проходит, только хуже делается. Обратилась бы раньше, может быть, уже и на ноги поставили бы. Ах, ты горе-горюшко. Без больницы тут не обойтись.

– Да непривычные мы к ним. Думаю: ну, как положут, куда сына девать? Мама моя сама почти не встаёт с лежанки. С кем его оставишь?

– Да это-то, конечно. Беда одна не ходит. Дай Бог, чтобы он ещё не заболел. Долго ли! – Тося вздохнула и постаралась приободрить Анну: – Ну, хорошо хоть, что тебя привезли. Ты пока у меня тут останешься, а завтра доктор осмотрит и уж тогда отвезут в город. Там-то больше помогут. И положут вместе с сыночком.

– Вот и я говорю! – обрадовался Илья. – Ты бы, Тося, нам какую-то справку дала, что, мол, нетранспортабельная она, а? Можешь?

– Да чё тут справка, когда у неё всё на лице написано, – взорвалась Тося. – Кому она нужна – та справка?

– Вот ему, – кивнул Илья Семёнович на топтавшегося у двери Кешу. – Если бумага будет, он согласен оставить Анюту.

– А что ж делать? – растерялась Тося. – Доктор теперь только завтра будет. – И вдруг лицо её озарилось догадкой: – Знаешь что: я тут напишу, какое лекарство дала ей, и любой врач поймёт, что везти её было нельзя.

– Пойдёт, – радостно потёр ладони Илья. – Как ты на это, солдат?

– Да мне-то что. Вы мне другое обещали.

– Про Никитку? Это я шас улажу. Будь, значит, пока здесь. – Илья нахлобучил шапку на самые глаза и стремительно вышел на улицу.

Кеша, плотнее прикрыв за ним дверь, расслышал, как медсестра без всякой связи с только что ею сказанным, тихо промолвила: – Бога проси, Аня. Он и усмотрит, и облегчение пошлёт.

– Я и прошу Его, тётя Тося. Мне больше не на кого надеяться.

«Эх, деревня, ты деревня, – пожалел их Сенькин. – Как можно надеяться на того, кого нет! Темнота-а-а».

* * *

Где искать племянника, Торопов хорошо знал: лучший самогон в селе у Дарьи Матвеевны и её дочери Фени. И не ошибся. Гулянка была в самом разгаре. Никита в распоясанной гимнастёрке сидел за столом в обнимку со своей бывшей товаркой Феней Босых и пьяно уговаривал её выйти за него замуж. Напротив сидел Пётр Тужиков и его дальний родственник, которого Илья Семёнович обозначал не иначе, как «хмырь» или «деляга». Все звали его Ипатом, но, имя это его или прозвище, толком никто не знал, да и нужды

узнавать не было. Ипат – и всё тут. Оба без женщин: Пётр соблюдал правила и на людях с товарками не показывался – власть!

– Выходи, Фенька, не прогадаешь, он мужик что надо, – еле ворочая языком, советовал этот самый хмырь. – Я с ним Крым и Рим прошёл, знаю! С ним не пропадёшь.

– Мели, Емеля, твоя неделя, – отмахнулась невеста. – Он каждый раз меня сватает... как подопьёт. А как протрезвится, тут же глазом в другую сторону косит. А ты, значит, снова жди. У-у, колобкова корова, – легонько, как бы понарошку, треснула она Никиту ложкой в лоб, – когда уже нагуляешься? Сколько ещё ждать тебя прикажешь?

– И прикажу! – загордился тот, услышав своё любимое слово. Само это слово возвеличивало его в собственных глазах. – Сколько надо, столько и будешь ждать! – И попытался взять её под бока: – Пшли к тебе.

– А вот это видел? – не согласилась Феня, сунув кукиш ему прямо под нос. – Когда твой паспорт и мой будут в загсе, тогда хочь куды пойдём.

– Завтра же пойдём в загс, – мотнул головой ухажёр. – Я согласный.

– Вот завтра всё и будет. Если под окна к другой не убежишь.

– Ду-ура, – обиделся Никита и рванул ворот гимнастёрки. – Ты что, мне не веришь? Работнику органов не доверяешь! Да ты знаешь, с какой я мис... этой... миссией сюда прибыл, а? Знаешь?

– С кем? – не на шутку перепугалась Феня. Да и Пётр с тем хмырём озабоченно переглянулись от таинственного

слова. От пьяного Никиты всего можно ожидать. – А где ж она, эта твоя миссия-писия? Где она?

– Тута! – хлопнул Букин по кобуре. – Тута моя миссия. Я Аньку арестовать прибыл, поняла? Это и есть миссия – дело, значит, по-нашему.

– А-аньку? – изумилась Феня. – Да ты в своём уме? – И догадалась: – А-а, это ты герой, пока её рядом нету. А как появится, так сразу смиренный, как овечка. Ты ж всегда сох по ней!

– Кто? Я? Да? Сох? – Никита осовело повёл налитыми кровью глазами, грохнул по столу кулаком и вскочил, опрокинув табуретку. – Я вам покажу овечку! Прошло то время, чтобы мной помыкать. Теперь моё время. За все обиды отплачу. Надо будет – и в расход пушу. Будет знать, как Никитой брезговать! Что, не веришь?

– Да будет тебе, будет, – не на шутку перепугалась Феня. – Верю я.

Но Никиту уже не удержать, понесло мужика. Все пьянки с его участием и раньше всегда заканчивались дракой, но теперь он был власть. Да ещё и с наганом. Всё же, увидев Фенькин страх, немного успокоился, дурашливо схватил её и притянул к себе.

– А раз веришь, тогда целуй вот при всех!

– Ага, шас прям, – оттолкнула Феня разошедшегося ухажёра. Он не удержался на ногах и, споткнувшись о табуретку, растянулся на полу. Это было очень обидно. Он привстал на колени и облокотился на табуретку:

– Ну, Фенька, ну, зараза... Я ж тебя шас...

– Погодь, Никита, – остановил его Тужиков. – Охолопись. Не дело это, ты что? – И Феньке: – А ну-ка, девка, убирайся подальше от греха.

– Э-э, не-е, никуда она не пойдёт, – снова вскуражился Никита, неожиданно бросился вперёд и обхватил её руками за бёдра: – Моя она седни, – и уткнулся мордой в подол юбки.

– О! А кто это тут на коленях ползает! – послышался голос Торопова. Никем не замеченный, он зашёл в хату в самый разгар излияний Никиты. Момент для Ильи благоприятный. – Никита! – разыграл он недоумение. – Ты? Да ты что, племяш дорогой, сватаешься тут, что ли? А напарник вон твой говорит, ты жизнью рисковать поехал? Задание, мол, у тебя огромной важности по задержанию преступника. А ты, как вижу, пока только юбку задерживаешь. Или ты уже того... пиф-паф, задание выполнил?

Букин поспешно разжал руки, и Феня тут же шмыгнула к столу.

– А я чё, я ничё, – блудливо забежал он глазками, соображая, как выйти из этой глупой ситуации. – Не видишь – шуткуем мы тут с Феней.

– Ах, шутку-уем, – взвихрилась та. – Теперь это так называется! А кто только что обещал жениться, а? Пушкин?

– Во, видишь, – хмыкнул Торопов. – Ты уж давай-ка, определись и что-нибудь одно до конца доведи: либо жениться, либо задание выполнять. – Он взял со стола стакан, поднёс к носу и поморщился: – Но пьянкой предварять ни то, ни другое не рекомендуется. По исполнении дела – это всегда пожалуйста.

– Да будет тебе, Илья Семёнович, – вступился Тужиков. – Чё ты придираешься? Их дело молодое.

– Ясно, что молодое, – вроде как подобрел Илья, но тут же строго добавил: – Но он-то при исполнении.

Где это видано, чтобы на службе самогон жрать, да ещё и у девки в ногах валяться?

Все до единого, даже хмырь Ипат, понимали, что участковый в два счёта может лишить племяша карьеры. Да и сам Никита вмиг протрезвел, куда и весь его гонор улетучился. Торопливо непослушными пальцами он пытался застегнуть ремень на гимнастёрке.

– Чё ты, дядя, в самом-то деле: жрать, валяться, – загнул он, и в его обращении к Илье впервые за последнее время зазвучали заискивающие нотки. – Я и пригубил-то самую малость. Вон, у кого хошь спроси.

– Да оно мне надо? – развёл руками Торопов. – Гуляешь – гуляй, только ум не пропивай. – И доверительно: – Я ведь к тебе с просьбой.

Расчёт верный. Отлегло от сердца у племянника. Обмяк Никита, и тут же вернулось самодовольство, будто и не было тех унижительных для его чести минут. Он весело подмигнул Фене – знай, мол, наших! – и, как мог, вежливо спросил:

– А что там у тебя?

– Да ерунда, – отмахнулся Торопов и приврал для убедительности: – Врач тут Аню осмотрел, ну и заключение дал, что нельзя её везти сейчас. Уж больно хворая она.

Улыбка Никиты сползла с лица, но рот не закрылся. Он медленно присел на табуретку к столу.

– Дак это... у нас же...

– Предписание? – жёстко оборвал Илья. – Знаю. А ты подойди к вопросу по-людски. Куда она денется? Тем более с огольцом.

Никита заколебался. Буря эмоций отразилась на его лице.

– Дело, конечно, твоё, – как бы собираясь уходить, нахлобучил шапку Торопов, – я тебя уговаривать не собираюсь. Но попробуй хоть раз быть человеком. Девке бы подлечиться надо.

Колебания сержанта прервал пинок по ноге под столом. Он вскинул глаза: прямо на него смотрел Тужиков и едва заметными кивками головы призывал соглашаться. Пётр зря призывать не будет. Имеет, значит, что-то на уме. А имея его поддержку, Никите и сам чёрт не страшен.

– Ну, надо, так надо, – облегчённо вздохнул он. – Пушай остаётся. Только и ты, дядя Илья, если что, подтвердишь про Аньку. Ну, что хвораю. И что ты сам за неё просил.

– Об этом не беспокойся. Вот же у тебя и свидетели есть.

– И обо мне не распространяйся.

– Да оно мне надо, – снова повторил, теперь уже с улыбкой, Илья. – Договор дороже денег! Так как? Мне идти докладывать твоему напарнику, или сами разберётесь?

– Ясно дело, сами. Щас я, мигом соберусь.

– Ну-ну, давай. А я, значит, пошёл. В отделение загляну, может, кто в Брагино едет. – И упредил враз побледневшего Никиту: – Да не волнуйся, слово моё твёрдое. Но и ты смотри, своё держи. Не сдержишь – у меня тоже тут свидетель есть. – Сказал просто так, без умыслу. Быстрый окорот племянника усыпил его бдительность и придал благодушия. Он даже решил пошутить:

– А если всё по-хорошему, так почему бы нам вон с Петром на вашей с Феней свадьбе не погулять. А, Феня, возьмёшь нас в свидетели?

– Так он тебе и женится, – криво усмехнулась она. – Он, вишь ты, не нагулялся ишо. А я его до морковкина заговенья ждать несогласная.

– Да он дурак, что ли, такую девку упускать, – удивился Илья. – Не-е, это ты зря про него так думаешь. Бери его в оборот, Феня. А если что, я тебе помогу его обуздать. А, Никита, не против? – И сам же ответил: – Да, конечно, не против. Ну, ладно, мне торопиться надо.

– Погодь, Илья Семёнович, – встал из-за стола Тужиков. – Что это ты будешь искать кого-то, если нам с тобой одна дорога? Я со своими делами уже управился. Айда, подвезу на своей паре.

– Вот это кстати, Петя, это куда как хорошо. Тогда и Анну заодно навестим, тоже убедишься, что нельзя её везти. А этот? – кивнул Илья в сторону клевавшего носом Ипата. – Оставишь его тут, что ли?

– Возьмём с собой. Пусть напарнику Никиты дорогу сюда укажет. Ты иди, выводи пока лошадей, а я его в чувство приведу.

Торопов ещё раз окинул взглядом Никиту с Феней.

– Ну, бывай, племянник. В другой раз приезжай с хорошими вестями.

Никита тупо посмотрел ему вслед, ухмыльнулся и выжидательно уставился на Тужикова. Тот кивком головы отозвал его в соседнюю комнату и быстро-быстро прошептал что-то на ухо. Убедившись, что Букин всё понял, растолкал Ипата и размашисто вышел из хаты. Сержант злорадно ухмыльнулся, прочистил горло и, когда в окне мелькнули удаляющиеся сани, расшаркался в картинном поклоне, адресуясь к уехавшему дяде:

– Привезу тебе, начальник, новостей. Ра-адостных. Таких, что на всю жисть хватит. – Он налил в стакан самогон: – Всё, это последняя. Ну, Фенька, и развернись же я теперь! На всю катушку развернись.

– Чего это ты задумал? – встревожилась она. – Вроде и радости мало.

– Да кого ты понимаешь, дурёха, – Никита опрокинул самогон в глотку и долго давился им, выкатив глаза и захватив рот ладонью. Переборов, наконец, взбунтовавшиеся позывы желудка, понюхал корочку хлеба, вытянул вперёд сжатый кулак и выдохнул: – Вот он где теперь, мой дядя. Думал запугать, а выйдёт наоборот. Не рой другому яму – так-то вот!

– Да говори ты ладом. Чё удумал, ну? – всё больше пугалась Феня.

Он, как бы оценивая, внимательно посмотрел на неё:

– Тебе скажу. Видела, как он меня страшал за Аньку? Во. А она, мало того, что дочь осуждённого сектанта, так ещё и жена изменника родины. Это значит, он за врага народа вступался. – И, видя недоумение своей подруги, зло добавил: – Теперь довыступался. Ну, чего вылупилась, как баран на новы ворота? Ейный Колька с фронта дезертировал, поняла?

Феня, притихшая с самого начала его тирады, мотнула головой и невольно перекрестилась:

– Свят, свят! Да не-ет, чтобы Колька... Дак это что ж теперь с ней будет?

– Ничего не будет. В районе пока будет жить, – догадался соврать он.

– Если б так, чего бы Торопов тогда тебя просил её оставить?

– Просил. Ну и что с того? Мне её велено доставить в любом, даже разобранном, виде. Вот я и доставляю.

– И не жалко тебе её, хворую-то?

– А меня кто пожалует? Я за неисполнение под суд могу угодить, поняла? Дядьке что? С него взятки гладки. Говорил, не говорил, доказывай потом. Не-е, я эту кухню хорошо изучил. Ты выполни приказ, а там хоть трава не расти. Потом уже пусть разбираются. Правильно поступил, неправильно – претензии уже не ко мне. Моё дело доставить.

– Хворую-то негоже бы...

– Вот заладила: хворую да хворую! Ты-то чего испереживалась за неё? – удивился Никита. Очередная порция самогона взбудрило его. – Сама ж только что готова была её извести. Любовь мою к себе требовала доказать. Вот и докажу, что никто она мне. А ты, наоборот, мне к душе будешь. – Он снова попытался обнять её, но она выскользнула из его рук. Чуть заметная усмешка тронула её губы:

– Да нет, я тут ни при чём. Это ты себя хочешь улестить, что какой ты герой. Всё счёты с Колькой сводишь за неё? Своди. А меня не впутывай, будто из-за меня это. Я дяде Илье скажу, как ты обещание своё выполнил.

– Ну-у, это он и без тебя узнает, – прищурился Никита. – Да только поздно будет. – И вдруг догадался о чём-то: – Слушай, а не зря, видать, он тебя в свидетели-то прочил, а? Уж не сексот ли ты его?

Феня знала значение этого слова, поэтому обиделась.

– Я сроду ни на кого не доносила и не ябедничала, –отреагировала жёстко. И через паузу недвусмысленно

добавила: – Не то, что некоторые. Сам ты – сексот-восемьсот. – И упредила его протест: – Да ладно, пошутила я. Вон твой Ипашка возвернулся.

В подтверждение её слов с улицы слышался залихватский свист, и напротив окна с резким разворотом остановились сани.

– Тпру-у, приехали! – весело зорал Ипат, по-молодецки прыгнув на ходу. Но не удержался на ногах, кубарем пролетел несколько метров и угодил головой в сметённый к самой ограде сугроб. Не учёл мужик количества выпитого. Однако скоро выпростал голову из снега, отряхнулся, как отряхивает с себя блох шелудивая собачонка, и пошёл, подтанцовывая, к дому.

– «Эх, милка моя хуже лихорадки, ши варила – пролила мужу на запятки. И-ех-тах-ри-та-тах!» – прихлопывал он в такт и лупил руками по голяшкам валенок. Следом за ним, добродушно ухмыляясь, в дом вошёл и Кеша. Настроение у него тоже было приподнятое.

– Ты почему без Аньки прибыл? – огорошил его Никита.

– Чиво-о? – опешил тот.

– Анька, говорю, где? – раздражённо процедил Никита и безнадёжно махнул рукой: – Ладно, что с тебя взять. Посиди тута вот. Да подкрепись малость. – И кивнул Фене: – Это мой напарник, *рядовой* Сенькин. Ты бы поухаживала пока за ним. Я быстро обернусь. – И остановил услужливо вскочившего Ипата: – Сиди, сиди, без тебя обойдусь.

* * *

Сильно просчитался Илья Семёнович насчёт своего племянника, очень сильно. Не только не сдержал тот своего обещания, а наоборот, проехал сначала к отделению милиции, где первым делом написал подробный донос о противоправных действиях своего родного дяди, а уж потом, прихватив одного милиционера, явился в медпункт. Спорить с властями бесполезно, поэтому всё, что смогла отстоять медсестра Тося, это оставить у себя сыночка Анны, Матюшку. Здесь на неё не повлияли никакие угрозы.

– Раз говоришь, что ненадолго увозишь её, то нечего дитя таскать, – сказала, как отрезала, храбрая женщина.

– Ладно, пусть остаётся, – великодушно разрешил Букин. – Но смотри у меня: на полную твою ответственность. И если что случится, – тут он кивнул на милиционера, – то вот ваш же товарищ подтвердит...

– Подтвердит, подтвердит, – проворчала Тося. – погоди, Илья вернётся, я ему всё расскажу. Он шкуру-то с тебя спустит.

– А вот этого делать не советую, – бросил уже в дверях Никита. – По старой дружбе с тобой, тётя Тося, не советую. А то загремишь вместе с ним. До кучи, так сказать, – и легонько подтолкнул Анну на улицу: – Пошли, однако.

Буквально через полчаса он уже вернулся и, крикнув Сенькина, подал ему вожжи:

– Держи, Кеша, и благодари судьбу, что я вовремя погодился. Не то пылить бы нам совсем в другие края. Которые не столь отдалённые. – И махнул рукой в направлении зоны, раскинувшейся сразу за Ключами: – Во-он туда. Знаешь, что там находится, или подсказать? Вот то-то.

Он явно рисовался перед Анной, хоть даже и не смотрел в её сторону. Потом, наскоро забежав в дом, схватил бутылку самогона.

– Это мне на дорожку, ягодка моя, – криво усмехнулся в ответ на немой вопрос Фени. – Ну, что: теперь-то, думаю, мне поверишь? Вон она, Анька-то. Отбегалась голубушка.

Феня, сцепив руки, смотрела на него широко раскрытыми от ужаса глазами.

– Какая же ты тварь, Букин, – тихо прошептала она. – Какая тварь!

Хотела она того или нет, но он расслышал.

– И ты туда же? – ощерился злобно. – Ну, я тебе это припомню. Ду-ура! Жаль, времени на тебя шас нет. А вообще-то, так пошли бы вы все... – И, пулей выскочив из дома, прыгнул в сани:

– Гони шибче, товарищ Сенькин, чтобы дотемна в штаб успеть.

«Штаб» – это тоже для Ани.

Кеша, стараясь не оборачиваться на неё, погнал лошадей через лес по короткой, указанной Букиным, дороге. Тот продолжал демонстративно не замечать Анну и с наигранным весельем рассказывал напарнику о своих похождениях в Ключах. При этом он насвистывал и изо всех сил пытался выглядеть равнодушным. Аня тоже не поднимала глаз и молчала в задке саней, укутавшись в любезно предложенный Сенькиным тулуп. Время от времени всю её сотрясала дрожь не то от холода, не то, как полагал Никита, от страха. Но вот их глаза всё-таки встретились, и он не увидел в них ожидаемого им страха или хотя бы подобострастия. И озлился. Сани выехали из леса и давно

уже катили по огромной расстилавшейся белым безмолвием пустоши, и лишь далеко впереди темнела громада дремлющей тайги, да по сторонам там и сям ютились небольшие островки-перелески. Никита машинально приложился к бутылке, вытер губы рукавом тулупа.

– Ну, чё, помогли тебе твои молитвы? – с затаённым презрением спросил он и, не получив ответа, скверно выругался.

– Побойся Бога, – вспыхнула Аня.

– А чё Он мне сделает, когда Его нету? Если бы был, чего ж тебе не помог? Вот не отвернулась бы тогда от меня, я бы помог.

– Да ты и так помог. Папу в тюрьму помог упрятать. Думаешь, люди не ведают, кто тот фальшивый донос состряпал. Знают, чьих рук это дело было. Теперь меня вот незнамо куда везёшь.

– Незнамо? – криво усмехнулся Никита. – Это для тебя-то незнамо? Ещё как знамо! Чует кошка, чьё мясо съела. Не чужала бы – так не тряслась бы.

– Больная она, – не оборачиваясь, подал голос Кеша. – Говорил же...

– А ты ей кто? – грозно оборвал сержант. – Адвокат? Правь, вон, и громче молчи. – И снова к Анне, не скрывая ехидства: – А чё ж это ты про Николая своего не спрашиваешь? Я бы и рассказал, порадовал бы тебя.

– Коля на фронте.

– Не-а! Не воюет больше ваш Колюня. Дезертир он, изменник родины, а не вояка, поняла? А то – на фронте, тьфу!

– Коля не изменник, – Аня глядела прямо в глаза Никите. – Он в Бога верует. А вот ты и Богу изменил, и ещё

кому хошь изменишь. Кто тебе больше заплатит, тому и присягнёшь на верность.

Зря это она сказала, зря. Будто плёткой по нервам хлестнули его эти слова. Запылала левая щека, словно от той же памятной пощёчины, которой он удостоился года четыре назад. Так весь и подобрался Никита, сощурился зло, промычал что-то невнятное. Только и разобрала Аня, что где-то должно сгнуть и ей, и всей её родне.

– Тебе, Никита, не о нас, а о себе беспокоиться надо, – возразила она тихо, но твёрдо. – Покаяться в злых делах своих, пока не поздно. Бог...

– Это кому? Мне покаяться?! Ах, ты... – задохнулся он от злости, с силой сдёрнул с неё тулуп и стал ногами выталкивать её из саней: – А ну, вытряхивайся тогда! Своим ходом пойдёшь! – Она скатилась на дорогу, и сани тут же приостановились. – Чего встал? – заорал сержант на Кешу и замахал наганом: – Езжай потиху, ничего с ней не станется. Тут немного осталось, дак пусть охолонёт маненько.

Анна, обхватив руками плечи, медленно побрела за санями. Было видно, что она шепчет молитву.

– Во-во, молись, – заскрежетал зубами Никита, приложившись к бутылке. Ему страстно захотелось опьянеть, чтобы погасить последние оставшиеся к ней чувства. Ну, хоть бы одно движение, мало-мальский намёк на то, что боится его, и он бы тут же – нет, не простил! – смиловился и посадил в сани. Ни слова, ни намёка. Вот и пусть топает, пока не поумнеет. Расстояние между ней и санями увеличивалось, и он велел напарнику ехать потише.

– Что плетёшься, как неживая? Не помогает твой Господь? Ну-ну, поспевай, может, гонор-то и поубавишь...

Они только что миновали небольшой перелесок, снег вокруг которого был испещрён множеством звериных следов. Кеша опасливо заозирался по сторонам и натянул вожжи:

– Тпру-у! Давай, подсадим её, а, Никита? – И не дожидаясь ответа, привстал в санях и махнул ей рукой. – А-ня-а, поспедай! – Потом к Букину: – Подождём?

Но тот, встав на четвереньки, с силой усадил его на место.

– Лучше смотри вон за дорогой, чтобы не сбиться, а за ней я уж как-нибудь сам присмотрю, – прошипел грозно.

– Да ты что, Никита, совсем ошалел? Тут же волки кругом, вон следы, не видишь? – обозлился и Кеша. – Ведь неровен час...

– А ты, как вижу, не из храброго десятка, – перебил сержант и презрительно ухмыльнулся: – Смотри, не окочурься от страха. Тоже мне, оперативничек! Волков бояться – в лес не ходить! Так-то вот. И заруби себе на носу: пока дядя Никита с тобой, всё будет в порядке. Усёк?

И тут Горюн так рванул с места, что Кеша выронил поводья, а сам сержант чуть не вылетел из саней. И тишину пустоши прорезал его сдавленный крик: «Волки! Накаркал, подлюга! Вон там, справа. – И тут же отчаянным полушёпотом: – И сзади они. Конец Аньке!»

Полуобернувшись, Кеша увидел беспомощную фигурку Ани, упавшую на колени, и быстро приближающуюся к ней от ельника стаю из трёх волков. Всё это время он безуспешно пытался ухватить выроненные вожжи:

– Стой, Горюн, тпру-у! Аня, беги быстрее!

И почувствовал вдруг ткнувшееся в спину дуло нагана и не менее хриплый, чем у него, голос мгновенно протрезвевшего Никиты:

– Поздно! Гони, придурок. Гони-и!

И Сенькину передался его животный страх. Не сводя глаз с той стаи, что мчалась им наперерез, он дотянулся наконец до поводьев и ожёг ими и без того мчавшегося из последних сил жеребца. Но как ни летел Горюн, а волки быстро сокращали расстояние.

– Стреляй, Никита, – втянув голову в плечи, тонко и сипло взвизгнул Кеша. – Стреляй!

Вспомнил наконец сержант прямое назначение нагана и, держа его дрожащими руками, выстрелил. И ещё, и ещё. Эхо от пальбы ворачивалось сухими раскатистыми шелчками, и складывалось впечатление от массовой стрельбы. С его последним выстрелом слился ещё один откуда-то со стороны, и передний волк, высоко подпрыгнув, распластался на снегу. Следом кувыркнулся второй, и остальная стая тут же резко развернулась. А сани скрылись в перелеске и полетели по просеке, окружаемой с обеих сторон высоким кустарником и могучими деревьями. Букин ошалело тарашил глаза то в удаляющийся просвет дороги, то на дуло нагана. Сам он был на грани потери рассудка: как он мог убить двух волков из разряжённой уже обоймы?

* * *

Аня тоже увидела мчавшуюся к ним справа стаю волков и встала, как вкопанная. Сани с огромной скоростью удалялись от неё, и теперь если и надо было бежать, то как раз в обратную сторону: волки мчались наперерез саням уже далеко впереди и отрезали её от них. Хищники угадывались лишь некрупными, чернею-

шими в линию – одна за одной – точками вдаль. И это было хоть и временное, но спасение. Надо быстрее вернуться назад. Она развернулась и от обуявшего её страха так и села на снег: прямо перед ней стояла троица волков – самка и чуть позади два самца. Ей показалось, что волчица с любопытством смотрит на неё. Вот она сделала шаг и волки ровно так же ступили за ней. Ещё миг – и они набросятся на неё. Захолонуло сердце, пересохло в горле.

– Матушка, голубушка, – привстав на колени, шепчет Аня, прижав руки к груди и не сводя своих глаз, полных мольбы, ужаса и слёз, с жёлтых волчьих. – Пожалей. У меня сыночек малый. Не за себя прошу, за Матюшку, за сыночка. Ты же сама мать, пожалей! – Она чуть обозначает руки к волчице ладонями вверх и продолжает шептать уже одеревеневшими губами: – Господи, спаси и помилуй... Милая, пожалей... Господи...

Волчица так и не сводит глаз с Анны, и теперь уже не понять, кто из них кого заморозил взглядом. Волки в нетерпеливом оскале ждут решения самки, а она, словно понимая свою значимость, медлит. Длится это несколько мгновений, которые кажутся вечностью. Наконец самка подняла морду кверху и протяжно завывала.

– Матушка, голубушка, – в последней надежде зашептала Аня. Не держат колени, онемела спина, но крепится из последних сил, чтобы в лишнем движении не переменить позу, не навлечь беду. Дочь охотника, она очень хорошо знает: чуть шелохнёшься – и тогда непременно конец. Разорвут в один присест. Во время «волчьих святок» звери становятся особенно злыми. – Господи, спаси и помилуй...

Волчица медленно, как-то нехотя, зевнула, широко раскрыв пасть, развернулась всем телом и, с места перемахнув через сугроб, затрусилась прочь от дороги в степь. То же самое проделали и волки, и устремились вслед, наперебой лапаясь к ней и огрызаясь друг на друга. На Анну никто из них уже не обращал внимания. И тут где-то в отдалении грохнул выстрел, за ним второй, третий, и, ударившись о сопки, раскатилось эхо беспорядочной пальбой по всему окоёму и заглохло где-то там, далеко в лесу. Троица, подстёгнутая выстрелами и сбитая с толку канонадой эха, метнулась сначала в одну, потом в другую сторону и наконец бросилась назад к ельнику.

Анна, ещё не веря в чудесное спасение и не совсем пришедшая в себя, привстала, озираясь вокруг. Волков не было. Но куда, в какую сторону теперь идти? Вернуться домой или ждать, когда вернутся за ней её конвоиры? Впрочем, и этот вопрос отпал сам собой; не успела сделать несколько шагов, как подкосились ноги и она со стоном снова упала на колени. Ещё раз попробовала встать, но теперь не может и приподняться. Не держат, напрочь отнялись ноги. К тому же душит кашель.

Усиленно помогая себе руками, она поползла к обочине: сейчас, сейчас вернутся мужики, раз волков отогнали. Тот, второй-то милиционер, Сенькин Кеша, вроде славный парень, не зверь. Неужто бросят её? Да нет, вернутся, конечно, как же бросить, если специально за ней приезжали. Просто, наверное, что-то случилось и с ними, раз так долго не едут. Но вернутся, обязательно вернутся. В воздухе уже плавно, предвещая буран, закружились редкие снежинки, оседали на одежде и тут же таяли, но мужчины не ворачивались. А ноги так и не

слушались. Оттого пришло чёткое понимание, что самой ей никуда не добраться. И навалилось отчаяние и ещё больший страх: теперь уже за Матюшку. «Сгину, кто ж его растить будет! Мама кое-как ходит, за ней самой присмотр нужен. Господи, спаси, пошли кого-нибудь. Загину ведь... Надо поглубже в снег зарыться», – мелькает в затухающем сознании, но сил уже нет ни на что. Сладостная истома одолевает всё тело, приятной теплотой разливается до самых кончиков пальцев. Она знает, что это такое. «Это конец. Господи, спаси и помилуй! Надо поглубже в снег зарыться... переждать буран... надо бы...» И уже сквозь дрему слышит вдруг поскрип чьих-то шагов и едва слышный невнятный говор.

«Вернулись-таки, – умиротворённо улыбаётся Аня и крохотным лучиком воскресает в душе огонёк надежды. – Здесь я, здесь! – радостно и громко, как ей кажется, кричит она, протягивая к ним руки и удивляется: – Почему они не слышат? И почему я их не вижу? Ах, как долго они идут!»

Наконец откуда-то издалека доносится незнакомый мужской голос: «Не могла она далеко уйти. Где-то здесь должна быть».

И другой, женский, восклицает в тревоге: «Гляди-ка, тут след волчий. Вон туда через сугроб ушли. Мать честная, три волка было! Но крови нет, смотри её здесь, Афанасий».

«Нашёл, – откликается невысокий коренастый мужчина в ладно сидящей на нём кожаной, подбитой мехом тужурке, в унтах и пышной меховой шапке. И, спустя паузу, удовлетворённо сообщает: – Тут она, Галя, иди сюда. Слава Богу, вроде живая. Посмотри да отогрей её, пока я веток срублю, чтобы до дровенок дотащить».

– Мать честная, – всплеснула руками его спутница, приоткрыв лицо Анны, – да она ж совсем ещё девчонка! Шас я, шас, милая, потерпи. – Она приподнимает Аню, ловкими, заученными движениями снимает с неё фуфайку и тут же надевает на неё свою, такую же, что и у мужчины, тёплую куртку. При этом не перестаёт приговаривать: – Вот так, вот так, ну и умница! Будем, будем жить, красавица.

Аня чувствует, как кто-то, склонившись над ней, ошупывает её лицо, прислушивается к дыханию, переодевает её; затем те же заботливые руки укладывают её на мягкие ветви, и хотя ещё слышит ласковый, баюкающий говор, но так и остаётся безучастной ко всему.

«О ком это они говорят и с кем?» – отстранённо думает она. Всё, что происходит, уже относится не к ней, а к кому-то та-ам, в том далёком далеке, которое она, как ни пытается, не может увидеть, но ясно ощущает, что оно есть, и к которому стремится всей душой. Оно, это дальнее далёко, переливается вдали всеми цветами радуги и, то удаляясь, то приближаясь, напоминает о чём-то неуловимо близком, манит к себе нежной мелодией колыбельной песни – той, что всегда пела ей мама и которой потом она сама убаюкивала своего сынишку. Мелодия звучит всё громче, призывнее, и вот уже достигла звучания необыкновенной силы и... оборвалась. И – всё. Ни радужного цвета, ни звука, ни вскрика – полное, тотальное безмолвие...

Между тем они уже дотащили её на волокуше из ветвей до того же ельника и переложили на припрятанные там небольшие дровенки.

– Куда мы её теперь, Афанасий? В село? – спрашивает женщина.

– Нет, Галя, – отрицательно качнул он головой. – Туда её нельзя.

– Почему? Ты что-то уже знаешь?

– Я когда ещё у распадка высматривал в бинокль дорогу, заметил, как из-за ельника вынырнули сани, а потом и её фигурка показалась. Она порядком уже отстала от них и едва переставляла ноги. А мужики, те, что сидели в санях, – я это хорошо рассмотрел, – они были в полушубках. Это милиционеры, Галя. А значит, она – арестант.

– Может быть, они её просто обогнали?

– Нет, потом один из них останавливал сани и даже махал ей, похоже хотел дождаться, но другой, как я думаю, не разрешил. Между ними даже вроде как потасовка приключилась. А тут аккурат и волки, и не до неё стало – свои бы ноги унести. Несмотря на то что при них оружие. Ну, а потом уже и ты подошла.

– Да я как услышала выстрелы – так сразу и к тебе. Выходит, они бросили её на произвол судьбы?

– Именно так. Но если бы я там не погодился, им бы точно так же не сдобровать, как и ей. Стрелки-то они оказались никудышные, а воевать, по всей видимости, приучены только с безоружными девчатами. Вот как эта. И поскольку у меня нет гарантии, что в селе её вновь не посадят под арест, то выдавать её – этим ли, другим ли держимордам – я не стал бы даже под угрозой расстрела. Думаю, заберём её к себе на базу, пока не выясним все «за что и про что», а? Не просто же так конвоировали её куда-то.

– Неужели тебе, и правда, не боязно, Афанасий? – в голосе женщины больше любопытства, чем тревоги. – А ну,

как дознаются в милиции, что она у нас? Они ж тебе что хочешь могут приписать. Укрывательство преступника, например, или ещё что похлеще.

– Во-первых, преступник или нет, на лбу у неё не написано. Во-вторых, человек в беде, а у геологов на этот счёт свой кодекс – это ты не хуже меня знаешь. Ну, а в-третьих, я давно отбоился их.

– Это и я уже давно поняла. За что ты так не любишь эту власть?

– Любовь тут ни при чём, я её не приемлю. Не принимаю ровно за то же, что и всё наше забитое, зашуганное население. Разница лишь в том, что я говорю об этом открыто, а другие молча сносят всю её жестокость. Знаешь, если бы я заметил, когда и откуда появилась та, другая, стая около девчонки, будь уверена, я стрелял бы в ту, а не другую сторону. Поэтому и хотел бы узнать, кто помог ей, кто спас от неминуемой беды? А это может рассказать только она сама.

– Вот и я гадаю, как же они её не тронули? Это же прямо чудо. Нет?

– Чудо, да ещё какое, – соглашаясь, хрипло басит он. – Не было на моей памяти такого, чтобы волки на «святки» человека не тронули, сколь ни вспоминай. Да-а, в рубашке девчонка родилась. Долго теперь жить будет, однако! Если, конечно, верить в приметы, а по виду-то вряд ли выживет. Что скажешь, Галя? Ты ведь ко всему ещё и врачом когда-то была.

– Не кошунствуй, Афоня, – шутливо погрозила она.

– Да не-е, это я так, к слову. А всё же как ты её находишь?

– Хорошего мало. У неё и впрямь «еле-еле душа в теле», горит вся. Мне бы осмотреть её где-то? До базы-то больно далековато будет.

– Ну, тогда в село придётся везти. Жаль, конечно, но другого выхода не вижу, – вздохнул он и тут же хлопнул себя по шапке, и просиял: – Хотя, постой. По пути сюда у излучины речки видел крохотную заимку. Если не ошибаюсь, и дымок там вился. Версты три не больше отсюда.

– Тогда туда?

– Туда, – улыбнулся он. – Ну что, я впрягаюсь, а ты сзади подсобляй, когда надо будет. Или как хочешь?

– В одной упряжке пойдём, – улыбнулась и она. – И ловчее будет, и веселее. В добрый путь, Афанасий!

– В добрый! И с Богом, как говорят в таких случаях!

Итак, «впрягшись» в дровенки, оба геолога тронулись в направлении дремлющей вдали тайги.

* * *

Взмыленный Горюн сам сбавил ход, а вскоре и вовсе остановился перед пологим спуском к реке. Лишь подрагивающие бока напоминали о пережитом им страхе. Оперативники же ещё долго не могли прийти в себя.

– Никак ушли? – обернулся наконец Сенькин. – А, Никита?

– Ушли, – эхом отозвался Букин, всё ещё затравленно глядяваясь в просвет просеки. – Так бы мы и ушли, если бы я не завалил двух.

– Завалил? – вскинулся Сенькин. – А что ж тогда не остановил? Там же Аня... Как же так?

– А вот так, – пожал плечами Никита и забубнил невнятно: – Сам ничё не пойму. Может, и не завалил, мо-

жет, показалось. Слушай, я из пустого нагана волка убил. Первого-то, может, и понятно, а второго... Ничё не пойму. Может, это я его ещё раньше ранил, а потом уж он свалился?

– Скорей назад! – не дослушал его Кеша. Только теперь он со всей отчётливостью осознал всю подлость своего поведения, и его охватило чувство омерзения к самому себе. Он соскочил с саней и схватил жеребца под уздцы: – Давай, Горюн, ну, развертайся.

– Я те шас развернусь, – грозно зашипел Букин. – Я те развернусь.

– Так, может, не тронули её. Может, отпугнул ты их стрельбой?

– Не тронули – хорошо, тронули – ещё лучше. Люди говорили, всё равно не жилец она. Так уж лучше не мучиться.

– Люди много чего говорят. А нам надо исправлять положение. Не надо было гнать её с саней – не гадали бы сейчас, жилец она или не жилец.

– Ты что, хочешь сказать, я виноват в её гибели? – гневно сузил глаза Никита. – Или скажешь, не слышал, как она меня оскорбляла? Да если на то пошло, это ты во всём виноват. Кто чуть не сорвал предписание, как не ты? Да ещё так, что мне самому пришлось местного милиционера привлекать к исполнению, а? Вот не строил бы из себя добренького дядю, не мямлил бы столько времени, давно бы уже дома были. Без всяких волков. – И перешёл на крик: – А ну, отойди от коня! Или я за себя не ручаюсь. Аньку угробил, ещё и коня мне угробить хошь?

От нелепости обвинения всё закипело внутри, свело судорогой скулы и потемнело в глазах. Сенькин отпустил

уздечку и в ярости повернулся к напарнику. Но тот стоял в санях с вилами наперевес, бешено вращая глазами, и в его намерениях сомневаться не приходилось.

– Ты... ты чего это? – глухо произнёс Кеша. – Ах ты, гнус! Не зря меня предупреждали, что ты сволочь. Коня, значит, тебе жалко? Ну-ну, катись тогда один, обойдусь и без тебя, и без коня. Я разыщу Аню.

Сенькин круто развернулся и боком зашагал к перелеску, укрываясь от резких порывов ветра.

– Валяй, только потом пеняй сам на себя, – выкрикнул вслед ему Букин и шёлкнул поводьями: – Но, Горюн, пшёл! Давай, пошевеливайся!

Но жеребец, сдерживая накатывающиеся сани, ступал осторожно. Пока он спускался по склону, Никита ещё мирился с его тихим ходом, но когда Горюн также размеренно пошёл и по ровной поверхности замёрзшей реки, раздражение возчика выплеснулось на него сполна.

– Пшёл, кому говорю! – рассвирепел он, бросил вожжи и, схватив вилы, ткнул ими в круп коня. Тонко заржав от боли, тот рванул и понёсся по твёрдому, очень скользкому насту, только-только ещё припорошенному мелкой сыплющейся крупой. От резкого рывка Никита свалился в задок саней и теперь барахтался там, тщетно пытаясь подняться. Сани заносило то в одну, то в другую сторону, так как Горюн сбился с наезженной колеи, и едва Никита, удержав наконец равновесие, встал на колени и потянулся к поводьям, как при очередном развороте они с силой ударились о какой-то ледяной надолб. Нелепо взмахнув руками, он полетел в снег, словно какой-то ловкий циркач, кувыркнулся несколько раз и с головой оказался в ледяной воде. Тут же вынырнул и, ещё не

успев ничего сообразить, истошно завопил, цепляясь за осклизлый край льда:

– На помощь! Кеша-а, на по-омо-ошь...

Через какую-то секунду руки соскользнули и ноги коснулись дна. Он тут же подпрыгнул, пытаясь хоть за что-то уцепиться и выбраться наверх, но моментально разбухшая одежда уже тянула вниз, а вполне осязаемое течение реки норовило утащить его вообще под лёд. Полынья была неширокой, но с пологими обледенелыми краями, а глубина хоть и была ему по грудь, но не давала возможности сильно оттолкнуться. Как только он отталкивался от дна, чтобы выбраться наверх, его тащило именно туда, вниз, под лёд. Пологость же краёв полыньи оставляла мало шансов выкарабкаться без посторонней помощи. Тихо подвывая, он с трудом освободился от отяжелевшего полушубка и швырнул его наверх. Всё тело его при этом ещё больше ожгло студёной водой, и почудилось, что кто-то неведомый потащил его за пимы ко дну. Пулей выпрыгнул он грудью на лёд и каким-то невероятным усилием даже закинул на него правую ногу. Загребая под себя рыхлый снег, тщетно пытался удержаться, но руки заскользили по обнажённому льду, и он медленно стал сползать назад, в полынью. Дикий вопль отчаяния огласил всё близлежащее белое безмолвие (ещё мгновение – и он уйдёт под лёд) – и тут чьи-то руки схватили его за ворот рубахи и рывком выдернули на твёрдый наст. Через минуту-другую он уже лежал в санях, одетый в верхнюю одежду и полушубок Сенькина. Сам Сенькин завернулся в тулуп в одной нательной рубахе и кальсонах. Шапку он тоже пожертвовал напарнику.

– К-к-кеша! – выстукивал зубами сержант Букин. – Родной ты мой! Век не забуду. Гони быстрее, пока я не окочурился. По этому берегу гони, тут до одной деревни всего с полкилометра.

Сенькин не отвечал. Он даже не замечал, что холод пробирает его до костей. Перед глазами стоял образ Анны, упавшей на колени, и настигавшие её волки. Почему он спас не её, а этого мерзавца? И зачем он его спас? Только для того, чтобы тот потом настроил на него донос? В этом, несмотря на сиюминутные клятвы Никиты в верности, Кеша почему-то не сомневался. Подтвердилось всё, что он слышал о сержанте. Но страха за будущее уже не было. Отбоялся рядовой милиционер Сенькин: «Если не окочуруюсь по дороге от холода, завтра же уйду из органов. Какой из меня оперативник да ещё защитник людей! Грош мне цена, никчёмный я человек».

И, вздрогнув от прикосновения руки Никиты, непонимающе уставился на протянутую ему бутылку.

– Ты что, Кеша, оглох? – заискивающе улыбался тот. – Кричу, кричу – не слышишь. Глотни, говорю, согреешься. Не хочешь? – весь его вид вызывал жалость. – Ну на, тогда, оденься; я уже отошёл маленько. – Он явно старался загладить свою вину перед напарником.

И Сенькину вдруг стало жаль его. Ведь видно же, что и его грызёт совесть. Да и чем он сам лучше Никиты? Струсил-то вместе. Он взял и сделал пару крупных глотков. И сразу перехватило дыхание, а внутри обожгло, и по телу мгновенно распространилось тепло. Проглотив следом пригошню снега, он кое-как отдышался.

– Вот и ладно, – не снимал улыбки Никита. – Вот и ладно. Ты ещё, ещё глотни, оно получше будет. Да сне-

гом, снегом заедай. Во, это, брат, по-нашему. – Голос его постепенно приобретал уже другой, не заискивающий оттенок. – Во-он впереди уже деревня, шас разживёмся барахлишком – и айда-пошёл дальше. Или того лучше – заночуем. А то до темна-то уже не вернуться. А, как думаешь?

И едва сани поравнялись с первой избой, как он уже окрепшим, вернувшимся к нему командным тоном бросил небрежно:

– Про Аньку пока никому ни слова, понял? В полынью по недосмотру попали. В общем, больше молчи, а то люди подумают, что мы это спьяну туда влетели. – И, упреждая возмущение Кеши, пояснил: – Да какая разница, кто из нас там оказался – пили-то вместе, обоим и отвечать. Ну, что так уставился? Непонятно?

Сенькин медленно приподнимался, не сводя глаз с напарника, и подспудно шарил рукой в поисках вил. Невозможно передать то негодование, которое охватило его после этих слов; всё же сдержался, чтобы не наброситься и не придушить его.

– Ты чего, ты чего? – в испуге отшатнулся Никита.

– Я ведь, дурак, подумал, что ты раскаялся. А ты...

– Что, я? – взвизгнул Никита. – Что, я? Не оправдал твоих надежд?

– Ты только для того и дал мне самогону, чтобы сказать, что пили вместе?

– Да ты пойми, дубина стоеросовая, что только я могу оправдать нас обоих. С твоими куриными интеллигентными мозгами мы оба под трибунал пойдём. Поэтому слушай сюда и запоминай! А не запомнишь – пеняй на себя. Значит, так: Анька незаметно сбежала по дороге,

понял! Кто ж знал? Мы заговорились, а она и сбежала. Хватились, хотели догнать, а тут волки. Пока то да сё, буран повалил. Где она – не знаем. Начальству доложим, пусть и решают, что делать. Высылать или нет группу на место, понял? Не наше это дело. А пока молчи, чтобы лишних вопросов не возникло.

Он спрыгнул с саней и постучал в ворота. На крыльцо тут же вышла маленькая старушка, на ходу накидывая на голову полушалок. Угадав же в стучавшем милиционера, съёжилась, торопливо затворила за собой дверь и выжидаяше уставилась на него. В глазах затаившийся страх: с добрыми вестями эти посланцы не объявляются.

– Бабуля, – показал Никита на полураздетого Сенькина, – нам бы вот обсушиться да обогреться с товарищем. В полынью мы тут недалеко от вас попали. А потом уж и в сельсовет доехать. Есть он тут у вас?

– Есть-есть, милоч, я вам и провожатого дам, внучку свою, – сразу преобразилась старушка. Отлегло от сердца: со своей бедой пришли, не чужой искать.

– Валь! – крикнула она, приоткрыв дверь, и тут же за её спиной показалась белобрысая девчушка лет десяти. – Гости у нас, Валуша. В полынью они попали. Ты подбрось-ка дровишек в печку да потом проедешь с ними в сельсовет. А вы давайте побыстрее в горницу: околели ведь совсем. Господи, и как же это вас так угораздило?

Незадачливых гостей два раза приглашать не пришлось: оба тут же поспешили за ней в дом.

– Разувайтесь, раздевайтесь скоря, оно на печке всё и подсохнет, – суетилась старушка, попросившая называть себя просто Ивановной. – А сами вон один на полати, другой на койку. Или как ишо...

– Некогда нам, Ивановна, на полатях разлёживаться, – принял Букин важный вид. – Мне бы амуницию подсушить, да другу бы обогреться – и в дорогу.

– Да в какую дорогу, если ты наскрозь мокрёхонький! – всплеснула она руками. – А друг-то твой, хоть и сухой, да гляжу, вовсе занемог. Вон, ведь полыхает весь. Давай-ка, милоч, присядь на кровать да хоть одеялком пока укутайся. – Она накинула на Кешу тёплое одеяло. – Вот так. Шас я тут чаю с клюквой да брусничкой стоговорю; глядишь, хворь-то и упредим.

– Вот его и напоишь, он чай любит, – хмыкнул Никита. – А у меня от хвори своё лекарство есть, почище твоего будет.

– Это самогонка-то, что ли, почище будет? – насмешливо взглянула Ивановна на появившуюся у него в руках бутылку. – Это отрава, сынок. Зелье, а не лекарство.

– Ну уж это кому как, а по мне так лекарство. А вот если нашлась бы у тебя, Ивановна, пара сухого белья, то это бы вообще дело было, а?

– Белья-то? – озабоченно переспросила старушка. – Да посмотрю, посмотрю, однако. – И тут же, порывшись при них в большом кованом сундуке, достала и подала ему аккуратно свёрнутые рубаху с кальсонами и вроде как извинилась: – Уж не обессудьте, одна только пара и есть.

– Да какой там «не обессудьте», Ивановна, – просиял Букин, и сунул руку за пазуху, будто ищет деньги. – Ты не думай, я заплачу за всё за это. Вот выручила, так выручила!

– Не надо денег, носи на здоровье, – грустно качнула она головой. – Нам-то уже не сгодится; нету у нас мужиков боле. Всех война забрала. – И заторопилась, пряча

увлажнившиеся глаза: – Пойду, однако, в кухню отвар готовить. Позовёте, когда переоденетесь.

– Ну, тогда спасибо тебе огромное, – бросил ей вслед Букин и, быстро облачившись в сухое бельё, повеселел ещё больше. – Во, совсем другой коленик, – довольно крикнул и подмигнул Сенькину: – Теперь и в сельсовет смотаться можно. – И упредил: – Ты пока побудь тут, я мигом вернусь.

– Может, чаю выпьем да вместе поедем? – без особого энтузиазма предложил Кеша, плотнее укутывая себя одеялом. Его страшно знобило, да к тому же одолевало какое-то странное равнодушие: – А то чего же я тут один-то останусь?

– А что там двоим делать? Тем более, что у тебя вон колотун какой, – строго сказал Букин. – Бабуля права: вид у тебя совсем никуда, как бы, и правда, не свалился. Нам это не надо. Да ты не тушуйся, я же только туда и обратно. Попробую связаться с отделом, и как сообщу о задержке, так сразу назад. – И повторил уже помягче, чуть ли не по-отечески: – Да не-е, не тушуйся, сказал же, всё будет путём.

– Да я чё, – всё так же кутаясь в одеяло и пытаюсь сдерживать дрожь, откликнулся Сенькин, – я ничё. Поезжай. Только ты, и правда, постарайся побыстрее там. Может, успеем к вечеру вернуться.

– Так и я о том же говорю, – улыбнулся Букин, и крикнул в кухню: – Ну, Ивановна, где там твоя внучка? – И, шутливо козырнув появившейся тут же девчужке, так же шутливо пригласил к двери: – Прошу вас, мадам.

Сенькин проводил их долгим взглядом: «И почему так везёт этому прощельге? – с некоторой завистью подумал

он. – Ну, всё в его руки катит: вот ни с того ни с сего сухим бельём обзавёлся. А не обзавёлся бы, то и не смылся, пока не обогрелись. Ждали бы вместе. – И едва закрылась дверь, как шевельнулось в душе нехорошее предчувствие. – А ведь не зря он так торопится: что-то задумал гад, это уж наверняка. Придумал, как выслужиться. Глаза-то вон так и прячет. Подставит он меня, как пить дать, подставит. Сам останется в стороне, а я в бороне. И надо же было попасть в напарники как раз к нему в первую же свою поездку! Ну, что ж, сам я напрашивался, самому и отвечать. Назвался груздем, так полезай в кузов. Хотел ведь почёт да уважение заслужить? Вот и заслужил...»

* * *

Ход мысли прервала Ивановна:

– Давай-ка, сынок, присаживайся к столу, лечиться будем. Или нет, тут и сиди в одеялке. – Она придвинула табуретку к кровати и поставила на неё самовар. – Вот так-то лучше будет. Тут тебе и чашка с блюдцем. Прямо так и припивай помаленечку, глядишь, оно и полегчает. А я пойду ещё картошки сварю, чтобы подышать тебе над паром.

Вскоре Сенькин, разомлев от тепла и горячего чая с брусникой, незаметно для себя задремал, и в полудрёме потекли уже не столь пессимистические мысли. «А может, ничего и не задумал Букин? Может, это мне только кажется и не надо ему перечить? Наоборот, предоставить ему выкручиваться, а уж когда всё уляжется, подать рапорт на увольнение. Вообще из орга-

нов. А то если завтра же уйти, так это только Никите на руку. Весь воз на меня свалит. – И впервые за этот день улыбнулся, что отыскал себе оправдание: – Не-е, повременить надо».

И весь обмяк от такого решения, и уже нисколько не противился Ивановне, заботливо укладывающей его на подушку.

– Шибко ты настыл на морозе, – суетилась она около него. – Но ничего, ничего: брусничка, она с тебя шас всю хворь выгонит. Вишь, как взопрел, будто искупался, – приговаривала она, утирая ему полотенцем лоб. – А вот друг твой зря до председателя помчался. Оно, конечно, у них там лекарства; да только лекарствами болесь-то не переборешь. А с ним – как его... Никитка, что ли? С ним похуже твоего будет, много похуже. Уж поверь мне, я-то вижу. И как только ты его из полыньи-то смог вызволить?

Совсем было отрешённый от мира Сенькин даже вздрогнул от последних слов:

– Как? Как вы узнали, Ивановна, что это он?..

– В полынью попал? – закончила она вопросом. – Да, а что ж тут мудрёного? Ты ведь хоть и околел, но бельё-то на тебе сухое. А евоное вон только-только на печи отходит, а то колом всё стояло. И пимы мокрёхонькие оставил, да и полушубок не с его плеча – твой, значит. Это хорошо, что ты пожертвовал своё, чтобы ближнего обогреть. А вот оплатит ли он добром за добро – ещё вопрос для меня. – И заторопилась, испугавшись, что сболтнула лишнее: – А, не слушай, милок, бабу старую. Постарайся уснуть, а то совсем от моей болтовни разглуздался.

Она продолжала ещё о чём-то рассказывать, и её неторопливая речь доносилась до него откуда-то издалека, а он только благодарно кивал головой, соглашаясь с тем, что мог и чего не мог разобрать. Чуть слышно потрескивали дрова в печке, за окном подвывал ветер, и на душе стало уютно и покойно. Но вот уже и растревожился из-за поднявшегося бурана: как ни вглядывается в его несусветную карусель, а не может разобрать, что происходит там, вдали. Почему? Напрягая зрение, Кеша весь обратился в слух и, когда до него донёсся чей-то чуть слышный вскрик, не раздумывая, спрыгнул с саней, и побежал на звук. Он ещё не видел, но уже знал, что там, посреди дороги, стоит беззащитная Аня и тянет к нему руки, взывая о помощи. Ноги вязли в рыхлом снегу, и, когда уже с большим трудом добежал до неё, она стала отдаляться от него на какой-то волокуше из срубленных веток...

Эта картина повторяется раз за разом; он просыпается в холодном поту, видит перед собой старушку и... снова бежит, но никак не может догнать ту волокушу. Её тянут за собой двое охотников, лиц которых из-за сплошной пелены бурана он различить не может. Вскоре они подкатили к скособоченному колодезному срубам, и сама Аня, и охотники, прощально помахав ему, растворились вместе с волокушей. Будто окунулись в этот колодец, а там, где только что они стояли, всё слилось в одно сплошное белое пятно.

– Аня! – в отчаянии закричал Кеша, – не уходи. – И, подбежав к срубам, наклонился и заглянул в зияющую пустоту колодца. Там, далеко внизу, на самом дне, кто-то барахтался. – Аня, поверь, я не хотел тебя оставлять. Я хотел вернуться, чтобы спасти тебя. Только я не успел.

– Я знаю, – помертвелым шорохом прошуршало в ответ. – Ты не хотел. Ты не успел. Я знаю.

– Что же мне теперь с памятью-то делать?

– Делать, делать, – печально аукнулось в колодце и призывно поманило его: – Иди за мной. Спаси...

Кеша сбросил с ворота ведро, ухватился за верёвку и заскользил по бревенчатым стенкам внутрь колодца. Верёвка раскручивалась очень медленно, и он, ошупывая стенки, всё высматривал по сторонам Аню.

– Аня, я иду!

– Иду-ду-ду... – отскакивая от стенок, звук удалялся ко дну. Самого дна не было видно, но уже отчётливо слышался плеск воды. И только тут он разглядел, что никакой это не колодец, а полынья, и барахтается там не Аня, а Никита. Тот скривил ему рожицу, пружиной выпрыгнул на лёд – и скок! – прямо в сани. И, показывая рукой на полынью, запричитал:

– Пимы мои достань, пимы! И козушок. Утонут, как я без них?

Кеша отмахнулся, как от надоедливой мухи: дескать, сам доставай.

– Аня! Аня! – в угасающей надежде звал он. – Не найду тебя. Что мне теперь делать, отзовись!

– Зовись, зовись... – покатило вдале по замёрзшей реке и вдруг вернулось, взорвалось набатным эхом, обозначив действие совершенно чётким приказом: – Молись! – Звук заполнил всё пространство, взмыл ввысь, закружил-завьюжил, бросаясь в лицо пригоршнями снега. – Молись!

– Я не могу. Я не умею молиться, – жалобно заскулил Кеша. – Или нет: я буду молиться, но только не здесь, а на-

верху. – И, уцепившись за верёвку, крикнул кому-то: – Всё, тяните меня из этой пропасти.

Тут же кто-то выдернул его, и он очутился на кровати. Всё та же хозяйка прикладывала ему на лоб мокрое полотенце и что-то тихонько напевала себе под нос.

– А-а, это... – Кеша огляделся. Он был уверен, что проспал не больше часа. – Ивановна, Никита не воротился?

– Ну, вот и оклемался, – искренне обрадовалась она, не обратив внимания на вопрос. – Теперь на поправку пойдёт дело. Теперь всё позади.

– Что позади? – не понял он и повторил: – Друг мой, говорю, не приходил ещё? А, Ивановна?

– Никита-то? Ну как же, приходил твой Никита, приходил. Но тут же и уехал. Уж три дня, как уехал.

– Три! – округлил глаза в испуге Сенькин и сел на койке. Сразу всё вспомнилось, и сердце тревожно заныло: – Вы сказали, три дня? Уехал? Так я что, столько...

– Столько, милоч, столько. Шибко ты, видать, перенервничал. На нервной почве это у тебя, – со значением выговорила она. Видно было, что ей нравится это словосочетание и повторила: – На нервной-то почве у всех так бывает. – Да ещё застудился, вот оно всё к одной поре и вышло. Но говорю же, обошлось. А могло быть хуже. Вам ещё повезло, что перед бурным потеплело, а то бы в ледышку оба превратились и до меня не доехали. Ты лежи, лежи, шас я тебе его одёжу подам, потом оденешься. – Она принесла брюки Никиты с гимнастёркой и положила поверх одеяла. – Вот, всё уже просушила, а в твоей-то одежке он уехал. Да-а. Как я ни отговаривала, а он – нет-нет, известить,

мол, начальство надо, иначе нам обоим худо будет. Служба, дескать, такая.

– Ну, похоже теперь худо будет только мне, – пробормотал Сенькин, надевая брюки. – А что-нибудь ещё сказал? Ну, вернётся или пришлёт кого?

– Сказал, чтобы ты не волновался, что всё, мол, будет в этом, как его... абажуре. Да, так и сказал. Только не понравился он мне: показалось, будто вместо расстройства, наоборот, обрадовался, что ты в беспмятство впал. – Тут Ивановна вздохнула и понизила голос до шёпота: – А потом, когда ты забредил да начал каку-то Аню звать, ох, и осерча-ал. То, вроде бы не торопился, а тут... сразу шапку в охапку и – ни слова, ни полслова! – со двора да в сани. Только и крикнул напоследок, что вернётся за тобой, так ты, мол, бабушка, присмотри тут. Будто без него не знаю, что делать.

Старушка покачала головой и добавила с сомнением:

– Только не-ет, сам-то он навряд ли уже приедет.

– Почему вы так думаете? – как-то кисло улыбнулся Кеша. Ивановна озвучила то, в чём он уже был почти уверен. Но оказалось не совсем то.

– Скрутит его лихоманка. Я ему говорила, да он только посмеялся: его, дескать, никакая хворь не берёт, потому что у него своё лекарство от всех болезней. А всякие отвары ему, мол, как коммунисту нельзя, так как это пережиток. Вишь, как по-евоному-то выходит: отвары, значит, пережиток, а самогон, значит, нет! – Ивановна, похоже, обиделась за свои настои. – Но я-то видела, что шибко нездоров он. Хорохорится только. А ну, как скрутит мужика, на кого тогда пенять? Да ещё, не дай Бог, загинет?

– Не загинет, – с непонятной для неё горечью обронил Сенькин. – Таким, как он, Ивановна, ничего не делается. Живучий он.

– А ты, я вижу, тоже не очень-то его празднуешь, – в её голосе он расслышал нотки сожаления. – Как же вы ладили-то друг с другом, а?

– Да некогда было ещё ладить. Это первая наша совместная поездка, – как бы оправдался он и криво усмехнулся: – И, наверное, последняя.

– Трудно вам будет, – подытожила Ивановна. – Больно уж разные вы. А я ведь так и не успела у него выпросить, что у вас там произошло. Не решилась: шибко он разозлился, услышав про Анну. Так, злой, и уехал.

Старушка немного помолчала, потом тихо спросила:

– Дак это не та ли самая девка арестованная, что вроде от вас в тайге сбежала. Так ли это, нет ли, никто толком не знат, но слух по округе идёт. – Она участливо заглянула ему в глаза: – Может быть, расскажешь? Ведь гнетёт тебя что-то, из-за чего так сильно турусил. Ну, бредил, то есть. А?

– Да что тут рассказывать, Ивановна, – как-то обречённо произнёс Кеша. – Лучше бы не вспоминать. Одно тебе скажу: подлецом я оказался.

– Ну, раз сам признаёшься в чём, то наоборот, вспомнить-то как раз надо. Вспомнить и покаяться. Это чтобы Бог тебя, твой грех, простил.

– Покаяться? – всем телом подался вперёд Сенькин. В ушах тотчас зазвучало отголоском того набатного призыва: «Молись!»

– Ивановна, покаяться – это значит... молиться?

– Это самое и значит. В молитве каяться.

– Понял. Но перед кем? – медленно обвёл он взглядом горницу и в недоумении развёл руками: – У тебя ни иконы Божьей, ни образа. Кто же меня услышит? – И без всякой иронии: – Только ты, Ивановна?

– Бог услышит, Иннокентий, – в первый раз назвала она его по имени. – Перед Ним и покаяйся. Перед Богом, не передо мной. Он сейчас с нами и слышит нас, потому что Сам Христос сказал: «Где двое или трое собраны во имя Моё, там Я посреди них». Это значит, Он сейчас с нами, так в Библии написано. Я хоть и неграмотная, но как эти слова от Божьего человека услышала (наезжает он к нам иногда), то запомнила раз и навсегда. А ещё запомнила, как Христос своим ученикам сказал: «Да любите друг друга; как Я возлюбил вас, так и вы любите друг друга». Да-а, так и сказал. – Ивановна наморщила лоб, стараясь ещё что-то припомнить: – А как же дальше-то? Ага, вот когда, мол, будете иметь любовь между собою, то и другие люди узнают, что вы Мои ученики. Вишь, как выходит. Что с тобой, милоч? Ты чего соскочил?

– Ивановна, – взволнованно взял он её за руку, – а того человека... ну, Божьего... не Игнатом звали?

– Игнатом, – его волнение передалось и ей. – Игнат Бедарь. А тебе откуда знать-то?

– Так мы же... – Сенькин запнулся.

– Что... что – мы же? Договаривай! – заторопила она, но Кеша молчал. Взявшись за голову он стиснул виски и медленно осел на кровать. На лице его отразилась буря эмоций: надо ли говорить доброй старушке, что как раз, чтобы арестовать столь обожаемого ею Божьего человека (вон с какой любовью упомянула его), и ехал её нынешний хворый гость? Вот этот, которого она выходила от болезни?

Ну, не-ет. Это значит отплатить великим злом за её добро. Злом? Тут же обожгла мысль: это сейчас – злом, а потом? А если вдруг... кто знает! Вдруг да ему ещё раз прикажут взять этого человека под стражу, он – что, пойдёт выполнять приказ, и тогда это уже не будет злом? И следом мгновенно принятое решение: «Ни за что не пойду! Кончился сегодня милиционер Сенькин. Завтра же подаю рапорт на увольнение и попрошусь на фронт. Взяли в оперативники – возьмут и воевать, только волю надо проявить».

* * *

Он так углубился в размышления, что забыл об Ивановне, и она с тревогой тихо окликнула, взяв его за руку:

– Что, Иннокентий, плохо тебе?

– Не-не, всё ладом, – встряхнулся он. – Ивановна, а когда Игнат последний раз был в вашей деревне?

– Да прошлой осенью, если я ничё не путаю. Нет, всё верно, аккурат перед первым снегом дело было. Дак ты знаешь его, что ли?

– Нет. Но очень хотелось бы увидеть. Только не так, как могло быть сейчас... Даже не знаю, как сказать, – Кеша совсем смешался и вновь смолк.

Видя его смятение, старушка догадалась, что по какой-то причине ему трудно говорить об этом, и не стала допытываться, а тихо предложила:

– Давай помолимся, милоч? Сними камень с души. А, давай!

И так же, как в том забытьё, он огорчённо покачал головой:

– Не умею я, Ивановна! Не обучен.

– Тогда, если хочешь, я за тебя помолюсь? Хочешь?

Ответить он не успел; дверь широко распахнулась, и в горницу вместе с облаком морозного пара ввалился огромного роста мужик, о каких говорят «косая сажень в плечах».

– Фрося, вы тут оглохли все, что ли? Стучу-стучу, будто вымерли, – вместо приветствия пророкотал он густым басом и, отряхнув шапку, ею же стал деловито сбивать снег со своего долгополого тулупа. Лишь потом осмотрелся и, не дожидаясь приглашения, прошёл к столу, сел, вальяжно сложив руки на груди и вытянув ноги. Затем достал пачку папирос «Беломорканал» (у деревенских мужиков таких отродясь не бывало!), эффектным шелчком вышиб папиросу и, зажав её зубами, бесцеремонно воззрился на полуодетого парня.

– Ты, что ли, тот самый хворый будешь? – спросил чуть насмешливо. Хозяйку он как бы совсем не замечал.

– Кто тебе тут «тот самый»? – опережая Сенькина, сердито сверкнула глазами Ивановна. Она совсем не оробела, как того можно было ожидать, а, наоборот, грозно напустилась на нового незваного гостя: – Ты это с какого перепугу сюда залетел да ещё без спросу, не поздоровавшись, за стол. Тебе кого тут надо, Григорий? Кого потерял? Или думаешь, если в район взяли на службу каку-то, так тебе всё можно? Может, я перед тобой теперь расшаркиваться должна? Гли, что наследил, варнак ты эдакий, да ишо и закурить хочешь! Кто будет убирать за тобой?

Всё это старушка выпалила разом и так воинственно двинулась к столу, что вся спесь вмиг слетела с незадачливого мужика. Он невольно вскочил с места и, часто-часто моргая длинными белёсыми ресницами, стал суетливо совать папиросу обратно в пачку. При этом у него был вид провинившегося перед учительницей школьника.

Обомлел от неожиданности и Сенькин. Столь решительный окорот мужика да ещё таких внушительных размеров совсем не вязался с кротким нравом Ивановны, с её образом, который он уже привык видеть перед собой. Впрочем, секрет такого её превращения и строгости к гостю открылись тут же.

– Ты чё, Фрося, ты чё разошлась-то, – отступил он на шаг. – Да стучался я, стучался. Хотя мог бы и без стука; к своей сестре, поди, пришёл, не к злой мачехе. Сама недослышишь, а меня виноватишь. Иди вон, у Вальки спроси, если не веришь. Она тебе скажет. – И, повернув голову, зычно крикнул: – Валя!

– Да будет орать-то, – сердито прикрыла уши Ивановна и махнула рукой появившейся внучке: – Ничё, ничё, Валя, ступай пока. Потом тут уберёшь за своим крёстным. Вон ведь чё нагарусил.

– Ох, уж и беду нашла, – с лёгкой укоризной приложил руки к груди крёстный. – Пусть лучше крестница за Буланым присмотрит. Больно ходко мы шли, так сена бы задала да напоила. А, Валюша, задашь? – И, увидев расплывшееся от удовольствия лицо девчушки, улыбнулся: – Знаю, знаю, как любишь его холить. Ну, иди-иди, пока я передохну да обогреюсь. Если бабка твоя не прогонит.

– Ладно уж обогревайся, – всё ещё строго, но уже более миролюбиво разрешила Ивановна. – Но наперво говори, что тебя принесло ко мне?

– С этого бы и начинала, – пробурчал Григорий, – а то напустилась ни с того, ни с сего, что даже неловко перед чужим человеком.

– Ишь ты, теперь ему неловко! А ловко было из себя перед ним барина строить? Ладно, рассказывай, зачем тебе мой гость понадобился?

– А вот кто кому больше понадобился, это ещё вопрос, – загадочно ухмыльнулся несостоявшийся «барин» и снова присел к столу. – Может, это я ему больше надобен.

Он хоть и глядел на Ивановну, но слова, конечно, были обращены к её гостю, и Кеша, успевший за время их незлобной перепалки одеться, сразу это уловил.

– Что вы имеете в виду? – насторожился он. – И кто вы?

– Кто я? – притворно удивился тот. – Дак Попов я, Григорий. Из...

– Брат это мой сродный, Гришка, – перебила Ивановна. – Раньше человек как человек был, а как при районном начальстве курьером взяли работать, так и заважничал.

– Да перестань, Фрося, никого я не заважничал, – возразил курьер. – По делу я приехал. По сурьёзному. Вот как раз за ним. Ты ведь Сенькин?

– Да. А что?

– А то, – хмыкнул со значением Григорий. – Ты у Торопа... то есть, у Ильи Семёновича, был наемни? С Никитой Букиным, племянником евоным?

– Так точно. Был.

– Так вот, арестовали его.

– Кого, Никиту?!

– Ага, Никиту арестуешь, – презрительно, как показалось Кеше, усмехнулся Попов. – Торопова! Торопа вчера взяли под белые ручки.

– А причём здесь он? – вяло удивился Сенькин. Судьба Торопова его мало интересовала, потому что с нетерпением ждал известий об Анне, а не о ком-то другом. Вдруг да объявилась она. Живёхонькая. К этому вопросу и подвёл Попова. – Мы проворонили Аню, с нас и спрос, – осторожно обронил и замер в ожидании.

– Вот я и говорю, что надо кое-что прояснить насчёт Букина, – оживился Григорий, проигнорировав упоминание об Анне. – Это ведь как раз Илья попросил тебя найти. А твой Никита сам кого хошь под монастырь подведёт.

– Он такой же мой, как и ваш, – мрачно огрызнулся Кеша. Стало ясно, что курьера больше заботит судьба Торопова.

– Но напарник-то он твой, – не согласился Попов. – А что до меня, то я бы с таким... – Тут он осёкся и сделал вид, что закашлялся: – Дай водички, Фрося, а то что-то в горле запершило.

Ивановна, внимательно следившая за разговором, быстро подала воды, подождала, пока он напьётся, и, принимая пустую кружку, спросила:

– Гриша, это какой Торопов? Который в Брагино?

– Он самый.

– Батюшки! А за что ж арестовали? Сколь раз слышала, что как участковый он уж больно хороший мужик. Совестьливый, каких поискать.

– А у нас по большей части совестливых и арестовывают, – с ниоткуда взявшейся непонятной злостью процедил сквозь зубы Попов. – Только на этот раз опера совсем

палку перегнули! Это же надо додуматься, чтобы Илью в таком обвинить. – Он осуждающе покачал головой: – Ну-у и Ники-ита. И ведь знал Илья, что он скользкий, как угорь, а поверил.

– Да ты толком-то скажи, что там стряслось, – попросила Ивановна. – А то, вон, гляжу: гость мой уже в путь-дорогу засобирался. Ну куда ты так заторопился, Иннокентий?

– Надо, надо, Ивановна, а то залежался я тут у вас. Да и человек ждёт.

– Подождёт, ничего с ним не сделается, – тоном, не допускающим возражений, отрезала она, подошла и пошупала его лоб: – Жар-то вроде бы прошёл, но это не значит, что ты уже оклемался как следоват.

– Нет-нет, со мной уже всё в порядке, – благодарно взял он её руки в свои. – Спасибо вам за заботу, но если сейчас не поторопиться, то боюсь, что дела мои будут намного хуже. – И уже к Попову: – Скажите, а почему вы так о Никите? Что он сделал?

– Я скажу. Только... – Григорий смолк и в упор посмотрел на него: – Только скажи сперва ты, паря, и скажи честно: ты за кого из них больше переживаешь, за Илью или Никиту? Тогда и разговор будет. Так за кого? За напарника своего?

Сенькин выдержал его взгляд:

– Нет, Григорий, ни за кого я. Илью я толком не знаю, а с Никитой мне не по пути. И это – честно. А почему не по пути – не отвечу. Расскажу в другом месте.

– Вот это годится, – расцвёл тот. – Значит, правильно о тебе Тороп подумал. Тогда слушай, что вчера было, а там уже суди сам, чью сторону принять. В общем, Илье

сообщили, что Букин на него «телегу наката», ну он и примчался в районную управу, чтобы подать «встречку» о пьянстве своего племяша в Ключах. Да поздновато оказалось: пока с его кляззой на себя знакомился, пока собирался с мыслями, что писать (писатель-то тоже не ахти какой), тут, как снег на голову, энкаведешники свалились с ордером на его арест. И все его объяснения им уже до лампочки. Хорошо, хоть нашим-то успел рассказать и об Анне, и о сыночке её, и как племяш его вокруг пальца обвёл, да вот теперь ещё и пособником врагов народа выставил. Такое Никита и в своём отчёте по прибытии в город написал. Правильнее-то было бы сказать – ну, это по моему разумению, конечно, – не в отчёте, а в доносе. Торопов, мол, прилюдно вступался за Анну, жену дезертира, которая помогает своему мужику скрываться от советских органов.

– Чушь какая-то! – невольно вырвалось у Сенькина. В душе его уже зародилось тревожное чувство беды, но не в той мере, чтобы паниковать. – Аня – больной человек, еле-еле душа в теле. Кто ж этому поверит?

– У нас-то, понятно, никто, но у Никиты есть свидетели их стычки с Ильёй, и они подтвердили, что да, мол, мало того, что он препятствовал аресту Анны, так ещё и угрожал Букину расправой. А раз угрожал, стало быть, превышал свои полномочия. Это в тот самый день, когда сержант с теми свидетелями самогонку глушил, а Торопов их и застучал. Застучать-то застучал, а пожалел, не сдал парня, только слово с него взял не трогать больную девку с сыном. А как Илья уехал, Букин тут же донос состряпал и передал с теми свидетелями в управу. Они-то под рукой! Ну знамо, кто: Тужиков да его при-

хлебатель Ипат (тот вообще в каждой бочке затычка), да ещё милиционера местного подговорили. Основательно подготовился гадёныш! Короче говоря, нашим ничего не оставалось, как только подчиниться, – с операми из НКВД спорить себе дороже, – и сдать Торопова. Такие вот дела, – мрачно мотнул головой Григорий и шумно выдохнул: – Пфу-у, давно уже столько-то за один присест не говаривал.

– Ну, а об Анне-то что-нибудь известно? – уже напрямую спросил Сенькин. – И каким боком Никита сюда Илью приплёл?

– О, тут он такого дыму напустил, не продохнёшь. Главное, он утверждает, что она, мол, и сбежала-то потом от вас не без его участия.

– Ну, это ещё один бред! – тихо прошептал Сенькин, чувствуя, как слабость растекается по всему телу.

– погоди, ещё не то услышишь, – пообещал Попов. – Во всяком случае, у оперов пока нет оснований сомневаться в его показаниях: Аню ведь сколько ни искали, так и не нашли. Поди теперь проверь.

– Всё! – обречённо выдохнул Кеша и, закрыв лицо руками, вновь опустился на кровать. Рухнула тлевшая в душе слабая надежда на то, что она как-то избежала гибели. Чуда не произошло.

– Что – всё? – изучающе взглянул на него Григорий. – Это ещё не всё, парень. Слушай дальше. Следствию осталось только услышать от тебя подтверждения его показаний, и Илью законопатят на всю катушку. А сомнений в том, что ты всё подтвердишь, у них, как я уже сказал, нету. Особенно учитывая то, что Никита тебя из полыньи спас...

– Спас меня?! – так и подпрыгнул на месте Кеша и, с неожиданной злостью ухватив Григория за рукав тулупа, прохрипел срывающимся от негодования голосом: – Он спас?

– Ты гляди, как повернул мужик, – удивилась и Ивановна. – Да это ж Иннокентий его из полыньи вытащил, а не наоборот. Прихвастнул, однако, Никитка, оказал себя перед начальством. Похвалы, видать, захотелось.

Она ещё что-то говорила Григорию, но Сенькин не слушал. Гнев, как мгновенно появился, ровно так же и исчез, а вот грудь что-то сдавило, как клешами, и стеснило дыхание. Всё же он, хватая воздух открытым ртом, и кругами, как от ушиба, растирая грудь, сподобился промычать:

– Поехали, Григорий, быстрее. Он ведь ещё там, в районе?

– Не-а, – качнул головой Попов. – Он должен был быть там, но, как сказал один опер, аккуратно перед отъездом... – Тут он успел подхватить побледневшего Сенькина: – Фрося, дай ему воды, пусть успокоится. Вот так. Сядь, паря, охолопись да обдумай всё ладом, пока мы здесь одни. А как полегчает, сразу и поедем. О чём я говорил? Ага. Так вот, в последний момент увезли его в больницу: вроде как чижолое воспаление лёгких. После вашего купанья в полынье, как я полагаю.

– Дева-а! – невольно всплеснула руками Ивановна, и завздохала, и чуть ли не запричитала: – Ведь говорила же, предупреждала. Не послушал. Ой, беда с этими молодыми. Ой, беда.

– Вот сестра у меня, так сестра, – неодобрительно хмыкнул Попов, кивая на неё Сенькину. – Всем сёстрам

сестра. Всех ей жалко. И Торопова, что арестовали, и этого уroda, из-за которого Илью сцапали. Но его-то, его за что жалко? Ведь только что сама удивлялась, как он друга подставил.

– Ну как же, – горестно вздохнула она, – тоже ведь человек.

– Нелюдь он, а не человек. Иуда голимый: на родного дядю наплёл с три короба. Но недаром говорят: «Как аукнется, так и откликнется». Вот и откликнулось, что сам с катушек слетел. Говорят, его в психотделение, ну, дурдом по-нашему, убрали от греха подальше. Больно, мол, буйный. И поделом.

– Как было-то, не знаешь?

– Да прямо, дескать, в кабинете начальника грохнулся и потерял сознание. А потом, мол, и вовсе закуролесил: мелет, что ни попадя да орёт благим матом; всё какие-то волки ему мерещатся. Умом, видать, мужик тронулся. Так что, парень, много теперь будет от тебя зависеть, раз ты единственный свидетель остался. А у Ильи только на тебя и надёжа. Он как из рапорта Никиты узнал, где тот оставил тебя, так сразу и догадался, что ты у сестры моей. Фамилии-то у нас одинаки. Ну и успел шепнуть, чтобы я опередил всех. Правда, опережать никого не пришлось, потому что и мой начальник, и опера попросили меня об этом же. Доставить, то есть, тебя в город. Да-да, в город, не в район. К этому, как его, – Григорий запустил руку под тулуп, выташил какой-то конверт и вслух прочёл: «капитан Назар Легойда». Знаешь такого?

– Конечно, – кивнул Сенькин.

– Ну и как он, толковый мужик?

– Кому как, – буркнул Кеша, – не мне судить.

– Да это я так, для приличия спросил. Начальник наш, Тарасов Пётр Иванович, тоже капитан, шибко на него надеется. Дескать, работали одно время вместе и даже чуть ли не друзьями были. Так вот, должон, мол, Легойда разобраться в этом деле. Всё повторял, чтобы не забыл я передать ему привет и просьбу помочь Торопову. Илью-то уже туда доставили. А я, как видишь, здесь, – обвёл рукой горницу Григорий. И улыбнулся, увидев вошедшую крестницу: – А-а, Валя. Ну что, как там мой Буланный? Готов к исполнению своих обязанностей?

– Да, дядь Гриша, всё сделала, как ты велел. И напоила, и сена задала, ещё и гриву ему расчесала.

– Отлично! За мной гостинец. Вот как раз из города на обратном пути и привезу. Ну что ж, прощайся, служивый, с хозяйкой и поехали; путь далёкий будет, а до вечера успеть бы надо. Транспорт готов.

– И я готов, – встал Сенькин. – Надо всё подвести к одному концу. И чем быстрее, тем лучше. Спасибо вам за всё, дорогая Ефросинья Ивановна. Век вас помнить буду.

– Доведётся когда в наших краях быть, не обойди стороной мой дом, не забывай меня, – проводив его до саней, напутствовала старушка.

– Обязательно зайду, – растрогался Сенькин и крепко обнял старушку. – Даже не сомневайтесь.

– И о чём недоговорили, не забудь. Бог – Он везде.

– Не забуду. Я это в первую очередь не забуду.

– А ты, Гриша, присматривай, чтобы до конца-то не просквозило его. Если что, дак останавливайся где-нибудь по дороге, чтобы обогреться. И это... – Старушка запнулась на слове, смолкла и прикрыла ладошкой глаза, будто вспоминая, что сказать хотела. – Да ладно, – махнула

другой рукой. Будто что-то важное забыла сказать. – И помнить помнила, да вот забыла.

– Ну-у, не переживай так, Фрося, – шутливо потормошил её Попов, – присмотрю я. Всё сделаю, не беспокойся. Он нам с Ильёй живой нужен.

– Ну, храни вас Бог, – поклонилась она, украдкой смахнула непрошенные слёзы (чтобы братец их не увидел, опять ведь не преминет подсмеяться) и, не оглядываясь, побрела к дому. Но лишь переступила порог горницы, как тут же обнаружила обронённый Григорием конверт. Сунул, зная, мимо кармана и не заметил. В самом конверте была ещё какая-то бумага.

«Вот же, раззява, – досадует Ивановна, и в то же время боязнь за своего брата заставляет её быстро засеменить назад к воротам. – А ну, как без этой бумаги и ехать-то нельзя! Да хоть бы не уехали ещё».

Но саней уже и след простыл. Совсем расстроилась старушка, то на бумагу взглянет, то в ту сторону, где они скрылись за околицей, что вдруг, мол, да спохватится Гришка и вернётся. Нет, сколько ни стояла, не вернулся. Тогда поспешила домой и сразу к внучке:

– Валя, ну-ка, прочитай, детка, что тут есть.

Та развернула сложенный вчетверо лист и не удержалась от смеха.

– Да тут каракули, как у первоклашек, – прыснула в кулачок. – Даже наша училка и та не разберёт.

– А ты постарайся, доченька, постарайся.

– Ну, хорошо, попробую, – важно говорит Валя, строго хмурит лоб и с нарочито видимым усилием читает по слогам: – «Срочно доставить рядового Сенькина по поводу сбежавшей арестованной Анны Бедарь. Капитан

Легойда». Вот и всё, бабуля. А чего это ты так растревожилась?

– Бе-едарь, – медленно повторила Ивановна и от внезапной догадки так и присела за стол: – Анна... Батюшки-светы! А я-то, бестолочь...

– Что, бабушка, что? – затеребила её за рукав внучка.

– Ничего, ничего, детка. Это я так. Ты иди к себе. Наваландалась, поди, с коняжкой-то, так отдохни. Ага, иди, иди. Всё хорошо, всё ладом.

«Как же я сразу не догадалась, что это сноха Игната? – продолжала она размышлять, когда осталась одна, и хмурилась всё сильнее. – Он ведь упоминал в последнем собрании, что невестка с внуком у него остались, когда сын на фронт ушёл. Но тогда что же выходит? – в за-таённом страхе она зажала рот рукой и огляделась, как будто кто-то мог подслушать её мысли. И уже совсем горестно: – Выходит, что Иннокентий с тем Никиткой никого другого, кроме неё, и не арестовывали? Ну да, поэтому он так сильно и смешался, как услышал, что Игнат – тот самый человек Божий, о котором я сказывала. Господи, дак а я-то? Я-то, стало быть, спасала тех, кого как раз спасать-то и не надо было? Но ведь этот Кеша очень славный парень... – От этой мысли немного отлегло от сердца, она даже просветлела лицом. – Да-да, злыдень бы не признал себя подлецом, а этот корит себя, покаяния ищет. Потому и сказал, что хотел бы с Игнатом встретиться, но не так, мол, как сейчас. Значит, вина точит его. Да и сама видела, как он Бога ищет. Жалко, не успели помолиться. А раз так, то всё я правильно сделала? Или как? Ох-хо-хо, у Игната бы спросить, да где его теперь найти. – И сама же себе возразила: – Найти,

может быть, и не найду, а вот весточку про Анну смогу передать. Кто-нибудь да есть из артели на заимке, это уж обязательно».

Повеселела Ивановна, даже какой-то мотив замурлыкала себе под нос от такого своего решения и принялась одеваться.

– Валя, собери скоренько узелок с харчами, пока я к конюху нашему схожу, к Пахомычу, – крикнула, и пояснила тут же прибежавшей на зов удивлённой внучке: – Зачем, зачем? Коня попрошу, чтобы на артельную заимку съездить, вот зачем. Ну, ты знаешь, тут вёрст пять по речке. Что? Тебя взять с собой? А и то правда: вдвоём-то в два раза короче будет. Собирай пока тут хлебца да картошки и жди меня.

* * *

– **Н**у, спасибо Тарасову за услугу, – довольно раз- улыбался Легойда, выслушав рапорт прибывшего в управление Попова. – А то мои ребята и так- то зашились, а тут больного ещё транспортировать. Где времени на всё набраться? Ну, спасибо, теперь я его должник. Так и передашь ему. А пока посиди тут немного, – указал он Григорию на стул у стены и повернулся, наконец, к нетерпеливо ожидавшему своей очереди Сенькину:

– Так. Ну, что у нас?

– Рядовой Сенькин прибыл по вашему приказанию и готов дать отчёт о случившемся на задании, прояснить все обстоятельства, – как можно бодрее попытался доложить Кеша, но сам вид его был настолько измождённый

(сказалась очередная нелёгкая дорога), что капитан сразу же отказался от намерения допросить его.

– Да, не очень-то жизнерадостно, Кеша, – пробормотал озабоченно. – Ты вот что, герой, или горе-водолаз, – что вам обоим с Букиным больше подходит: что ты прибыл, это, конечно, хорошо, но давай-ка, ступай домой да отлежись маленько. Скажу навскидку... денька эдак два тебе не помешают, а там видно будет.

– Но я хочу прямо сейчас дать показания насчёт Торопова, товарищ капитан, – запротивился тот. – Мне необходимо ввести вас в курс дела.

– Э, не-ет, дорогой, – поднял руки Назар, – не выйдет. Хватит с меня и одного жмурика, что чуть не околел тут прямо в кабинете. Я что, не вижу, что тебе сейчас больше «скорая» нужна, чем какие-то показания давать? Только я не стану её вызывать, а то ещё подумают, что у нас здесь сплошь одни дистрофики. – И, быстро шагнув к Сенькину, легонько развернул его за плечи к двери: – Иди, иди, Кеша, утро вечера мудренее. Будешь крепче стоять на ногах, будет и разговор, а сейчас ты на взводе и можешь нагородить мне тут сто вёрст до небёс, о чём, возможно, потом будешь жалеть. В общем, сюда – ни ногой, пока толком не придёшь в себя. Всё равно ни сегодня, ни завтра у меня не будет времени разбираться с твоим отчётом, а когда понадобится, я пришлю за тобой. Кстати, ты ведь теперь у нас в штате, поэтому считай это приказом. Понял, да? Ну, а товарища... – Назар выжидательно посмотрел на Григория.

– Григорий Попов, – подсказал тот.

– ...Григория я попрошу остаться. Надо бы кое-что обсудить, – продолжил капитан и, видя, что Сенькин

не собирается уходить, поторопил: – Давай, давай, не заставляй меня повторять одно и то же несколько раз. – И, так же легонько взяв за локоть, выпроводил оторопевшего Кешу из кабинета.

Подобный поворот дела обескуражил новоиспечённого сотрудника. Хотя особых иллюзий он на свой счёт и не питал, но уж чего-чего, а такого скорого выдворения никак не ожидал. Нет, он был готов к тому, что после признания своей неблагоприятной, если не сказать, мерзкой, роли в гибели Анны с ним перестанут разговаривать, станут презирать за трусость, за то, что бросил человека ради спасения своей шкуры, но это должно было произойти после обозначения его вины! После того, как он выскажется. А Назар пренебрёг им, не дав даже заикнуться о деле! Теперь, оказавшись в коридоре, Сенькин в недоумении лишь пожимал плечами: «Как же так? Послал человека со строгим наказом доставить меня и сам же отказывается выслушать?! С Григорием есть время беседовать, а со мной – нету? Ни сегодня, ни завтра? Что-то тут не так!» В этом недоумении он даже не сразу сообразил, что зачислен в оперативный штат, поскольку смысл той фразы пропустил меж ушей. Теперь смысл дошёл, но почему-то никакой радости от этого он не испытал. А ведь ещё совсем недавно мечта эта казалась такой желанной... и несбыточной!

«Наверное, это со мной самим что-то не так», – грустно констатировал Иннокентий, наблюдая за идущим по коридору конвоем.

Впереди двух конвоиров шёл высокий мужчина с заложёнными за спину руками. С каждым шагом он сильно

припадал на правую ногу, а правый глаз его и щека оплыли огромным, изуродовавшим всё лицо сизо-лиловым кровоподтёком. Тем не менее Кеша узнал его. Неужели? Он протёр очки. Сомнений не было – это Илья Торопов. Он тоже узнал Кешу и что-то похожее на улыбку скривило его губы, обнажив зияющую пустоту на месте верхних передних зубов. Обоих конвоиров Сенькин хорошо знал, поэтому, не раздумывая, окликнул их.

– Рожков, Дёмин! Пойдите!

Тот, что справа, в нерешительности приостановился и то, наверное, только потому, что Кеша стоял у кабинета Легойды. Остановился и арестант, и Сенькин шагнул, было, к нему, но другой конвоир мгновенно среагировал и грубо оттеснил его:

– Куда прёшь, академик? Ты что, инструкции не знаешь?

– Куда вы его, Лёха?

– На кудыкину гору. У своего теперешнего шефа спрашивай, а нам знать не положено. А ну, посторонись! Или с ним заодно хочешь топать?

Сенькин никогда не конвоировал людей, однако не раз сталкивался с этой процедурой и понимал, что иначе конвоир не может себя вести. Но если прежде это его не трогало (потому что не касалось лично?), то сейчас он вдруг ощутил несвойственный ему прилив злости: столь явный беспредел, творимый без всякого разбирательства, по сути по подлогу против своего же коллеги-милиционера, не мог не вызвать в душе протест. И этот слабый протест, зародившийся во время болезни в доме Ивановны, а теперь ещё и подогретый подлыми действиями Букина, уже набирал обороты и однажды должен был в той или иной форме выплеснуться наружу. Кеша едва

сдержался, чтобы не обругать их. И это было разумно: отыгрываться на этих двух мало толку. Они такие же пешки, как и он сам, да и выйдет только себе дороже. Между тем он увидел, как один из конвоиров грубо толкнул в спину замешкавшегося в конце коридора Торопова, а другой буквально заволок его в угловой кабинет, снискавший дурную славу даже среди сотрудников НКВД. Не кабинет, конечно, а его хозяин, следователь Андриан Пехтин: всем было хорошо известно, какими методами тот выбивает у подсудимых нужные показания. Ну, а в списке лиц, «добровольно» признавших свою вину, ему не было равных. Бывали, конечно, казусы, когда суд отменял «дела», совсем уж сшитые белыми нитками, и оправдывал подсудимых, но случались они так редко, что и упоминать о том вряд ли стоит.

И опять же, Кешу никогда не интересовало, кого там пытали, как и за какие грехи: раз, мол, попал человек туда, стало быть, есть за что. Но ведь Торопов ни в чём не виновен, и он, Сенькин, это знал! Честного милиционера оговорил собственный племянник (Иуда, по выражению Попова), и почему-то ему верят. Ещё не отдавая себе отчёта о возможных последствиях, он бросился назад (откуда только силы взялись!) и без стука ворвался к Назару. Тот внимательно слушал Григория и привстал в явном раздражении. Больше всего Сенькин сейчас боялся, что ему не дадут договорить, поэтому буквально на одном дыхании выпалил:

– Товарищ капитан, там Торопова к Пехтину повели. Сам видел. Он ни в чём не виноват, а его уже и так забили до полусмерти. Букин вам всё наплёл. Он пропьянствовал в Ключах, пока Торопов Аню с ребёнком на

осмотр к врачу возил. И если бы потом он её не выгнал из саней, мы бы с ней ушли от волков. А так... – Запал кончился, и Сенькин тяжело опустился на стул, вовремя подставленный Григорием. При этом Попов шепнул ему что-то ободряющее.

– А так – что? – подался Легойда вперёд, услышав о волках. Поначалу явно рассерженный вторжением ослушника, теперь он был весь внимание: – Ну-ну, продолжай, раз заикнулся!

– Мы с ним струсили, оба струсили. Мы её бросили, оставили на растерзание волкам, – уже как заупокой, невнятно ронял слова Кеша. – Это нас надо судить, а не Торопова... – Его передёрнуло так, будто судорога прошла по всему телу, и он вскинулся в умоляющем шёпоте: – Спасите Торопова, товарищ капитан! Вы же можете. Ни за что человек страдает. За нашу с Букиным вину страдает. Нельзя так.

Назар облокотился на стол и, подперев ладонью щёку, долго и так внимательно разглядывал Кешу, будто видит его впервые. Похоже, к концу сумбурной исповеди Сенькина он сменил гнев на милость.

– Так-так-так. Стало быть, всё же волки? – переспросил, постукивая пальцами по столу. И рассудил задумчиво, теперь уже больше для себя: – Выходит, не зря бредит ими Никита? Наверное, всюду мерещатся, раз весь медперсонал уже на уши своим криком поставил. – Он встал, размашисто прошёлся по кабинету и остановился против Сенькина: – Ну, что ж, и надо бы отстегать тебя за неповиновение моему приказу, но так уж и быть, повременю. За информацию благодарю, но, к сожалению, она уже ничем не поможет Торопову.

– Товарищ капитан, хотя бы помешайте Пехтину сейчас. Забьёт ведь.

– Не переживай, бить Торопова больше не будут, – похлопал его по плечу Назар и пояснил: – Подписал Илья всё, в чём его обвинили. Всё, понимаешь?

– То есть, как? – округлил глаза Сенькин.

– Молча. Молча подписал. Чтобы быть живу. – Легойда вздохнул: – Ну, не до жиру тут уже, понимаешь? – И подытожил: – Вот так-то, Кеша.

Сенькин жалобно посмотрел на Григория, но тот только грустно кивнул, что, да, мол, опоздали мы с тобой.

– А ты думал, почему я отправил тебя отдохнуть да набраться сил? – продолжил капитан. – Именно поэтому. Ты мне нужен свежий и бодрый. И в штат я тебя провёл задним числом, чтобы тобой (и это главное) не успел заняться как раз Андриан. Могу себе представить, что он с тобою сотворил бы, если бы ты оставался постовым. Какими выходят от него люди, ты приблизительно знаешь. Знаешь?

– Слышал, – отсутствующе ответил Кеша.

– Ну, ещё бы, – усмехнулся Назар. – Иначе не залетел бы ко мне с квадратными глазами, когда увидел, к кому увели Торопова. Но теперь ты ему не по зубам. Не слышу благодарности, Кеша! Тебе что, всё равно?

– Я вам благодарен за это, – всё так же без энтузиазма ответил тот.

– М-да-а, любой другой на твоём месте радовался бы сильнее, узнав, что его избавляют от личного знакомства с Пехтиным, – недовольно заметил капитан. – Я ведь впрягся за тебя, Кеша, потому что лишился сразу трёх

сотрудников. Включая Букина. Двое на фронт ушли, а Никита не то, чтобы в строй – к жизни-то вряд ли вернётся. Дырка у него величиной с пятак в лёгких образовалась от вашего с ним купания – каверна называется. Заработал туберкулёз, по всей видимости. Да и после того, что я узнал от тебя, – живой ли, неживой, – ему лучше не показываться мне на глаза. М-да-а, а людей-то, хочешь не хочешь, а где-то брать надо? Надо. Вот я за тебя и подсуетился. И как сейчас понял, не ошибся.

– Нет, товарищ капитан, ошиблись, – глухо произнёс Сенькин.

– Что? – не понял Назар. – Что такое ты сказал? Я ошибся?

– Да, – кивнул Кеша. – Не хочу больше ловить верующих людей. Раз попробовал – больше не хочу. Ни ловить, ни арестовывать. На фронт пойду.

– А-а, на фронт, – понимающе усмехнулся капитан. – Ну, это-то как раз понятно: не ты первый, не ты последний. Что ж, решение хорошее, вопрос только в том, как его воплотить в реальность? А сие, мил дружок, не совсем от тебя зависит. Вернее, совсем не от тебя. Впрочем, я готов это обсудить с тобой... На свежую голову. А пока что дай подумать, что смогу сделать для Торопова, раз уж ты преподнёс мне такие факты. Ничего не обещаю, потому что дело уже ушло в суд, а уговорить Пехтина изменить что-то или добавить... Ох-хо-хо! – Назар яростно поскрёб в затылке: – Ты даже не представляешь, Сенькин, чем это чревато. Но попробую, где наша не пропадала. А ты тогда вот что: сваргань-ка мне в письменном виде всё от и до. Обдумай всё до мелочей, прикинь, что к чему, и подробно опиши. А уже завтра, на ясную голову, и приходи. Если, конечно, сможешь.

– Смогу, – заверил Кеша. – Я обязательно приду.

– Ну, вот и договорились.

Сенькин попрощался с Григорием и покинул кабинет.

– Хороший парень, – кивнул капитан Попову, будто советуясь с ним.

– Хороший, – с готовностью согласился тот. – С характером.

– Именно. Жаль, что я этого раньше в нём не рассмотрел. Аккурат такие мне и нужны. Как ни странно, натолкнул меня на эту мысль именно Букин. Вернее, его отчёт. Слишком уж трусоватым он выставил Сенькина, а между тем, того хоть и недолюбливают в патрульной службе, но в мужестве не отказывают. Отважный, мол, парень. Так что я пошёл, можно сказать, методом от противного.

– Хлопец что надо, – горячо поддержал Попов. – Из полыньи-то он ведь Никитку вытащил, а не тот его. И не только вытащил, но и всю свою одежду ему отдал. А мороз-то славный был. Сестра моя рассказала, как они прикатили к ней. Букин, мол, мокрёхонький (она ему мужнино исподнее потом отдала), но в сухой верхней одежде, а Кеша, раздетый и без шапки, но бельё на нём сухое. А в санях вся амуниция: полшубок – вода водой – да шапка, разломаченная от воды, как ветошь. Ясно ж, кто в полынье побывал. – Григорий осуждающе покачал головой и закончил: – Сволочь этот Никита, больше никто. А Кеша – мужик. Он за всю дорогу про Букина худого слова не вымолвил, и что там приключилось у них с волками, тоже не сказал, как я его ни пытал. Только и ответил, что, где надо, мол, там и расскажет.

У вас, значит. А мог бы и пооправдываться, я ведь сначала-то на него с укорами накатил. – Тут Григорий виновато развёл руками: – Ну, за Илью я это на него. Потом-то понял, что ни при чём он.

– Это всё мы потом будем выяснять, Григорий, – сказал капитан. – И про девицу, и про волков. А пока рассказывай дальше про Торопова. Это очень важно, что Тарасов, да и все в вашем управлении ценят его. Думаю, если теперь ещё присовокупить показания Сенькина, можно будет хоть на что-то надеяться. Главное, чтобы Кеша как можно убедительнее опроверг показания Никиты. Уверен, он это сделает, грамоты у него достаточно. А что сейчас вспылит, то до завтра пройдёт. Слишком долго и упорно он ко мне в оперативники просился, чтобы потом вот так разом отказаться от службы. Не-е, тут я больше, чем уверен.

* * *

Но оказалось, что Легойда ошибся и во второй раз. И не только по поводу Сенькина. Совершенно сногшибательная (иначе не назовёшь!) новость поджидала его утром в кабинете начальника. Дело в том, что в эту ночь была получена депеша с фронта, где чёрным по белому объяснялось, что вышла-де досадная ошибка, а именно: санитар Бедарь Николай вовсе не дезертировал, как сообщалось ранее, а, наоборот, представлен к награждению медалью «За отвагу». Вынес рядовой медслужбы с поля боя командира батальона и три дня пробирался с ним по болотам к своим, вынужденным откатиться далеко назад от прежней линии фронта. Вот

это его отсутствие и послужило причиной первого сообщения, так что, мол, имейте там у себя в виду.

И начальник, предоставив Назару эту информацию, не преминул пожуричь его за непродуманность и спешку, очень ловко открестившись тем самым от своего участия в операции по аресту Бедаря-отца. Будто это и не он вовсе торопил Легойду с такой мерой. Ну и под конец ограничился «дельным» советом: дескать, ты уж, капитан, как-нибудь сам разрули ситуацию. Без шума чтобы. Мне-то, мол, недосуг.

Легко сказать «без шума», а как это сделать? Можно, конечно, на всё закрыть глаза и не вмешаться в дело Торопова, то бишь, тихо спустить на тормозах. Но, во-первых, это значило бы уподобиться тому же Пехтину, которого он презирал, а во-вторых, тот тоже не в восторге от Назара и давно лелеет мысль поставить его на место. А что означает это «поставить на место», нетрудно догадаться. На памяти капитана случалось в органах и так, что сегодня ты – оперативник, следователь, да просто милиционер, а уже завтра – «отдых» на нарах в бараке. Ведь если захочет вдруг Андриан подробнее раскрутить историю с исчезновением Анны, то Назару сильно не поздоровится. Да, какой же нужно обладать изворотливостью, чтобы лавировать между этими двумя крайностями! Хотя показания Сенькина и придали уверенности, но это больше относится к Торопову, а вот его собственное – будь оно неладно! – решение по её аресту содержит в себе такие нюансы, что и вспоминать-то не хочется.

Время уже было к обеду, когда после робкого стука в приоткрытую дверь кабинета просунулась голова

Сенькина. Легойда стука не слышал и даже вздохнул с облегчением, что тот прервал его размышления, и приветливо махнул рукой. Кеша зашёл и молча положил на стол отчёт.

– Плоды моего ночного бдения, – пояснил в ответ на немой вопрос Назара и попробовал улыбнуться, но улыбка вышла какой-то жалкой, вымученной, и капитан сразу отметил это.

– Что, всё ещё нездоровится? – спросил, разглядывая исписанные аккуратным почерком листы, и, не дожидаясь ответа, указал на стул напротив: – Нет? Всё нормально? Ну, посиди, пока я ознакомлюсь.

Сенькин сел, устало положил руки на колени и, сняв очки, уставился в пол немигающим взглядом. Во всей его согбенной фигуре было что-то обречённое. Он так и не шелохнулся, пока Назар читал его «плоды».

А тот, перевернув последний лист, вернулся к первому, пробежал его глазами ещё раз и наконец откинулся на спинку кресла.

– Верю! – только и сказал, и повторил громче: – Верю, Кеша.

Сенькин молча протянул другой, сложенный вчетверо лист бумаги.

– Что, это ещё не всё? – улыбнулся Назар. – Это ж тебя прямо поэтическое вдохновение посетило, а?

Но улыбка медленно сползла с лица, когда он развернул тот лист.

– Ну-у, Ке-еша, – протянул укоризненно, – это уже ни в какие рамки. Я думал, ты вчера по нездоровью это, да ещё перенервничал, что Торопова увидел в таком состоянии. Но я ведь сказал, что поборемся ещё за него.

А что задание не выполнили, так эка невидаль! Первый блин комом, с кем не бывает. И у меня поначалу не всё гладко было, но не убежал же. Нельзя сдаваться при первой же неудаче. Да, тут нужен характер, стальные нервы, но они, Кеша, вырабатываются в борьбе с врагом, а не в бегстве от него.

– Поэтому я и прошусь на фронт. Там воюют с определённым, а не скрытым врагом, и я не побегу от него.

– Эх, Сенькин, ты Сенькин. Думаешь, я не хочу на фронт? Да многие из наших прямо сейчас готовы туда уйти (пример – те двое, которые уже туда отбыли), но кто-то же должен и тут наводить порядок. Может быть, ты думаешь, мне приятно возиться здесь со всяким отребьем?

– Анна и её отец – не отребье, – тихо возразил Сенькин. – Они просто верующие люди. Старушка, та, что поставила меня на ноги (она сестра Григория Попова), называла Бедаря Божьим человеком, не подозревая в своей простоте душевной, что я-то, я... приезжал, чтобы его арестовать. Она в нём просто души не чает, и я готов был сквозь землю провалиться со стыда, что обманываю её. Но как я мог сказать о цели нашего задания? Хотя уверен, что если бы она и узнала, не перестала бы ухаживать за мной. Она говорит, что любить нужно всех, а не только своих ближних; имела в виду, наверное, таких, как я. Так, мол, в Библии прописано и об этом проповедует Игнат Бедарь. – Кеша как-то по-доброму улыбнулся, мельком взглянул на капитана и, увидев его сосредоточенное лицо, снова потупился: – Вы, конечно, можете сказать, что она тёмный человек, верит в Бога, и что это есть пережиток прошлого. Может быть, это

и так. Но старушка – ладно, а Торопов? Вы ведь знаете, что он никакой не враг!

Назар терпеливо, не перебивая, слушал монолог подчинённого и только всё больше хмурился. Он поймал себя на том, что слушает вполуха, и в мыслях его подспудно уже вызревает какое-то нужное, умное решение. И когда Кеша закончил, встал и, склонившись над столом, не повышая голоса, но жёстко чеканя каждое слово, произнёс:

– Выговорился? А тебе не приходит в голову, что ты меня тут за верующих агитировать собрался? Нет, не приходит. Но ведь получается именно так. Теперь слушай, что я скажу. Не лезь-ка ты, Кеша, туда, куда тебя не просят. Это ведь такие дебри, что сгинешь в них и не заметишь. В нашей жизни бывают ошибки, – куда ж без них? – только не нам о них судить. А всего лучше вовсе избегать о них рассуждать – время сейчас такое. Например, за то, что ты только что наговорил, вполне можно припать пропаганду религиозного мракобесия. И не удивляйся, ещё как припаяют! Пойми, дело сейчас в тебе, и я забочусь в первую очередь о том, чтобы ты не попал в те жернова, о которых даже не подозреваешь. Хотя... – Легойда на минуту задумался, ещё раз взвешивая то, что только что вызревало в уме. Потом, пожав плечами, как бы продолжил развивать мысль: – Хотя фронт, конечно, тоже неплохой шанс избежать встречи с теми самыми жерновами. М-да-а, совсем неплохой. Ну, хорошо, допустим, я соглашусь ходатайствовать за тебя, потому что уже начинает надоедать нянчиться с тобой да уговаривать. Но ты хоть отдаёшь себе отчёт в том, что тебя ждёт, если попадёшь на фронт?

– В полной мере. Я всё хорошо обдумал.

– А вот тут я тебе не верю. Ты, как я подозреваю, думаешь только о том, как попасть на передовую, так? И рвёшься-то ты непременно туда, хотя прекрасно осознаёшь, что из-за зрения никуда, кроме как в какой-нибудь тыловой обоз, не возьмут. В лучшем случае писарем в штаб. Но там нет места подвигу! Там обыденная до тошноты рутина, а ты-то считаешь себя готовым на любой риск, так? Ты же хочешь, чтобы я помог тебе попасть на действующий фронт. А зачем? Чтобы стать героем? Послушай, Кеша, что я скажу: у нас своя передовая и риска у нас не меньше, чем на фронте. Как и там, у нас идут сражения и гибнут люди. И звание героя у нас дают далеко не за красивые глазки.

– Мне наград не надо. Не хочу, чтобы меня держали за труса.

– Не валяй дурака, Кеша, никто тебя трусом не считает. Я же сказал: верю. Значит, верю. И потом: кому ты собрался доказывать? Если всем, то и жизни не хватит.

– В первую очередь себе. Чтобы перестать презирать себя, – Сенькин сложил руки на груди и с мольбой в голосе признался: – Не будет мне жизни, товарищ капитан: все последние дни, как только пришёл в себя от болезни, перед глазами так и стоит упавшая на колени Анна и настигшая её волчья стая. Вы не представляете, какие мучительные страдания приносит это наваждение: оно повсюду преследует меня, не даёт покоя ни днём, ни ночью. Вот я говорю с вами, а она – вот она. И вот он – Букин, как тут и был. И орёт над ухом благим матом... И-эх! – застонал Сенькин и в отчаянье сжал голову руками, будто слышит тот истошный вопль. Потом поднял

глаза на Легойду и усмехнулся жалобно: – А я коня гоню. Горюна. Вожжами, вожжами. Всё позабыл, только волки! Представляете? Страх такой... всё заледенит. И сейчас ещё леденит. Только теперь от стыда. Всю душу он мне наизнанку выворачивает. – И, покачав головой, упредил Назара: – Только не говорите, что мне надо полечиться – и всё пройдет. Не пройдет. Не-а, не пройдет. Пока другим страхом этот страх не искореню. Клин клином вышибают. Прошу вас, товарищ капитан, посодействуйте. Я знаю, что у вас с военкоматом прямая связь. Тем двум вы же помогли?

– Ты уже и это узнал, – непонятно, с одобрением или с осуждением, покачал головой Легойда: – Нет, Кеша, уж куда-куда, а для дороги на фронт блатные связи не требуются; тут было бы желание. Другое дело, что я просил своё начальство отпустить их, так как у обоих на то была веская причина: что одному, что другому пришли с фронта похоронки, и парни горят желанием отомстить. А ты за кого мстить собрался? Насколько я знаю, кроме тебя, в семье есть ещё младшая сестра, а на фронте – никого.

– Сестрёнка работает на оборонном заводе, значит, вносит посильный вклад в победу. Я тоже хочу внести. Но не мстить, а воевать за Родину.

– Что ж, похвально, если так, – задумчиво сказал Назар. Он уже укрепился в найденном решении: – А родителям сказал о своём желании?

– Отцу только. Он понял меня и благословил... То есть, я хотел сказать, одобрил. Он потом матери передаст, когда весточку пришлю.

– Значит, решено? – откинулся в кресле Легойда.

– Решено, товарищ капитан.

– Подумай ещё, Сенькин. Это ведь что-то вроде командировки в ад.

– Всё равно. Помогите. И чем быстрее, тем лучше. Только чтобы это... ну-у... не в обоз. Ну вы же сразу сами поняли...

– Да уж понял, – удовлетворённо улыбнулся Назар. – Разгадать-то не мудрено было, не зря ведь тут работаю. Скажу больше: тщеславие – не самая плохая черта характера. Не зря у нас говорят, что плох тот солдат, который не мечтает стать генералом. Так что дерзай! Да, рассчитывал я на тебя, но делать нечего, придётся искать замену. Ну, на нет и суда нет, постараюсь помочь. Хотя помощь может обернуться боком не только тебе, но и мне.

– Мне – это понятно: могут убить. А вам? Почему вам?

– Если убьют, Кеша, то получится, что к этому и я руку приложил. Как раз вот этой своей помощью. – Назар иронически усмехнулся: – Ну, тогда не обессудь, уж такая она «се ля ви». Ладно, посиди, я от секретарши попробую в военкомат дозвониться, если есть там кто.

Вернулся он через полчаса, настроенный, как показалось Сенькину, скептически.

– Ждёшь? – спросил, усаживаясь в кресло, и шумно выдохнул, будто освободился от какого-то тяжёлого груза: – Да-а, задал ты мне задачку, век помнить буду. – И замолчал. Взглянув на Сенькина, зачем-то взял в руки его отчёт и стал сосредоточенно изучать его.

– Что? Что вам сказали? – осипшим от волнения голосом напомнил о себе Кеша. Во рту у него пересохло.

– Да уж сказали, Сенькин, сказали. Только вот думаю: радоваться мне теперь или горевать за своё участие в твоей судьбе. – Назар отложил отчёт в сторону и протянул ему блокнотный листок. – В общем, завтра к обеду

ты должен быть в военкомате и обратиться вот в этот кабинет. Тут записано, к кому и когда. Ты как раз успел к набору связистов. Везение это или наоборот, решать тебе, а я своё обещание выполнил. Уже вечером отправят вас в Новосибирск – там обучение, то да сё, – и на фронт. При себе иметь сам знаешь, что. Ну, а прочие необходимые документы возьмёшь утром у секретарши. Она тебе их подготовит по моей просьбе.

– Товариш капитан! – приложив руки к груди, судорожно сглотнул Сенькин: – Я... Я не знаю, как благодарить вас.

– Отблагодаришь тем, что вернёшься живым, Кеша. Пусть даже без орденов, но этим снимешь груз ответственности, которую я сегодня взвалил на себя. – Легойда вышел из-за стола и подал ему руку: – Что ж, тогда давай прощаться. У тебя, наверное, ещё куча дел, да и у меня не меньше. Ну и, как говорят наши хлопцы, до побачення.

«Хорошо ли, правильно ли я сделал, что устроил ему эту „путёвку в пекло“?» – задался вопросом капитан, проводив взглядом молодого парня, столь недолгое время пробывшего в его подчинении. И заходил по кабинету, раздираемый противоречивыми чувствами. С одной стороны, вроде спас Сенькина от Пехтина, а с другой – больше спасал-то, конечно, себя. Упреждал, так сказать, возможную угрозу. Потому что в свете дела Торопова ему предстояла нешуточная схватка с этим следователем. Она стала неизбежной в связи с неожиданно открывшимися сегодня обстоятельствами по поводу Бедаря, а стало быть, неизбежен допрос обоих исполнителей приказа об его аресте. И если за Букина можно не беспокоиться, то где гарантия, что Сенькин не покажет на первом же допросе, что арестовывали Анну по приказу капитана.

А на подобный приказ он не имел никакого права. Никто, конечно, и никогда бы на это не обратил внимания, но, как уже было сказано: если дойдёт до Андриана... О, для того это будет конёк! Даром что сам направо и налево отдаёт такие приказы, но делает-то всё это устно, а слова к делу, как известно, не пришьёшь. А вот он, Назар, письменного предписания добился. Повёлся на предложение Букина сразу двух зайцев словить. Вот и словил. Ладно хоть сам-то Никита теперь уже ничего не покажет: медики говорят, что всё же «слетел с катушек», недаром в «дурдом-то» перевели. А Кеша мог бы и проговориться. Совестьливый шибко парень. И податливый. Стоило вон верующую бабку встретить, как тут же про какую-то любовь к ближнему замолол; а Игната, похоже, и сам в Божьи человеки записал, раз уж запел обоим осанну. Да, эта паутина скоро затягивает человека в свои тенёта. Быстрее, чем он спохватится. Вон ведь об отце-то своём как проговорился: благословил, мол, на фронт его.

Легойда сел за стол, выдвинул один из ящичков, достал, полистал «Дело И. Бедаря» и, проведив в мгновенно охватившем раздражении: «И откуда ты только свалился на мою голову, чёртов праведник? Всю малину мне твой сын испортил», – зашвырнул его на прежнее место.

«Кажись, подфартило на этот раз Андриану, отыграется за все прежние неудачи против меня, – вздохнул с досадой. – Ну, да ладно, ещё посмотрим, кто кого. Ты ушлый, а я... ещё ушлее. – Он даже повеселел от такого придуманного на ходу слова, а мысли почему-то снова вернулись к Кеше, но уже более спокойные: – Не-ет, правильно я сделал, что уважил его просьбу, правильно. Лучше хлебнуть солдатской доли, чем поганить душу

общением с такими, как Пехтин. А общаться наверняка пришлось бы. Ну-ка, начнись катавасия с допросами, сколько грязи увидел бы парень! А у него душа ещё чистая. Нет, всё правильно я его оберёг: и от Андриана с его изощрённым садизмом, и от всех этих верующих, чтобы до конца не заморочили голову своими бреднями о Боге. На фронте-то их вряд ли встретишь. – Назар встал, одёрнул гимнастёрку и с присущей ему иронией усмехнулся: – Ну-ну, капитан Легойда, выходит, ты со всех сторон обезопасил мужика! Осталось только доказать себе, что отправил его не на фронт, а на курорт!»

Он уже шагнул было к двери, как вдруг застыл в оцепенении. Будто в самое ухо шепнул кто-то: «Как же ты говоришь, что на фронте верующих не встретишь? А про Бедаря забыл? А его медаль „За отвагу“?».

Огляделся в изумлении капитан – никого. Но голос был, он его слышал! Подождал, не повторится ли, и, не дождавшись, грустно покачал головой: «Галлюцинации! Перегрелся, видать. Заработался. В отпуск бы надо, а то как бы вслед за Букиным в психушку не загреметь. – И даже вздрогнул от последовавшей, буквально пронзившей его мысли: – Уж не оттого ли это, что я верующих в Бога смешал в одном флаконе с дьяволом в образе Пехтина и праведника назвал неподобающим словом? Домысел, конечно, но лучше больше не надо. Хоть и уверен, что никакого Бога нету, но... кто знает?»

На этом и успокоился. Назар презирал коллег, которых называл держимордами, но и верующие большой симпатии у него не вызывали.

* * *

Через час пути по рыхлому, вязкому снегу геологи, обогнув с дровенками очередной перелесок, оказались на пологом берегу затаившейся под толстым слоем льда речки. Здесь Афанасий остановился и, втянув носом воздух, безошибочно определил:

– И хозяин дома, и уха на плите. Значит, ко времени мы, Галя.

– Ты это о чём? – удивилась она.

– До заимки, говорю, рукой подать.

– А-а, ну и славно, – пробормотала она, тшетно озираясь вокруг. Но как ни вглядывалась, не видела ещё никакой заимки, ни даже дыма, по которому он, очевидно, выверил её расположение и даже то, что там варится. Впрочем, она привыкла во всём безоговорочно доверять своему коллеге: раз он сказал, значит, так оно и есть. Всё же вопросительно посмотрела на него.

– Не гляди, не увидишь, – понял он и, приклонив её к себе за плечи, вытянул руку: – Во-он, видишь, где излучина уходит за холм? Дальше речка даёт такой полукруг, – описал он рукой дугу, – и где-то вот тут, ближе к нам, должна быть заимка. Если идти напрямик через лес, путь получится вдвое короче. Ну что, последнее усилие – и мы у цели?

– погоди, Афанасий, посмотрю, как там наша красавица.

Приоткрыв лицо Анны, Галя озабоченно покачала головой, склонилась поближе, и тут же вскинулась в тревоге:

– А как долго ещё идти?

– А надо быстрее? – переспросил он.

– Да. Слишком трудно, прерывисто дышит.

– Ну, если напрямик, то минут пятнадцать, от силы

полчаса. Это же чаша, по ней трудно пробираться. Можем спуститься к реке и хоть это будет очень большой крюк, но там к заимке ведёт просека. По ней легче.

– Идём через лес, – решительно сказала Галина. – Я боюсь за неё.

Лавируя между зарослями кустарника, объезжая снежные завалы бурелома, они, как и предположил Афанасий, через четверть часа вышли к большой поляне, на дальнем краю которой приютилась небольшая бревенчатая избушка – ни дать, ни взять теремок из детской сказки, сходство с которым придавал надстроенный над подклетом столь же крохотный верхний ярус с красными оконцами. Внизу у завалинки стояла длинная лавка с причудливой спинкой. Геологи даже приостановились, поражённые таким искусным строением. Странно было увидеть в этой глуши не обычную избушку-временку, а настоящее произведение деревянного зодчества. Однако на стук в дверь никто не отозвался, не подтвердив тем самым прогноз геолога на наличие в доме радушного хозяина, жаждущего угостить странников ухой. Хотя сама уха действительно стояла в чугушке на печи сразу у входа из сеней в довольно тесную комнатёнку. Судя по размерам, она служила кухней, а за ней была ещё одна просторная комната с рядом продольных нар повдоль одной стены, топчаном на невысоких козлах у другой да небольшим столиком с парой табуреток посередине. Вот так крохотная внешне избушка внутри оказалась довольно объёмной. Афанасий, оглядевшись, удивлённо присвистнул:

– А заимка-то, кажись, артельная. Ну тем более помощь нам тут будет, Галя. Среди них всегда найдётся хоть

один врачеватель. – И успокоил её: – Не знахарь, не-е, а именно что врачеватель. Давай-ка сюда нашу девчонку, да пока ты с ней занимаешься, я дам хозяевам знать о себе. Ясно же, что они где-то рядом. Уха вон ещё тёплая, даже не тронутая.

Они осторожно занесли Анну и уложили на топчан у стены.

– Слава Богу, дышит красавица, – ласково приговаривая, искренне радовалась Галина, снимая с неё верхнюю одежду. – Ты бы вышел, Афанасий, пока я её осматривать буду. Я потом кликну.

И продолжила хлопотать около своей пациентки. Делала она это так заботливо, что на лице её спутника отразилась вдруг боль сострадания. Он очень хорошо знал причину этой её нежности.

Галина Петровна Панина ещё до войны потеряла дочь Светлану, которая погибла в авиакатастрофе в иркутской тайге. На борту того У-2 (или «кукурузника», как обычно его называли), кроме пилота, было ещё два члена топографической экспедиции: начальник и его помощница, дочь Галины Петровны, двадцати пяти лет от роду. Пилот и начальник каким-то чудом уцелели; их нашли через сутки и с множественными ушибами и переломами доставили в госпиталь Иркутска. Нашли и Светлану, но ей помощь уже не понадобилась, она погибла на месте. Горе утраты было так велико, что врачи едва спасли и саму Панину, страдающую хронической гипертонией. Прошло более года, прежде чем она узнала, что начальник её дочери был обвинён в умышленном вредительстве и, поскольку у него уже была похожая судимость, приговорён к десяти годам лагерей. Тогда она начала воистину героическую

борьбу за его оправдание (ведь только сам факт заступничества за осуждённого по такой статье мог обернуться ей не меньшим сроком) – и таки добилась пересмотра дела. И кто знает, может, это как раз её письма, письма матери жертвы той катастрофы во все судебные инстанции, вкупе с ходатайством местной власти, имеющей острую нужду в таком специалисте, повлияли на решение апелляционного суда. Как бы там ни было, но после трёх лет отсидки его оправдали. И не только освободили, но и восстановили в должности. Шёл тогда уже второй год войны. Тогда-то Галина Петровна, врач-педиатр с многолетним стажем, и попросилась в ту самую экспедицию на любую работу. Здесь, среди людей, с которыми её Светлана не один год делила тяготы таёжной жизни, Панина думала найти себе хоть какое-то забвение. Это был шанс убежать от шемящей душу тоски и одиночества. Надо ли говорить, что начальник с превеликой радостью воспринял эту просьбу и немедленно зачислил её в штат! Остаётся только добавить, что человеком этим был не кто иной, как Афанасий Сенцов. И теперь, глядя на то, какой трепетной заботой окружила Галина совершенно незнакомую девушку, память его в бессчётный раз высветила те последние страшные секунды их полёта; полные недоумения глаза Светланы от страшной болтанки самолёта (она даже не успела испугаться), матерный вскрик пилота, удар о верхушки деревьев и... И всё. И как всегда бывало в такие минуты памяти, шевельнулся внутри не оставлявший его все эти годы горький упрёк самому себе.

«Почему она, а не я? Ведь это было бы справедливее: я-то, хоть и не Бог весть как, но уже своё пожил, да и горевать было бы некому. Один, как перст. Кругом один.

Э-эх, судьба – индейка, жизнь – копейка, – печально вздохнул он. – Сколько уж лет прошло, а она всё так же безутешна по Светланке. Наверное, кажется ей сейчас, что со своей дочкой нянчится. Ну, хоть так-то душу отведёт – и то ладно. И всё же: почему не я?»

Афанасий вышел из избы, снял с плеча двустволку, чтобы выстрелом известить хозяев заимки о наличии гостей, но передумал и присел на лавку. Судя по времени, они должны вернуться с минуты на минуту, зачем же тратить патроны?

Прикрыв глаза, он погрузился в воспоминания и не заметил, как на противоположном краю поляны появилась белая лайка; из состояния задумчивости его вывел уже её призывный лай к замешкавшемуся в лесу хозяину. И как только он появился, собачка мелкой рысцой подбежала к Афанасию, безбоязненно обнюхала его и, видимо, убедившись в мирных намерениях, уселась рядом. Тогда и он, терпеливо переждав процедуру ознакомления, ласково погладил её и шагнул навстречу хозяину, неспешно пересекавшему поляну на лыжах. Лицо его, заросшее густой щетиной, с окладистой бородой и пышными усами, впридачу с нахлобученной почти до глаз огромной шапкой, представляло единое целое. Разве что шапка была чуть порыжее. Не то Карабас Барабас, не то пират, но всё равно из сказки. И Афанасий невольно улыбнулся, объединив его образ со сказочным образом всей заимки.

– Сенцов, – представился он «Карабасу». – Геолог. Тут неподалеку девчонку без сознания подобрали, так уж извиняй, что заявились к тебе без предупреждения. А ты – лесник?

– Лесник, – подтвердил мужчина. – Бялко Иван Сергеевич. А чё ж вы её тогда не к людям, на село?

– Побоялись, что не довезём, – схитрил Афанасий. – Совсем плохая она. А заимку вашу я раньше видел, ну и решил, что тут поближе будет.

– Правильно решил, – одобрил Бялко. – Шас я Светле паёк выдам и пойдём, покажешь. Айда, Светла, сюда.

– Можешь не торопиться. Там сейчас моя помощница обследует её, а как закончит, так и позовёт нас.

– Ну и так ладно. А сам-то хоть предполагаешь, что с ней стряслось?

– Это да, это примерно понимаю. Ты вот скажи мне, Иван, может ли быть так, чтобы человек попался стае волков, и они не тронули его? Да ещё аккурат на святки, а?

– На моей памяти не было, но от отца как-то слышал. Сказывал, что тогда, мол, всё зависит от волчицы, от её прихоти. Думаю, что так оно и есть. – Лесник снял лыжи, смахнул рукавицей налипший снег с полозьев и поставил их под небольшим навесом справа от избы. Туда же к миске позвал и лайку. Потом вернулся и не спросил, а вроде как развеял свои же сомнения: – Стало быть, это ты там стрелял? Я так и прикинул: наших-то охотников в округе вроде сейчас нет, а это прямо война целая.

– Там не я один стрелял, – пояснил Афанасий. – Там милиционеры ещё были, так тоже палили вовсю. В общем, Сергеевич, я тебе расскажу всё как есть, а уж ты решай, помогать нам или нет. Присядем?

Со стороны можно было подумать, что разговаривают двое давних знакомых, столь свободно и непринуждённо они обращались друг к другу. Ну, да это немудрено: в тайге люди безошибочно угадывают во встречном

родственную душу, и это был именно тот случай. Сенцов кратко пересказал о случившемся на пустоши и завершил вопросом:

– Теперь понимаешь, почему мы её сюда привезли?

– Не дурак, сообразил, – кивнул Иван.

– Ну, и? Что скажешь?

– А что тут говорить: сколько надо будет, столько и оставайтесь. Надо для начала выяснить, местная девка, нет ли; если так, то и сгонять за родными, если что. В такой ситуации родной человек лучше всякого лекарства. С волками-то человек не каждый день нос к носу встречается, так скорей всего это со страху да переживаний у неё. А твоя-то помощница, хоть и врач, но пилюлями много делу не поможешь. В общем, поглядеть бы надо сперва, может, и сам чем смогу помочь.

– Да и я сразу подумал, что лекарствами тут не обойдёшься. Самого не раз то буряты, то якуты спасали, поэтому и рассчитывал на заимке таёжного человека встретить. Таёжный человек, он с природой-матушкой в ладу, за то она и даёт ему мудрости. Природа и мудрость – понятия друг от друга неотделимые.

– Это ты хорошо сказал, – согласился лесник. – Заумно, но хорошо. Правда, один из наших артельных говорит, что, мол, это не природа, а Господь Бог даёт мудрость.

– А по мне, так и это одно и то же, – кивнул Сенцов. – Только природу я вижу, а Бога – нет. В смысле, Бога – не вижу. И есть ли Он, нет ли – до сих пор для себя решить не могу. Мне другое не даёт покоя, Иван: или кто спугнул волков? Но ведь больше ни одного следа: ни человека, ни зверя. А снег-то свежий. Всё как на ладони, и я бы уж точно приметил. Не впервой, поди, по тайге-то блукаю.

– Ну, мало ли что нет следа. Может, они от беркута драпанули? Вот как очнётся девка, у неё и спросим. На бобах-то что гадать будем.

– Твоя правда, – согласился Афанасий и, кивнув на заимку, круто переменял тему: – А этот теремок – твоя работа?

– Терем-то? – переспросил Иван и расплылся в доброй улыбке, при этом на его заросшей физиономии блеснули ровные белые зубы. – Не-ет. Это же артель квартирует тут, так есть среди мужиков чудик один; тот самый, про которого я только что сказал. О-о, такой, что хлебом не корми, дай что-нибудь из дерева повырезать. Как чуть свободная минута – тут же всяко и выкомурирует. Возьмёт простое полено, чуть поколдует, глядишь – уже кукла. Умелец – одно слово! В деревне вон если какую игрушку увидишь у ребёнка, так и знай, что его работа. Что любит детвору, то любит – этого не отнимешь, так бы и сидел день-деньской над игрушками. Даром что пять лет на зоне провёл, а вот, гляди-ка, не зачерствел мужик. Артельные-то в основном народ пришлый, суровый, от семьи, от детей отбившийся, так им это даже в диковинку. Ну и подтрунивают над ним, конечно.

– Я тоже знал одного такого искусника, – столь же по-доброму улыбнулся и Афанасий. – И тоже на зоне дело было.

– Сидел, значит? – оживился лесник. – Впрочем, что я спрашиваю: у нас, к примеру, на селе нет такой семьи, чтобы никто не сидел. Если не сам, то брат, сват или кум. Главное, сидят-то ни за понюшку табаку. Ну, было бы ворьё какое, а то ведь простые люди, деревня. Для плана, что ли, содят человека. Может быть, объяснишь,

а, Афанасий? (Вопрос «за что сидел?», как правило, прямо не задавался: с одной стороны – что спрашивать, если всех гребли под одну гребёнку, а с другой – вдруг да мужик как раз не из той когорты. Ещё и обидится. А надо будет, так сам расскажет).

– Ни за что у нас не сидят, – криво усмехнулся Сенцов. В интонациях его голоса чувствовалась горькая ирония. – О Беломорканале слышал что-нибудь?

– А как же! Стройка века.

– Ага, века! Ещё скажи – комсомольская ударная. Не было на канале и в помине никаких комсомольцев, Иван, строили его исключительно одни зэки. В том числе и я. Что обозначает это слово, знаешь, да? «Заключённые каналоармейцы» – это нас так называли. Оттуда пошло уже сокращённое З/К, то есть, зэк! Так вот, о том, кто за что сидел, тогда ходила такая байка: Спрашивают: «Кто строил левый берег канала?» – «Те, кто рассказывал политические анекдоты». – «А правый?» – «Правый – те, кто их слушал». – Вот видишь, как, – развёл руками Сенцов. – А ты говоришь, ни за понюшку табаку. Был бы человек, а причина, чтобы его посадить, всегда найдётся.

– Да-а уж, что найдётся, то найдётся, – согласился лесник. – Ну, а ты на каком берегу был?

– Так ведь это, Иван, без разницы. Скажем, вот за этот наш с тобой разговор, будь мы кем-то услышаны, по червончику было бы обеспечено. А кто из нас рассказчик, кто слушатель, так это даже неинтересно знать.

– Понял, – кивнул Бялко. – Но, слава Богу, с началом войны вроде как поутихло с этим. Прямо заметно стало, как намного свободнее люди вздохнули. А ты, Афанасий, это... – Он на мгновение заколебался, но всё же задал

вопрос, который теперь можно было задать бывшему сидельцу без боязни обидеть его. Ну, раз он уже сам об этом заикнулся. – Ты только там своё отбывал? Или ещё где был?

– На канале был мой первый срок. Я один из немногих, кто вырвался оттуда живым. Достаточно молодой ещё был, крепкий, ну и выдюжил. Хотя задача надзирателей состояла в том, чтобы за первые же три месяца высосать из зэка все силы, а потом в расход. Чудом избежал я Сандармоха – это урочище такое было недалеко от Медвежьей горы, где расстреливали зэков каждый день десятками. Такое чудо, что я до сих пор не могу в него поверить. Потом новый срок, который чалился уже под Архангельском.

– Вот-вот, – будто о чём-то догадался лесник. – Там ведь, на севере, я слышал, тоже, как и у нас, лагерь на лагере. Ты вот про искусника-то упомянул, дак не там ли встречал его?

– Ну, ты прямо провидец, – удивился Сенцов. – Там, да.

– Подробнее рассказать о нём можешь? – попросил Иван, всем своим видом выказывая готовность слушать.

– Отчего ж нет? Да, там я с этим умельцем и сидел, – задумчиво покачал головой Афанасий. Ему почему-то тоже захотелось непременно сейчас сказать о том человеке, и он вернулся к своей памяти: – В самый первый раз мы с ним на пересылке во Владимире встретились, а потом уж в лагере под Архангельском. Только поначалу то боком ему вышло это искусство. В том смысле, что карцер схлопотал за сокрытие «режущих и колющих» предметов. Нельзя было в зоне не то, что нож, любую железку иметь. Чуть что обнаружили – карцер. Ну, а надзиратель и слушать не стал, что ту игрушку он у костра

на лесоповале вырезал. Мне, мол, инструмент вынь да положи, а раз отказываешься, то и пеняй на себя. Оно и правда, зачем надзирателю мозги напрягать. Если, конечно, таковые имелись.

– А как его звали?

– Игнат. У него и кликуха-то подходящая была...

– Игнат, говоришь? – перебил Иван. Он как будто не поверил: – Ты сказал – Игнат?

– Ну да, – подтвердил Афанасий. – Я вижу, заинтересовал он тебя.

– Ты рассказывай, рассказывай, соображение одно у меня имеется. Ты его хорошо знал?

– Ну, не скажу, чтобы уж такими сильно близкими друзьями были, хотя у меня, да и у него, вроде бы ближе-то никого и не было. Но, как бы это половчее сказать... слишком по-разному мы жизнь оценивали. Не в лагере, а вообще – жизнь. Так уж случилось, что пару раз я его выручил, да-а: ситуация там была с урками, так оба раза я вовремя погодился и их окоротил. Ну, помог да и помог, чего тут такого, ни ближе, ни дальше от этого друг другу мы не стали. Но прошло время, и уже он отвёл от меня беду, да не просто беду, а спас от неминуемой смерти. Тогда я стал к нему прислушиваться. Главное, я на тот день уже на ногах едва стоял, причём не столько от голода, сколько от перенесённой «детской болезни», дизентерия называется. Она, окаянная, чуть не четверть лагеря скосила. – Афанасий покачал головой: – Ох, как шибко не хотелось умирать такой не геройской смертью. Тут-то Игнат и убедил «кума», что ему в столярке не обойтись без помощника и что лучшего столяра, чем я, во всём лагере не найти. Даром, что я в этом деле ни

ухом, ни рылом – простого рубанка никогда в руках не держал. Не знал, чем он от фуганка отличается. В общем, взял он меня исключительно на свой страх и риск. Сам-то я, наверное, и до столярки бы не дошёл, он доташил меня. Ну, а там уже пайка нормальная сделала своё дело. В общем, выправился я. В лагере ведь стабильная пайка – это самое главное. Да-а, – в голосе Сенцова сожаление, – всем хороший мужик был, но... Но больно уж судьбе покорный да набожный. На всё-то у него одно объяснение, на всё один ответ: так, мол, Богу угодно. Иной раз меня даже больше, чем злила эта его покорность: да что ж ты, думаю, на себе ездить позволяешь? Так бы, думаю, и вразумил тебя. Но... проходило время, и оказывалось, что каким-то образом ситуация оборачивалась в его пользу. Вот как сейчас помню: надзиратель ведь ему в тот первый раз ни за что, ни про что карцер «выписал»; вот просто на ровном месте, что даже весь барак недовольно загудел (кстати, для зэка это много значит, скажу я тебе!), а он улыбается смиренно да одно своё талдычит, что на всё, мол, воля Божья. Ну, что с него взять! – Афанасий хмыкнул и недоумённо пожал плечами: – Хотя и тут, если разобраться, метаморфоза произошла: ведь именно во время отсидки в карцере его и определили в столярку! Ну, дошло каким-то образом до начальника лагеря, что игрушки вырезает мужик да что, мол, чуть ли не художник по дереву. А у начальника трое ребятишек мал мала меньше, так он на второй уже вечер Игната вместо карцера – к себе домой. Ну, дальше всё понятно. После этого даже я засомневался: а вдруг да есть Бог на свете. Вон ведь как повернулось всё. Из того карцера обычно к праотцам сразу отправлялись, а этот,

наоборот, ожил. Столярку ему отвели прямо в зоне, да ещё и меня потом спас. Вот и думаю, что хорошо всё же таким верующим: всё-то у них, что ни случись, от Бога, и никаких тебе сомнений, переживаний! Оттого-то, наверное, и жить им проще, что не надо голову ломать. А как ты считаешь, Иван?

– Я-то? – очнулся тот. Рассказ явно захватил его. Он неопределённо обвёл рукой заимку: – Я-то думаю, что это он. Да уверен даже, что он!

– Кто – он? – на всякий случай огляделся по сторонам Сенцов. – Ты о ком это, Сергеевич?

– Об Игнате. Тот, который этот теремок выстроил. Он ведь тоже где-то на севере лямку тянул. Твоего друга как фамилия была? Бедарь? Чё молчишь, не помнишь?

– Так по фамилиям-то мы мало кого знали, – сконфуженно пожал плечами Сенцов. – Может быть, и Бедарь, но не поручусь. А что кличка «Кукольник» – это точно! Его, по-моему, больше никак и не звали. Ну, в лагере же хочешь не хочешь, а кликуху прилепят. С ней и живёшь. Так ты думаешь, это один и тот же человек?

– А что тут думать?! – возбуждённо вскочил с лавки лесник, что никак не вязалось с его суровым внешним видом. – Раз в такой он вере в Бога, то кому и быть, как не ему. Правильно: везде у него Бог. Над ним ещё и поэтому мужики тут подтрунивают.

– Ну, не знаю. И хорошо бы, конечно, если бы так, но... – Афанасий смолк. Он почему-то всё ещё не торопился разделить догадку лесника.

– Что – но? – поторопил Иван.

– Понимаешь, где-то через полгода всё переменялось, и Игнат ушёл по этапу. И этап тот был не куда-нибудь, а

на Повенец, то есть, туда, где я мотал свой первый срок. – Афанасий стал говорить медленно, словно вживаясь в каждое слово. – Ну, а потом от вертухаев узнали, что отправили Игната на Соловки. Тут вот что главное: на этап повели совсем небольшую группу зэков, в которой оказались только верующие, и в основном те, которые не скрывали своей веры и собирались у Кукольника. Но были и другие, которые это не афишировали, да разве в лагере что-то скроешь? Мы даже прознали про секретный указ о срочном формировании «троек» для тех зэков, кто в тридцать седьмом должен был выйти на свободу. (*Секретная шифровка НКВД от 5 августа 1937г. – В. П.*) Это касалось интеллигенции, бывших военных, попов и особенно тех верующих, которых относили к сектантам. И чтобы не создавать себе проблем в будущем, власть решила лишать «контриков» жизни на месте, и желательно сразу же после вынесения приговора. Ну, а приговор «тройки» был известен заранее и тоже ни для кого не был секретом. Вот тогда мы и поняли, что это их последний этап. Туда ведь разных верующих сгоняли: и христиан, и мусульман, и евреев – всех! А уж с Соловков если кто и возвращался, то только для того, чтобы быть расстрелянным в Сандармохе. Во всяком случае, довелось однажды услышать хвастовство пьяного энкаведешника, что, мол, с верующими там было покончено. Под корень, мол, вывели заразу. К сожалению, он не врал, так как чуть позднее мы на это получили достоверную информацию. Да-а, как говорится: «Что у трезвого на уме, то у пьяного на языке». Тогда я и понял, что нет больше Игната на этом свете. Был, да весь вышел, как говорят.

Вот так и получилось, что я, избежавший в своё время этого гиблого места, проводил туда человека, который спас мне жизнь. Такие вот дела, Сергеевич, – вздохнул Сенцов. – Поэтому вряд ли речь у нас об одном и том же человеке. К сожалению, с того света не возвращаются.

– Не тот, значит, – с явным сожалением согласился Иван. – Жалко, а то хорошая бы у вас встреча была.

– Ну, хорошей она бывает с любым, как только узнаешь, что в одних краях срок отбывали. Может быть, когда-то и с вашим Игнатом свидимся. А он про лагерь хоть что-то рассказывает?

– Нет, не любит вспоминать. Знаю только, что на севере сидел. Да ещё, что земляки мы с ним. С Украины. В двадцатых их тоже сюда переселили. Почему – сам знаешь.

– Да уж знаю, – иронично хмыкнул Сенцов. – Жили вы там больно богато, а этого делать нельзя.

– Ну да, богачей на богачее и богатым погоняли, – поддержал иронию лесник. – У нас аж целая корова была, как тут не раскулачить? То же самое было и у них. Только у них вроде бы ещё лошадёнка была, а это уж совсем бояре. Да, жалко будет если вам не встретиться, – повторил он с сожалением. – Артельные не скоро вернутся: пока промысел запрещён, они на лесозаготовках подрабатывают. А это вёрст пятьдесят с гаком будет. Вы-то сами как долго на базе своей стоять думаете? А то, может быть, и придумаем чего, а?

– Да обязательно придумаем, – заверил Сенцов и обернулся на скрип двери. – Вот и моя помощница, Галя Петровна. А это – Иван Сергеевич, хозяин заимки. Ну, как там наша подопечная? Очнулась?

Галя, поздоровавшись с лесником, отрицательно покачала головой.

– Мы можем зайти? – спросил Иван.

– Да, конечно. Вы уж извините, что я без спросу тут у вас тёплые одеяла взяла да укутала её. Озноб у неё сильный.

– Какой там спрос! Всё, что надо, бери и не волнуйся даже об этом. Всё путём, – скороговоркой пробормотал Бялко и шагнул в избу, но едва переступил порог той, другой, комнаты, как инстинктивно отшатнулся и в сильном волнении ухватил за рукав следовавшего за ним Афанасия.

– Мать честная! Так это же Аня! – невольно вырвалось у него. И, видя, что это ничего не говорит Сенцову, тихо пояснил: – Сношка Игната, о котором только что говорили.

Видимо, посчитав такое объяснение достаточным, он, осторожно ступая, приблизился к топчану, присел около и взял её за руку.

– Мужик-то её, Николай, на фронте, и мать совсем хвора; с кем же тогда ребёнок остался? – размышлял он вслух. – И причём тут милиция?

Он положил другую свою руку ей на лоб, и по мере того, как что-то выслушивал, лицо его всё больше мрачнело и приобретало оттенок печали. Затем он легонько приподнял ей веки и резко выпрямился:

– Галя, ты что о ней думаешь?

– Думаю, что воспаление лёгких.

– Ох, если бы только это, – покачал он головой. – Ну, да ладно. Побывать с Аней пару деньков сможете? А, Афанасий?

– Ему утром надо быть на базе, – ответила за него Галина, – но вы не беспокойтесь. Я от неё не отойду, пока не вернётся.

– А что ты надумал? – спросил Сенцов.

– Я прямо сейчас за Игнатом.

– На ночь-то глядя? Каких-нибудь полчаса – и темь уже.

– Я сначала в село. Попробую коня взять и раненько утром к артельным. Тогда к вечеру успеем вернуться. А нет, так на лыжах дойду, не привыкать. Тогда уж к ночи ждите. – Лесник торопливо прошёл в кухню, открыл дверцы резного шкафчика с ножками: – Галина, натереть Анютку барсучьим жиром сможешь? Не побрезгуешь? Тогда вот эта банка. Прямо сейчас натрёшь, потом утром. Вот здесь мёд. Постарайся попоить как-нибудь. Больше ничего не советую – сама знаешь, что делать. Уха на плите, всё остальное необходимое найдёте в лабазе. А я побежал.

Сенцов вышел вслед за ним:

– Может, мне с тобой пойти?

– Не-е, это нет. Темнеет уже, а в ночь тебе за мной не угнаться; не смотри, что я старше тебя. Ты на ощупь пойдёшь, а я каждый кустик с закрытыми глазами обойду. Да и за женщинами тебе присмотреть надо. – Иван грустно усмехнулся: – Гляди-ка, гадали, что придумать, чтобы с Игнатом встретиться, а придумка-то сама явилась. Значит, так надо было.

– Кому, Иван? Кому надо было?

Лесник помолчал, пожал плечами.

– Да кто его знает, – вздохнул неопределённо. – Но что надо, это точно. Светла, Светла, а ну, давай, вперёд. В село, в село дорогу кажи.

А Светле дважды и не надо повторять, она с первого раза всё поняла и, заливаясь радостным лаем, кинулась через поляну. Только завиточком хвоста на спине мелькнула – и тут же скрылась в сумраке леса.

– Кому-то надо, – пробормотал Сенцов в раздумье. – А кому? – И вдруг как-то очень ясно высветилась в памяти его последняя встреча с Игнатом: на следующий день тот уходил на этап. Их вполне себе сносной жизни за счёт столярки пришёл конец вместе со сменой начальника лагеря. То ли кому-то не понравились его не совсем жёсткие меры в отношении заключённых, то ли наоборот, но донос есть донос, и уже сам начальник был отправлен куда-то в Тьмутаракань, то бишь, пополнил ряды зэков. Подобное случалось не так уж и редко, поэтому никто даже особо-то и не удивился смене власти в лагере. Понятно, что с приходом нового начальника меры ужесточились, и первое, что тот сделал, отправил на этап более четверти заключённых. Детей у него не было, как не было и интереса к быту зэков, поэтому Кукольник оказался в первом же списке на этап. Долго тогда они беседовали, а напоследок Игнат сказал:

– Что-то подсказывает мне, Афанасий, что свидимся мы ещё на нашей грешной земле. Много мы говорили о Боге, но я не торопил тебя с покаянием, потому что в наших лагерных условиях каждый должен сделать выбор самостоятельно, без всякого влияния извне. Это чтобы потом не иметь соблазна обвинить в ошибке кого бы то ни было, если случится пересмотреть свои взгляды. А это – повторяю – в условиях лагеря может случиться с неокрепшим в вере человеком. Я был с тобой рядом и видел, что ты ищешь Бога, – подспудно, сам того ещё не понимая, но ищешь. Что-то мешает тебе в этом признаться, но я уверен, что в конце концов поймёшь и найдёшь Его. И теперь, когда я ухожу, одного хочу пожелать, и это пожелание из Библии: «Ищите Господа, когда можно

найти Его; призывайте Его, когда Он близко». Ты уже близко к Нему, так постарайся хотя бы не отдаляться. Ну, а когда ещё раз встретимся, – а мы не можем не встретиться, потому что это открыл мне Сам Бог! – нам будет что вспомнить.

На том и распрощались. Тогда в порыве искреннего чувства Сенцову показалось, что он, и правда, близок к Богу. Да нет, не показалось, он просто почувствовал это всем своим существом и готов уже был обратиться ко Христу, но удержал взявшийся откуда-то страх перед тем, что может случиться с ним в лагере. Тихой сапой прокралась в душу и остановила духовный порыв мелкая, трусливая мыслишка: «Что скажут зэки? Заклюют ведь! Одно дело – прийти в лагерь уже верующим, и совсем другое – «перековаться» в такового из уважаемых даже уголовниками политического заключённого». А авторитет Сенцов имел среди урок, и немалый! И не хватило какого-то полшага к покаянию. Ну, а последовавшие один за другим этапы, ещё более ужесточившийся режим лагерей и их суровая действительность очень скоро заглушили робкие ещё ростки веры. То есть, произошло именно то, о чём говорил Игнат. Немало поспособствовала этому уже сама весть о том, куда его этапировали.

«Нет, дорогой мой Кукольник, – качал головой Сенцов в минуты полного отчаянья, – не встретимся мы с тобой. Не то тебе открыл твой Бог, не то. Не открыл Он тебе, в какой земной ад тебя определяют. И если у меня получилось избежать тот ад, то, может быть, как раз потому, что верующим-то я не был? Тебе же его не избежать; ведь для того вас и свезли туда, чтобы уничтожить. Вас и вашу веру. Ну, а мне до Бога ли, когда гонят из одного

лагеря в другой, где надежда только на себя, и не дай-то Бог, – прости, что Его вспоминаю, – дать слабинку. Увидят это – что зэки, что вертухаи, – тогда уже точно не дожить мне до свободы. Гиблые наши места, и Богом они уж точно забытые. И нет никакой любви в наших душах, дорогой мой Игнат, и не может быть. Человек человеку – волк, такая тут заповедь, и никуда от неё не деться».

Так он и мыкался по лагерям, и никого, конечно, не искал, и не призывал. Да вот даже и сейчас, вроде бы и на воле, а того и гляди упекут куда-нибудь. Оттого-то ни семьи, ни даже близкого друга заводить не стал. Легче это, чтобы некому было жалеть, когда придёт пора уйти, да чтобы и самому не пришлось оплакивать кого-то. В общем, нет у бывшего зэка ни-ко-го. Афанасий услышал, как в избе чем-то сбрыкала Галина, и грустно улыбнулся: «Разве что вот Галя есть, потому что осталась такой же одинокой. Нет, не жена и даже не подруга жизни, а друг по несчастью. Своё самое дорогое, незабвенное она уже отплакала. Может быть, поэтому и понимает меня. И – ах! – как ни прискорбно, но гибель её доченьки, ещё один гнёт на сердце. Вышло так, будто я к этому горю руку приложил».

Он как-то даже сник от воспоминаний и присел на лавку, не обращая внимания на всё более крепчающий мороз.

«Нет, Игнат, не то тебе открыл твой Бог! – раскачиваясь всем телом, снова повторил, как заклинание, в уже сгустившуюся тьму. – Многим я обязан тебе за то спасение и много дал бы, чтобы хоть как-то отплатить за твоё добро, да вот – не судьба. К сожалению, не суждено

было сбыться твоему пророчеству о нашей встрече. А так-то... да, славно бы это было! Воистину славно, – грустно улыбнулся Сенцов, вспомнив любимые слова Игната, и вдруг встрепенулся в каком-то просветлённом порыве. Будто подслушал кто-то его тайное желание и подвёл к новой неожиданной мысли: – А почему я решил, что с ним не могло произойти чуда? А если лесник прав? Господи, – прошептал он вполне обыденно, ещё не совсем вникая в значение слова, – как же хотелось бы с ним повстречаться!»

И замер в нахлынувшем тут же приливе благоговения: показалось, кто-то неведомый одобрил, дал надежду, что исполнится желание, что да, мол, так и будет. Будто наяву ощутил он чью-то незримую поддержку и, боясь спугнуть это призрачное присутствие, в робкой надежде проверил свою догадку.

«Не значит ли это, что мы с ним свидимся? – спросил, обращаясь в пространство. И новая волна умиления, как отклик на надежду, окутала всё его существо, укрепила в мысли, что Кто-то слышит его. – Но тогда получается, что мы спасли сноху моего друга по зоне? – уже увереннее спрашивает он. – А Игнат, помнится, всё повторял, что если, мол, творишь добро кому-то, то это будет добро и Богу. Нет, как-то не так, но близко к этому. Постой, постой, дай вспомнить! Шас я, шас!»

И заторопился с памятью, желая как можно дольше удержать это ни с чем не сравнимое, никогда доселе не испытываемое им чувство.

Но как ни напругался, вспомнить не мог.

– Нет, – вздохнул сокрушённо и с грустью признался: – Вникать надо было в то, что он говорил, когда были рядом,

а не пытаться вспоминать теперь. Но, Господи, – запрокинув голову к угрюмо нависшим над землёй небесам, воззвал он к Богу (на этот раз уже вполне осознанно!) и в трепетном благоговении скрестил руки на груди, – если Ты сотворишь такое чудо – дашь нам встретиться, тогда, быть может, я пойму, зачем Ты задержал меня на этой земле, и пойду к Тебе в услужение...

Будто это и не он вовсе только что сетовал на ошибку Бога.

* * *

Барсучий жир и чай с мёдом, которым Галина Петровна всё же ухитрилась напоить Аню с ложечки, сделали своё дело. Девушка больше не стонала, её не душил кашель и даже щёчки порозовели. Сама Галина с невыразимой нежностью гладила её волосы, и стоило Анне пошевелиться, как тут же озабоченно поправляла и подтыкала со всех сторон одеяло, нашёптывая при этом что-то своё, сокровенное.

Неслышно ступая, в комнату на цыпочках прокрался и остановился за её спиной Афанасий. В неверном свете висевшей на стене семилинейки он не увидел, а скорее почувствовал какие-то изменения в Анне.

– Ну, как она? – спросил чуть слышно.

– Тс-с-с, – обернувшись, приложила Галина палец к губам, хоть надобности в таком предупреждении вовсе и не было. Затем, улыбаясь одними глазами, указала на Аню с таким видом, будто сообщает некую тайну: – Видишь, спит! – И тут же удивлённо вскинула брови: – А с тобой-то что, Афоня?

– А что со мной? – удивился и он.

– Да ты взгляни на себя! Ты же весь светишься, как красна девица под венцом! Что случилось? – Она действительно никогда ещё не видела такой одухотворённости на его лице.

Афанасий в задумчивости покачал головой.

– Ещё не знаю, Галя, – признался полушепотом, – но мне кажется, нас ждёт что-то необычайно важное, какой-то жизненный поворот. И даже наверняка ждёт! Я почему-то очень верю в это предчувствие, хотя ты ведь знаешь, что меня трудно заподозрить в сентиментальности. Ты можешь посмеяться, но...

– Я не буду смеяться, – взволнованно перебила она и добавила вполне серьёзно: – Не буду, потому что... такое же предчувствие и у меня. Не знаю, откуда и с чего оно взялось, но оно есть.

– Это началось со встречи с Аней, – уверенно сказал он.

– Да, именно так, – с жаром подхватила Галина. – Я так счастлива, что мы успели к ней.

– Для меня это тоже радость. Но тут ещё вот что, Галя: ты слышала что она сноха охотника Игната?

– Да, так сказал Иван Сергеевич.

– Так вот, радость моя будет вдвойне, если она окажется снохой того Игната, что был со мной в лагере. Я как-то рассказывал о нём. Помнишь?

– Тот, что спас тебя? Кукольник, кажется? Но ты говорил, что его нет в живых.

– Я так предполагал, потому что предположить другое... ну, просто невозможно. Во всяком случае, так должно быть по логике зэковской жизни. Ни один из

верующих живым с Соловков не возвращался – это такой же непреложный факт, как и то, что солнце всходит на востоке, а не на западе. Предположить другое – значит допустить, что в нашем мире возможны чудеса. То есть, поверить в чудо, а стало быть, поверить в Бога!

– Ты никогда раньше не говорил о Боге, – немного растерялась она и уточнила: – Так убеждённо не говорил. И вообще... всего час назад ты был таким, как я тебя всегда знала, а проводил лесника и вернулся совершенно другим!

– Иван посеял во мне сомнение в смерти Игната, и я вдруг поверил... а может быть, хочу верить, что он жив. Хочу, уже хотя бы потому, что он предсказывал нашу встречу, верил, что оба выживем в той мясорубке. Больше того, говорил, что это открыл ему Сам Бог! Я же, наоборот, не переставал корить Бога за то, что даёт человеку ложную надежду. Даёт её в виде сладкой обманки, чтобы отвлечь от дум о горькой реальности. Слишком долго я кормил себя этими укорами и не допускал на сей счёт никаких сомнений. Но вот стоило Ивану заронить их во мне, как они переросли в уверенность, что мой лагерный друг и местный охотник Игнат – одно и то же лицо. Я не верю в чудеса, но только что услышал... сердцем ли, душой ли, сказать не могу, но услышал. Потому что был голос. И – поверил. Это был ответ на мой вопрос к Богу. Ответ чёткий и ясный; он обозначился в моём сознании, я почувствовал его и чувствую и сейчас. Кажется, я понял логику сегодняшних событий, их неслучайность. Они будто запрограммированы: встреча с Анной должна была состояться, чтобы мы имели шанс увидеться с Игнатом. Встретиться и подарить ему вот эту нашу находку – Аню. Она его сноха.

– Афина-асий! – только и прошептала Галина в сильном волнении. – Вот это сюрприз так сюрприз!

– Да. Кстати, ей хоть немного получше?

– Ещё как получше! Смотри, смотри, как она ровно дышит. Слава Богу, это очень добрый знак.

– И Богу слава, и тебе благодарность будет от её родных, – улыбнулся Сенцов. – Ну, и особо от меня за твою жертвенность.

– Нет, Афанасий, я-то как раз тут ни при чём, – покачала она головой. – А вот Бог – при чём. Думаю, это Он послал ангела-хранителя, который её и от волков спас, и сейчас помогает с болезнью бороться. Болезнь у неё очень опасная, и леснику это сразу стало ясно; не зря ведь так заспешил за её свёкром. Только, наверное, и он не ожидал такого быстрого улучшения. Может быть, это и временная, но очень важная передышка, чтобы ей хоть в какой-то мере восстановиться. Ах, если бы и дальше так дело пошло. Мне очень хочется верить, что Бог сбережёт её.

– Ну, в это и мне хотелось бы верить. Поэтому будем надеяться на лучшее. Иван сказал, что для неё сейчас видеть рядом родного человека будет лучше всякого лекарства.

– Тоже верно, – согласилась Галина. – побыстрее бы они вернулись. – Она помолчала и, немного смущаясь, сказала: – Знаешь, никогда бы не осмелилась говорить с тобой о Боге, и это понятно. Я встречала бывших зэков, которых одно упоминание о Нём приводило в ярость. Если бы, мол, Бог был, то куда Он смотрел, когда нас изводили по лагерям, не считая за людей?! И мне казалось вполне оправданным, что после всех перенесённых

страданий ты так же далёк от Него, как и они. А ты совсем другой, и теперь у меня на душе стало легко. Если бы знала хоть одну молитву, обязательно бы помолилась Богу! Но я не только не знаю ни одной, а даже не слышала их. А ты, Афанасий? Ты ведь столько жил рядом с верующим человеком, неужели не слышал, как он молится?

– Слышал, конечно, – согласно кивнул Сенцов. – И, может быть, мог бы даже повторить что-то. Но Игнат говорил, что молитва – не заученный на память обязательный текст, а слова, идущие от сердца и обращённые прямо к Богу. Это как бы посвящение Бога в свои беды и просьба к Нему о помощи. Только надо вроде сначала заслужить у Бога прощение грехов, а уж потом молиться. – Тут он задумчиво потеревил подбородок: – Постой, а не наоборот ли? М-да, что-то не уверен. Всю память лагерями отшибло, однако. Давай-ка, лучше подождём, и будь он тот Игнат или не тот, с ним и помолимся. Ведь то, что он верующий, – это точно. Так говорит лесник. И – кто знает! – может быть, это будет последний шанс обратиться к Богу. Ведь Игнат желал мне найти Его. Подождём?

– Подождём. А я всегда знала, что Бог есть, хоть и боялась в этом признаться. И себе, и уж тем более людям. Только вот после доченьки как-то померкло всё, будто вымерло. А сегодня тут вот она, и... – голос Галины Петровны дрогнул: – И словно возродилась душа. Аня так похожа на Светланку. Господи, только бы она выжила. Дай ей здоровья, Господи.

Вот ведь как бывает. Сама того не ведая, Галина произнесла первую в своей жизни молитву и в ней же склонилась к Анне. Ласково поглаживая её, поправила

одеяло и, кажется, совсем забыла о Сенцове. Ну, а тот посчитал беседу законченной и, чтобы не нарушить обретенного ею душевного покоя, бесшумно устроился на нарах. В следующий же миг оттуда донеслось его лёгкое похрапывание. Для сна у ээка каждая минута – драгоценность, каждая на счету. А едва забрезжил рассвет, простился с Галиной, так и просидевшей около Анны всю ночь, и поспешил на базу, пообещав к вечеру обязательно вернуться.

* * *

День обещал стать морозным и ясным, о чём возвестили первые же лучи солнца, брызнувшие из-за верхушек деревьев и разукрасившие затейливыми узорами заледеневшее окно. Светло и уютно стало и в комнате. Галина сняла со стены лампу-семилинейку, задула фитиль и, похлопотав у подостывшей за ночь печки, вернулась к своему «дежурному» месту – табуретке между топчаном и столиком. Через минуту-другую весело затрещали дрова, загудело, запело в трубе на разные голоса, и пошло по всей хате живительное тепло. И от него да со временем и от приветных лучей всё выше поднимавшегося солнышка заплавилось льдистое оконце; засверкало оно, заискрилось радужными кристалликами, замельтешили в тревожной радости неугомонные солнечные зайчики по стенам и потолку, и – скок-поскок – заластились к Ане, заблуждали по её лицу. И, будто откликаясь на это уже полуденное приветствие, заиграла на её губах кроткая улыбка. Галина, не веря глазам своим, склонилась поближе к топчану, дескать, не привиделось ли? Нет, не привиделось: её подопечная

улыбалась! И будто гора с плеч свалилась: спало, наконец, напряжение ночи и наряду с удовлетворением ощутила она страшную усталость. Ещё раз поправив одеяло, стала всё чаще клевать носом, потом уронила голову на руки, да так и уснула за столиком.

...Аню же никак не отпускал тот памятный жаркий июльский день. Она сидит на берегу деревенского пруда и не сводит замороженных глаз со своих любимых цветов, кувшинок. Удивительно снежной белизны, с золотистой сердцевинкой на крупных, в форме сердечка ярко-зелёных листьях и чуть приподнятые над водой на своих упругих цветоносах, они то стоят неподвижно, то, повинувшись едва ощутимому подводному течению, начинают водить медленный хоровод, вбирая в себя лучи ласкового солнца. Оттого всё вокруг их играет-переливается слепящими глазами солнечными бликами, и нет для Ани места красивее и желаннее, чем это.

Пруд, конечно, притягивал к себе всех деревенских ребятишек, однако они опасались в нём не то, что плавать, а даже заходить в воду. А что до цветов, то они не особо привлекали не очень-то сентиментально настроенных детей. Да что там детвора, если и взрослые также предпочитали купаться чуть выше по речке, а на эту заводь лишь изредка приходили позагорать (бережок здесь более пологий и усеян гладкой мелкой галькой) да заодно кто рассказать, а кто послушать историй об этой «одолень-траве». Так называли в деревне изумительный по красоте водяной цветок; так называла его и бабушка Ани – самый старый человек в деревне. Истории эти передавались из рода в род, и из них явствовало, что живёт в этом пруду водяной со своей свитой и пуше глаза

стережёт цветок одолень-травы. А с водяным-то шутики плохи, ого! Ну, понятное дело: это ведь по сути тот же чёрт! Так что, сколь привлекательным кажется цветок, столь же коварен и сторож, укрывшийся под ним. Стоит зайти человеку в воду и приблизиться к этой желанной белоснежной красе, как запутается он в многолетних стеблях, уходящих на большую глубину, – и сгинет ценитель прекрасного в подводном царстве обрюзгшего, с бородой из зелёных водорослей старикашки. Правда то или нет, но смельчаков удостоверить в истинности поверья не находилось: рисковать жизнью ради цветка – кому надо? Тем более, что рвать его совершенно бессмысленно: сорванный, он мгновенно увядает.

В то же время высушенные листья и корни кувшинки, по тому же поверью, изгоняют нечистую силу и помогают в пути. Добывают их, когда мелеет пруд, высушивают, а перед дальней дорогой прячут на груди и произносят заговор: «Одолень-трава! Одолей ты злых людей; лихо бы про нас не думали, скверного не мыслили. Отгони ты чародея, ябедника. Одолень-трава! Одолей мне горы высокие, доли низкие, озёра синие, берега крутые, леса тёмные, пеньки и колоды. Спрячу я тебя, одолень-трава, у ретивого сердца, во всём пути и во всей дороженьке».

Заговор Аня знала наизусть, но приберегала его совсем не для пути-дороженьки, а чтобы отогнать водяного, когда наберётся, наконец, храбрости и зайдёт в воду. Ей только восемь лет, но часто она играм со сверстниками предпочитает вот это уединение. Здесь она может часами сидеть, наблюдая за цветами, доверяя им какие-то свои, одной ей ведомые, детские мечты. Ах, сколько раз она уже и ступала с бережка и, затаив дыхание, начинала

медленно двигаться к ближнему цветку, но как только вода доходила до колен, едва сдерживая визг, бросалась обратно и долго дрожала всем тельцем от пережитого страха. И не только перед водяным, а ещё и из-за боязни, что не подглядел ли кто. О, тогда уж попадёт от бабушки по первое число и дорога на пруд будет заказана.

«Всё, больше ни за что не полезу!» – повторяет она после очередной попытки, но уже на следующий день приходит снова: дескать, только посижу, посмотрю. Но как устоишь перед соблазном, если так и тянет к себе одолень-трава! И наступил день, когда всё же вдохновил её тот заговор на решительный шаг: «Иду я с тобою, одолень-трава, к океан-морю, к реке Иордан, где лежит бел-горюч камень Алатырь, – подбадривает она себя шёпотом и всё дальше заходит в воду. – Как он крепко лежит, оберегая нас, так ты убереги меня от злого водяного!»

Глядь, да и преодолела тот рубеж «до колена» и, стоя по пояс в воде, склонилась к цветку. Не для того, чтобы сорвать, нет! Только бы обласкать лепестки лёгким прикосновением! И в изумлении видит, что цветок-то... плывёт в пронзительной, лучезарной синеве неба и вокруг него на запятках белоснежных облаков скачут, мнутуются солнечные зайчики – так вот откуда эта их немыслимая белизна! В затаённом восторге вдыхает она исходящий от кувшинки тонкий, едва уловимый аромат, а руки уже сами по себе тянутся к цветку. И в тот же миг ощутила, как чьи-то осклизлые щупальца, извиваясь, охватили, опутали ноги и медленное течение потащило её на глубину. Всё глубже, глубже. Вот она уже по шею в воде. И вспомнились все страхи, какими её страшала бабушка, дескать, если послушаешься, то «утащут тебя кикиморы болотные

в царство водяного, превратят в русалку, и будешь ты плакальщицей на веки вечные!» Рванулась Аня назад, к берегу, а ног-то и не чувствует: корнями они уже напроць переплетены, а потому и не слушаются. И как ни пытается ослабить путы, чем энергичнее ни сбрасывает их с себя, тем плотнее сжимаются они, лишая движения и увлекая её в глубину пруда.

«Но где же Коля? – беспомощно оглядывается она на берег. Паника и... недоумение: она ведь знает, что он должен спасти её. Так было тогда, тем летом, почему же его нету до сих пор? И наконец догадалась: – Да ведь это во сне! Сон это мне. Надо только открыть глаза – и всё пройдёт».

И действительно проснулась, и первое, что видит, – те же мятущиеся солнечные блики над собой. Тщетно силится Аня отделить сон от яви: то ли это пруд перевернулся вверх дном, то ли она уже у водяного на дне пруда, что зайчики пляшут уже над ней, то ли чудится ей всё это ещё во сне! Медленно переводя взгляд с потолка на стены, увидела дремлющую за столиком незнакомую женщину, и тут же в памяти всплывает женский крик: «Гляди-ка, тут след волчий!» – И следом её мягкий, ласковый говор, последнее, что слышала Аня: «Будем, будем жить, красавица».

Значит, эта женщина её подобрала там, у дороги, и теперь ухаживает за ней? На дворе уже всю другую день, не тот, пасмурный с его страхами и отчаянием, а солнечный, с обещаниями светлой радости. Главное, грудь не теснит, как тогда, и даже некая лёгкость в душе. Но где она находится и сколько времени провела здесь? А эта её спасительница – кто она? Видать, немало повозилась с ней: вон как умаялась, что за столом уснула.

Вопросы один за другим роем проносятся в голове. Аня тревожно оглядывает незнакомую обстановку, и лицо её вновь озаряет улыбка: через дверной проём в другой комнате виден шкафчик, а она хорошо знает, кто мог изготовить такую красоту. Стало быть, она на заимке, где работает её свёкор. Года три назад она была здесь с Колей. Слава Богу, она не в милиции. Выходит, Господь не только освободил её от Никиты и уберёг от волчьей стаи, но ещё и послал вот эту женщину. А это значило одно: её молитвы дошли до Бога, и теперь, раз она на заимке у тяти (так называла она своего свёкра), то ей уже ничего не страшно.

Покой и даже радость от осознания безопасности на время заслонили собой другие вопросы. Возблагодарив Бога, она тихонько, чтобы не разбудить спящую спасительницу, откинула одеяло в намерении встать на колени и помолиться, но... дальше не смогла даже пошевелиться. То есть, руки она чувствовала, ноги – нет. Попыталась повернуться – и не смогла. В страшной догадке ушипнула себя за стёгна, за икры – тщетно: ног будто и не было. Догадка подтвердилась: Аня вспомнила, как отползала, помогая себе руками, когда её оставили волки. Значит, они отнялись у неё ещё там, на дороге! Ужас, смертный ужас медленно леденил душу и, заломив руки за голову, она стиснула зубы, чтобы сдержать рвущийся из груди стон. «Как же я теперь? Надо ведь за Матюшкой идти... Мама же там... Господи, что же теперь будет?»

И в отчаянии закаталась головой по подушке. Но каким бы сильным ни было отчаяние, тут же замерла и плотно сомкнула веки, увидев, как встrepенулась её спасительница. Оно, и правда, зачем отягощать сво-

им горем чужого человека? Может быть, у неё и своей скорби невпроворот.

А женщина сразу же кинулась поправлять сброшенное ею одеяло.

– Аня, детка, ты проснулась? Ты слышишь меня? Можешь ответить? – повторила несколько раз, не переставая гладить её руки.

Аня не отвечала. Не могла ответить. Столь неожиданно свалившаяся беда заполонила её существо, отторгла от реальности, сконцентрировала на одной-единственной мысли: «Что теперь будет?» И речь этой женщины вновь, как и там, у дороги, доносилась откуда-то издалека, и сами слова будто бы обращались вовсе не к ней. Она не пыталась вникнуть в суть вопросов и не воспринимала их, а лишь мысленно взывала к Богу: – «За что, Господи? Ты избавил меня от Никиты, сделал так, чтобы пошадил волчица; неужели это для того, чтобы пришёл такой конец! Кому я буду нужна... калека? Господи, почему я должна страдать за чьи-то козни?»

Она видела себя невинно пострадавшей, понесшей несправедливое наказание. Горечь, обида никогда ещё в жизни не овладевали ею с такой силой; казалось, весь мир стал чужим, враждебным. И в эту минуту душевной немощи вдруг отчётливо расслышала взволнованный шёпот женщины:

– Не допусти, Господи! Смилуйся!

И – всё. Больше ни слова. Только нежное, лёгкое прикосновение её рук. Аня чуть-чуть приоткрыла глаза и сквозь опущенные ресницы увидела, что её спасительница... плачет. И мгновенно залилась краской стыда: чужой ей человек просит Бога за неё, а она сама осмелилась

укорять Его! Не сказано ли в Писании: «Ибо то угодно Богу, если кто, помышляя о Боге, переносит скорби, страдая несправедливо. Ибо что за похвала, если вы терпите, когда вас бьют за проступки. Но если, делая добро и страдая, терпите, это угодно Богу».

И ещё больше ужаснулась, теперь уже от мысли, что позволила себе забыть отеческую заботу Господа! Ловко же дьявол обольстил жалостью к самой себе, что забыла главное: всем верующим в Господа «...дано ради Христа не только веровать в Него, но и страдать за Него»?

– Прости меня, Господи! – прошептала Аня и интуитивно прижалась щекой к руке Галины: – И вы меня простите!

– Что? Что ты сказала? – вздрогнула та от неожиданности. – Ты сказала: «простите»? Да? Но за что я должна простить тебя, детка?

– За то, что я вам доставила столько хлопот, – чуть отстранившись, тихо сказала Аня. Затем, приподнявшись на локоть, посмотрела ей прямо в глаза и уже яснее и отчётливее: – Скажите, вы ведь врач?

– Почему ты так решила?

– Мне кажется, что я это от кого-то услышала тогда. И потом: вы так ловко укутывали меня. Я это тоже сейчас вспомнила.

– В общем-то да, я – врач. Правда, теперь уже бывший врач-педиатр Галина Петровна Панина, – грустно усмехнулась Галина.

– Врачей бывших не бывает, – серьёзно сказала Аня. – Знаете, а это ведь Бог послал вас ко мне. Я просила, и Он послал. Я верю в это, а вы? Вы верите, что это Он? Вы верите в Бога?

В её голосе, интонациях слышалась лишь искренняя, утверждающая благодарность, то же Галина увидела и в её огромных, влажных от слёз глазах и, чуть поколебавшись, легонько сжала ей руку.

– Я не могу сказать, что я верующая, ну-у, предположим, как ты, – улыбнулась грустно и заботливо уложила Аню обратно на подушку. Опытный врач, Галина почувствовала ещё и тщательно скрываемые Аней физические страдания. – Я никогда не держала в руках Библию, не знаю даже, как она выглядит. Но в Бога верю, как же не верить. Да-а. Поэтому мы и успели к тебе. Ты лежи, сейчас мы с тобой примем лекарство, – не бойся, это лесник приготовил тут для тебя кое-что, – а потом обязательно расскажешь мне, что произошло там, на дороге. Главное, скажи, что это были за милиционеры, от которых ты отстала.

– А-а, значит, они ушли от волков? – оживлённо вскинулась Аня. – Ну, слава Богу!

– Ты так обрадовалась, будто они тебе друзья, – приготавливая чай, укоризненно покачала головой Галина. – Но если это так, то почему ты оказалась не в санях, а позади них? Куда вообще вы направлялись?

И сникла Аня тут же, припомнив все перипетии вчерашнего дня.

– Меня везли в город, – призналась тихо и уже безрадостно: – В милицию. Дескать, тогда мой тятя – он проповедник Слова Божьего – никуда не денется: обязательно приедет за мной, а они его тут и арестуют.

– Так ты у них вроде приманки, что ли? – всплеснула руками Галина. – Выходит, они тебя в заложники взяли!

– Выходит, так.

– Ну и ну!

– А перед тем, как появились волки, Никита согнал меня с саней, – продолжила Аня. – И это, несмотря на то, что второй-то, Кеша, заступался за меня. Так вы их видели, Галина Петровна?

– Нет, Аня, я их не видела. И слава Богу за то, что не видела такую гопоту. Позволить себе так издеваться над девушкой могут лишь самые последние негодяи! А ведь спаслись они только благодаря моему другу, Афанасию, напарнику по работе. Это он двух волков пристрелил. Ну, да ты его ещё увидишь, когда он вернётся. М-да-а, Афоня и так-то не сильно был доволен, что отвёл от них беду, а как узнает теперь, что и почему, будет жалеть ещё больше. Ладно, об остальном потом договорим, а сейчас давай выпьем вот это. Приподнимайся. Вот так.

Аня послушно выпила чай, но от ухи попыталась отказаться.

– Надо, детка, надо, – строго упредила эту попытку Галина. – Ешь, иначе ни о каком выздоровлении не может быть и речи.

И лишь когда Аня, поев, вновь откинулась на подушку, удовлетворённо констатировала:

– Вот это уже совсем другой коленкор. Теперь рассказывай дальше, что и как. Только подожди, я печку немного раскочегарю, чтобы потеплее стало. – Энергично пошуровав кочергой в поддувале, она подбросила дров и вернулась к топчану: – Да, совсем забыла: за отцом твоим (Игнат ведь твой свёкор?) ещё вчера ушёл лесник. Сказал, если случится достать в селе лошадь, то к ночи

будут назад. Так что, Анечка, хочешь не хочешь, а к его приходу мы тебя должны поставить на ноги.

Не подозревая о случившейся уже беде, сказала так, чтобы просто её ободрить, но увидев, как на глаза Ани навернулись слёзы, обеспокоилась:

– Что, Аня, где болит?

– Ноги, – как-то по-детски жалобно всхлипнула та. – Ноги отнялись. Ещё там, на дороге. Я их не чувствую и не могу встать.

– Ну-ка, ну-ка, я погляжу, – суетливо вскочила Галина, откинула одеяло и принялась массировать голени и ступни ног, иногда с силой заламывала ей пальцы. При этом не сводила с неё глаз, надеясь увидеть болевую реакцию. Но лицо девушки оставалось бесстрастным. Она не чувствовала боли.

И зашло от жалости сердце, заполонила душу токсичная безысходность. Теперь уже Галина готова была стонать от бессилия.

«Надо срочно везти её в больницу. Я ничего не могу... Может быть, Афанасий раньше их вернётся, так отвезём, а то до ночи больно уж далеко. Да хоть бы кто-нибудь появился. Ах, ты, Гос... – И замерла на слове, потом выдохнула с надеждой: – Господи. Конечно! Господи, помоги!»

Аня с тревогой наблюдала за ней, потом как-то очень спокойно сказала:

– Я всё поняла, Галина Петровна. Скажите, это навсегда? Я больше не смогу ходить?

– Ну, что ты, что ты, – испуганно замахала та руками, осознав, что выдала себя своим видом, и, взяв девушку за руки, жалобно зачастила, как будто это ей, а не Ане, нужна

помощь. – Я просто переживаю, что лесник с Игнатом вернутся очень поздно, понимаешь? А мне хотелось бы побыстрее показать тебя специалисту. Лишь он может определить, что с твоими ножками, и поставить диагноз. И чем раньше мы отвезём тебя к такому врачу, тем лучше.

– Ни к кому меня не надо везти, – тихо обронила Аня. – Этот Врач и сейчас со мной.

– Но я всего лишь педиатр, Анечка, – растерялась Галина, приняв её слова на свой счёт. Но тут же поняла, что речь идёт о чём-то (или о ком-то) другом и, непонятно, почему, оробела: – Подожди, ты это... ты сейчас о ком? – спросила, чуть заикаясь. – Кто этот врач?

– Иисус Христос. Он всегда со мной, со всеми теми, кто верит в Него. Он знает и исцеляет наши немощи, и если мне суждено выздороветь, то это может произойти только по Его воле. Потому что Иисус не только о нашем земном здоровье заботится; тому, кто верит в Него, Он дарит Своё спасение и жизнь вечную. Всё в Его руках!

Аня произнесла это с такой убеждённой уверенностью, что стало совершенно ясно: она ни на секунду не сомневается в том, что говорит.

– Ну да, ну да, конечно, я понимаю, – пробормотала Галина, хотя как раз не совсем представляла себе, что можно сделать без помощи врача. Да ещё обрести какую-то вечную жизнь. И оттого ещё больше растерялась. Что это за жизнь? Уж не та ли загробная, что высмеивается всеми, кому не лень, а не только атеистами. Тогда почему же эта полуживая девочка так надеется на Иисуса? Откуда в ней столько веры в Него? Ни тени сомнения! Значит ли это, что она знает то, о чём сама Галина даже не догадывается?

И страстно вдруг захотелось вот так же, как Аня, без промедления и оглядки довериться Христу, быть зависимой от Его воли и знать, что Он может спасти и тебя. Спасти. Но от чего? Смутно Галина догадывалась о каком-то религиозном таинстве, о связи человека с Богом, и совсем кстати сейчас вспомнила о том, что вчера говорил Афанасий. Да, всё правильно: он говорил о прощении грехов, только и сам не мог толком объяснить, что за чем следует: сначала просьба о спасении, потом прощение, или наоборот. Так это или не так, но она тут же связала эти два понятия. Иисус может спасти от грехов! Это должно стать результатом любого из вариантов.

– Аня, какое спасение ты имеешь в виду? И что должен сделать человек, чтобы Иисус подарил ему спасение?

– Нужно покаяться в грехах, Галина Петровна, и просить Иисуса войти в своё сердце.

– Да, но для этого надо идти в церковь или хотя бы иметь в доме икону? А что делать нам, тем, кто живёт и работает в тайге? Ведь у нас не всегда есть даже крыша над головой.

– Идти в церковь вовсе необязательно, потому что мы молимся Богу живому, а не рукотворному изображению из дерева. Господь вездесущ и услышит кающегося человека даже в самой глухой тайге. Вы можете прямо сейчас обратиться к Нему с вашей просьбой, и Он ответит.

– Обо мне речь пойдёт потом, Анечка. Мне сейчас гораздо важнее, чтобы Бог поспособствовал леснику с твоим свёкром побыстрее добраться сюда. Попроси Его, детка, помолись Богу, тебе это очень нужно. Правда.

– Именно это я и делаю, Галина Петровна. Я непрерывно прошу Бога проявить милость. И не только ко мне. Помолитесь и вы со мной.

– Я попробую. Только я ведь никогда не молилась и отчего-то сильно волнуюсь. Но как смогу, буду повторять за тобой.

– Так это и будет молитвой, – слабо улыбнулась Аня, прикрыла глаза и сложила перед лицом ладони «домиком».

«Отец Небесный, вот мы перед Тобой, – слышался её шёпот. – Ты видишь наши немощи... услышь меня, рабу Твою... Не оставь нас ради милости Твоей...»

Галина, услышав такое обыденное, чисто житейское обращение к Богу (а не те торжественные, возвышенные слова, какими, по её мнению, должно было молиться), сначала даже немного смутилась: это вроде бы умаляло величие Господа, низводило Его в ранг простого собеседника. Но постепенно слова эти, простые и доходчивые, отыскивали путь к самым потаённым задворкам души, и зародилась в ней новая волна благоговения, наполнила её трепетным смирением и побудила к покаянию. Будто живым откликом на призыв распахнулась душа в желании принять необъятную любовь Христову. В необычайном волнении Галина скользнула на колени с табуретки и, склонив голову, со слезами на глазах стала повторять за Аней её непритязательную мольбу к Богу. И настал тот миг, когда она незаметно для себя обратилась к Нему уже со своей личной просьбой помиловать и её. Слёзы буквально градом катились по её щекам.

«Помилуй, помилуй и меня, Господи, – прерывисто сквозь всхлипы повторяла Галина, – прости меня, грешную! Помилуй и прими к Себе!»

«Ты всё можешь, Господи, прими её!» – в том же смирении вторила Аня и гладила волосы кающейся Галины.

Теперь они как бы поменялись ролями, и уже она оказалась в качестве утешительницы.

Эта радость за покаяние едва знакомого человека так захватила Анну, что она забыла о собственной боли и переживаниях. Даже о первопричине их молитвы забыла.

Забыла об этом, похоже, и Галина Петровна. Так, взявши за руки друг друга, они в благостном молчании прислушивались каждая к себе, буквально отрешившись от мирской суеты. И немудрено, ведь обе только что пережили незабываемые минуты: одна – покаяния, другая – причастность к рождению свыше новой сестры во Христе.

– Аня, у меня такое чувство, будто я искупалась в чистом горном роднике после долгого утомительного пути по пыльной, ухабистой дороге, – произнесла наконец Галина. – Это так благословенно! Откуда это?

– Это потому что вы заново родились, – улыбнулась та и, увидев несколько смущённую реакцию, торопливо пояснила: – Благословение – вот то, что снизошло на вас – это Иисус освятил вас Своим Духом Святым! Это и называется рождением свыше, и об этом говорит самый важный стих Библии. Когда придёт тятя, он обязательно расскажет об этом подробнее и лучше меня. Ой, да хоть бы он, и правда, побыстрее пришёл...

Тут Аня осеклась:

– Вы ничего не слышите?

– Я? Нет, – Галина также замерла, напрягая слух. – Постой, постой, кажется, собака лает... Так и есть! Господи, неужели это лесник вернулся!

В изумлении и даже растерянности обе переглянулись: столь скорого ответа они никак не ожидали. А отдалён-

ный, вначале едва слышный лай быстро приближался. Всё ещё не веря в такую удачу, Галя кинулась к окошку, и развеялись последние сомнения; аккурат в этот момент из лесу выбежала Светла и встала посреди поляны, поджидая хозяев. А через минуту-другую в избу вошёл Иван в сопровождении гостя, пожилого мужчины выше среднего роста, крепкого телосложения и с такой же окладистой бородой, как и у лесника. Галина сразу подметила, что чем-то ещё, кроме бороды, они были неуловимо похожи. Уже потом поняла, что это был живой, пыливый взгляд, способный в один миг оценить человека.

Гость обменялся с Галиной рукопожатием и, быстро скинув полушубок, шагнул в комнату. Её же лесник придержал, кивком позвал на улицу, и уже там несколько запоздало представил гостя.

– Галя, это и есть Игнат, – сказал доверительно. – Пусть они побудут вдвоём. Я уже как-то говорил, что встреча с родным человеком лучше всякого лекарства. Мы с ним едва не разминулись: он – в село с деляны, а я – туда к нему из села. И вот так удачно встретились на полдороге, потому так рано и прибыли. А Афанасий, вижу, ещё не обернулся, нет? Жалко. Ну, не время ещё, не время. Подождём. Я ему гостя привёл, Галя, какого он и не чаял в этой жизни встретить. Подтвердилась моя догадка, подтвердилась. – И, скользнув взглядом по её лицу, спросил:

– А ты тоже, смотрю, чему-то рада: хорошие вести об Аняте?

– Нет, – помрачнела Галина, – просто я рада, что вы так скоро вернулись. У Ани отнялись ноги, её надо срочно госпитализировать.

– Этого я и боялся. Она рассказала тебе, что произошло?

– Успела только сказать, что её арестовали из-за свёкра и везли в город. Иван Сергеевич, надо торопиться. Здесь мы ничем не сможем помочь.

– А вот торопиться как раз и не стоит. Во-первых, мы сами с усами, как говорят в народе, а во-вторых, – тут Иван как-то загадочно улыбнулся: – во-вторых, у этих верующих есть свой Врач. Поверь мне, уж я-то их знаю.

– Я тоже узнала об этом, – кивнула Галина. – Только что.

– Тогда пойдём-ка к ним. Наверное, уже отмолились.

* * *

Игнат, и правда, как раз закончил молитву, встал с колен и присел на краешек топчана. Судя по его опечаленному виду, Анна уже поведала о своей о беде с ногами. Завидев вошедших, он кивком головы пригласил их и пододвинул Галине табуретку. Иван Сергеевич остался стоять, подперев головой и руками дверную притолоку.

– Ну, теперь расскажи, доченька, как это случилось, – ласково сказал Бедарь. – Да постарайся ничего не упускать, всё по порядку чтобы. Это важно. Значит, утром явился Торопов... так?

– Да. С милиционером, – продолжила Аня. – Молодой парень, Кешей зовут. Он мне добрым показался. А Никиты тогда с ними ещё не было.

Прикрыв глаза, она сначала сбивчиво, потом всё внятнее, стараясь не упустить ни одной подробности, рассказала о вчерашнем дне с раннего утра до той,

полной трагизма встречи на пустоши: о своей молитве отчаяния, и последовавшем за ней необъяснимом благо-родстве волчицы, и чудесном избавлении от её клыков. Какой силы был стресс, испытанный Аней при этой встрече, стало понятно даже сейчас: она дрожала всем телом, в горле то и дело перехватывало, и тогда голос сдавленно прерывался и слабел до шёпота.

– Это Бог внушил ей жалость ко мне и отвёл неминуемую беду, – в абсолютной тишине подытожила Аня. – Ведь я просила Его ради сыночка моего Матвеюшки. А что было потом, уже Галина Петровна расскажет.

В комнате повисла долгая, удивительно благостная пауза. Каждый представлял себе эту страшную картину безмолвного и, казалось, обречённого поединка человека со зверем. Даже лесник подался весь вперёд и, изумлённо покачивая головой, повторял чуть слышно: «Ну и ну!»

Слышно было лишь, как, догорая, потрескивают последние подброшенные в печку дрова.

Игнат медленно опустился на колени, но, прежде чем начать молиться, обвёл глазами комнату, как бы приглашая всех присоединиться к нему. И чудной музыкой полилась его молитва к Богу: «Благословен Господь, ибо Он услышал голос молений моих. Господь – крепость моя и щит мой; на Него уповало сердце моё, и Он помог мне, и возрадовалось сердце моё; и я прославлю Его песней моей.

Движимая той же неведомой силой, что и в молитве с Аней, Галина с первыми же словами опустилась рядом с ним, страстно повторяя каждое слово. Лесник же неловко откашлялся в кулак, пробормотал невнятно о

каком-то неотложном деле и, скрипнув дверью, вышел. Игнат, закрыв лицо руками и чуть покачиваясь, непрерывно благодарил Бога за спасение дочери, говорил, как беспокойно было на душе последние дни и Господь устроил так, что он не разминуся с Иваном Сергеевичем. Все трое были так увлечены молитвой, что не обратили внимания на то, что дверь скрипнула снова. Видать, забыл что-то мужик. А может быть, передумал? Во всяком случае, слышно было, как он замер на кухне, потом, робко потоптавшись, с тяжёлым вздохом прошёл в комнату и встал на колени за спиной Бедаря.

– Аминь! – заключил Игнат молитву и, обернувшись, чтобы спросить лесника, замер. Лесника не было. Глазами, полными слёз, восторга, радости, ликования на него смотрел... его лагерный друг!

– Сенцов! – шёпотом воскликнул Бедарь. – Афанасий, брат ты мой дорогой! Значит, всё-таки это ты! – И так, не поднимаясь с колен, они и обнялись. – И думал я, и надеялся, и просил Бога, чтобы было так, когда Иван рассказал, что встретил человека с Беломорканала, а вот поди ж ты, сомневался! – Они присели у стола. – Сомневался не в том, что встретимся, а что так скоро это произойдёт. Ведь до меня дошли слухи, что тебе вроде как червонец добавили в тридцать седьмом. Как же ты выжил?

– Нет, уж это ты сперва поведай, как тебе удалось смерть обхитрить, – качал головой Сенцов. – Ведь ты вернулся из тех наших особо грустных краёв, откуда не возвращаются.

– Расскажу, Афанасий, обязательно расскажу. Но сначала позволь мне поблагодарить тебя и твою спутницу – не знаю, кем она доводится тебе, – за Аню, дочку

мою. – Игнат поклонился Галине, прижав руку к груди. – Спасибо вам, Галя.

Та лишь смущённо улыбнулась, точно так же сложив руки, зато за обоих ответил Сенцов:

– Ты уже отблагодарил, дорогой Игнат, и её, и меня. Только что, вот этой своей молитвой отблагодарил. Я ведь после того, как Иван упомянул о тебе, тоже не находил себе места и ждал этой встречи. Тоже сомневался, – он, не он, – да вспоминал тот последний день в лагере и твоё напутствие.

– Неужели помнишь? – искренне удивился Игнат.

– Помню. «Ищите Бога, когда Его легко найти!» Ведь так? Но врать не буду, не искал я Его, нет. Почему? Долго рассказывать. Не осуждаешь?

– Нет, – качнул головой Бедарь. – Ни тогда не осуждал, ни тем более, сейчас. Это был твой путь, твой выбор.

– Мой. Поэтому теперь и виню себя. Вон ведь как вчера всё в душе всколыхнулось от разговора с Иваном. Будто наяву ту нашу жизнь увидел и пережил заново. И показалось вдруг, что нашёл я Бога наконец. Такое чувство было, будто говорил Он со мной, и радость души испытал я необыкновенную. И жалко теперь, что столь долг оказался путь к Нему.

– Вижу, трудно дались тебе эти годы, – обнял его за плечи Игнат.

– Трудно – не то слово. Ну, да тебе не меньше моего известно, каково бывает зэку, будь он с Богом или без Него, – грустно улыбнулся Сенцов. – Но кто бы что ни говорил, а не бывает худа без добра. Нам выпал шанс, который в наше время редко кому выпадает, – шанс увидеться с дорогим тебе человеком после лагерного рас-

ставания. Особенно если он уходит в никуда. А именно в эту сторону ты ушёл и каким-то чудом возвратился. Смотри-ка, нашлись ведь мы! Поэтому хотел бы поблагодарить Бога за нашу встречу, помолиться, но не силён в молитве. Ты уж помоги мне, друг ты мой сердечный, помолись, а я всё услышу, всё запомню, и что Бог повелит, то и сделаю. Я ещё вчера зарок дал, что если свидимся с тобой – пойду к Нему в услужение.

– Тятя, – тут же подала голос Анна, – я не успела сказать, что мы с Галиной Петровной тоже молились, и Христос коснулся её сердца. Мы тебя ждали...

– Вот видишь, как, – неожиданно разволновался Афанасий, голос его задрожал, и он уже совсем сбивчиво заторопился: – Опередила... Мы это... решили с ней, как, мол, ты объявишься... ну, ты или какой другой Игнат... В общем, верующий лишь бы... так и обратимся к Богу. То есть, это... мы хотели бы покаяться или... А она уже...

Афанасий не договорил, закрыл лицо руками и вновь скользнул на пол, чуть слышно повторяя: «Вот оно как! Славлю Тебя, Господи!»

Тут же с другой стороны стола в смиренном молчании припала на колени и Галина, и лишь подрагивающие плечи свидетельствовали о её обращении ко Христу. Для неё это было уже второе покаяние за день.

Игнат, встав между ними, подождал, когда оба затихнут, и, возложив руки на каждого, в благоговейной молитве возвысил голос за двух грешников. Праздничным светлым ручейком журчало Божье Слово, исполняя души смирением и радостью.

Как уже и предположила Галина, ни Игнат, ни Иван Сергеевич даже не думали о больнице. Во-первых, просто-напросто не доверяли медицине, а во-вторых, лесник пообещал «поднять» Аню лекарствами, изготовленными самой природой («без всякой химии, понимаешь!»). А в больницу, мол, везти – это только беду множить. При этом туманно выразился, что вот, мол, только выберу время и отвезу Аню к своей родственнице, которая «и не таких на ноги ставила». В этом его поддержал и Афанасий. Что до самой Анны, то она, как и свёкор, полностью возложила свои заботы на Бога. Галина всё больше поражалась их безоговорочному доверию Богу и особенно мужеству, с каким молодая девушка встретила свою обездвиженность. Единственным переживанием её были мысли о матери и сыночке, и Игнат решил следующим же утром идти в Ключи, чтобы забрать Матюшку. Потом, конечно, заглянуть в Брагино, чтобы повидаться с матерью: старушка давно и тяжело болела, и надежда была лишь на то, что за ней присмотрит семья Торопова. Правда, Лида, жена Ильи, и без того за ней ухаживает, но попросить надо. И насчёт ареста, как своего, так и невестки, потолковать бы с Ильёй. Дело в том, что никакого посыльного ни с какой религиозной литературой Игнат не ждал, ничего никому не заказывал, и вполне представлял себе, каким способом в милиции добыты на него показания. Но они сильно ошибались, если думали, что этим запугают Бедаря. Реакция его была как раз противоположной: если такой посыльный до сих пор в руках охраны (наверняка, молодой и неопытный; «расколоть старика» у них редко когда выходит), то надо попытаться его освободить, хотя

на взгляд любого обывателя это могло бы показаться безумной авантюрой. (Кто же в здравом уме и доброй памяти рискнёт «разбираться» с милицией, да ещё в чём-то обвинять её! Ясно, что лишь человек небольшого ума!) Да, так мог подумать любой, только не сам Игнат. Тёртый калач, не раз ставивший в тупик следствие – и не одно! – по своим делам, он не сомневался, что и на сей раз следователи в стремлении получить на него нужные показания наделали кучу глупостей и нестыковок, которые всплывут при первой же проверке фактов. Надо только добиться этой проверки. Но в том-то и весь фокус, что они будут вынуждены это сделать, если он приедет в городское управление. Заодно ответят за обвинение сына в дезертирстве. В том, что это либо ошибка, либо навет, Бедарь также был больше чем уверен: своего сына он знал. Но сначала надо увидеть Илью Семёновича и с его помощью заручиться поддержкой капитана Тарасова из районной управы. Сомнений в том, что они не дадут его в обиду, не было: вот же и Анна рассказала, как защищал её Илья и как подло обманул Никита своего родного дядю. Ещё и поэтому Игнат считал себя обязанным ехать в милицию: очень хотелось взглянуть в глаза бывшему своему прихожанину и постараться понять, можно ли его ещё спасти от полного порабощения сатаной. Когда-то, прикинувшись овечкой, Букин посещал их собрания, да только целью его оказались не проповеди, а сам Игнат, проповедник, на которого он в итоге и донёс. Это могло произойти гораздо раньше, если бы не удерживал Букина его нездоровый интерес (на любовь он не был способен) к одной из прихожанок. То есть, вот как раз к Анне. Но как только понял,

что девушка предпочла ему сына проповедника, тут же «настучал куда надо», подтвердив расхожую народную поговорку, что «от любви до ненависти – один шаг». Где теперь гарантия, что он точно так же «не настучит» и на Торопова? Сам всегда готовый на подлость, Букин и других меряет той же меркой: раз, мол, Илья застал его за пьянкой в служебное время, значит, непременно «стукнет» начальству, чтобы выслужиться. По-другому такие люди и не мыслят. И что они делают в таких случаях? Правильно, просто упреждают предполагаемый «стукоток» собственным доносом, и вся недолга. А уж там куда кривая вывезет. Так вот, если ещё не успел так сподличать Никита, хорошо бы увидеть его. Сам-то Илья не допустит себе такой мысли о племяннике.

– В общем, улажу здесь все дела и подамся в город, – поделился этими планами Бедарь под конец беседы. – И чем раньше, тем лучше.

– Слу-ушай, Игнат, – чему-то обрадовался Афанасий. – А ведь я с тобой поеду! Мы скоро перебазируемся с Казыра ближе к Тайшету – туда утвердили проект трассы Абакан – Тайшет, – так к нам на днях техника прибудет. Вот я с тобой на машине и проскочу в город. И свои дела улажу, и тебе сподручнее будет. А, как ты на это?

– Да совсем неплохо было бы, – улыбнулся Игнат. – А Галина?

– Пусть подольше побудет с Аней. Она прямо ожила рядом с твоей невесткой. А в дороге я расскажу подробнее о ней. Давай так: ждешь меня здесь, если закончишь дела раньше. А я подожду, если прибудет раньше техника. Короче, никуда друг без друга. Идёт?

– Ну, хоть я и не люблю загадывать, но – идёт!

– Значит, поедешь? – спросил молчавший до этого лесник. Лицо его выражало явное недовольство.

– Поеду, Иван Сергеевич. А ты, вижу, что-то хочешь сказать?

– Хочу. Выходит, сам хочешь надеть петлю на шею, – продолжил Иван всё так же неодобрительно. – Подожди, может, оно всё само утихнет как-то. Время сейчас такое, что у милиции и без тебя дел хватает. Глядишь – и забудут. Зачем же судьбу испытывать, торопить её? И что значит: «пробовать спасти Никиту»? Этой пробы на нём уже негде ставить: подлец, он и в Африке подлец, и никак ты его не перекуёшь. Да он ни в Бога, ни в чёрта не верит. Придумал тоже спасти! Кого спасать?

– Никиту, – спокойно сказал Игнат. – Никиту. Христос пришёл на нашу землю, чтобы спасти гибнувших в тенетах сатаны, и мы, верующие в Него, должны до последнего стараться уберечь их от рокового шага.

– Ага, старайся. Вот он тебя во второй раз упекёт за решётку, тогда, может быть, поумнеешь. Вон невестка твоя по его милости обезножила, о ней и заботься, а не об этом уроде. Со многим я согласен, когда ты о Боге говоришь, – милости там всякие, то да сё, но чтобы прощать злодеев... – лесник сердито блеснул глазами: – Ну, тут уж извини, нет тут моего понимания. Мне и слышать-то о нём противно.

И даже отвернулся, как бы желая показать эту степень отвращения.

Тем не менее до полуночи просидели в разговорах лесник и бывшие лагерники, и несть числа было их воспоминаниям. Чутко прислушивалась к ним и Галина, ни

на шаг не отходившая от своей пациентки. Аня также пыталась поначалу следить за ходом беседы, но быстро забылась в явном умиротворении и уснула. И сон её, видимо, был уже не столь тяжёлым, поскольку с лица не сходила едва уловимая, лёгкая улыбка.

– Доброго сна тебе, моя девочка, – шептала Галина, вкладывая всю нерастраченную любовь в свою первую после покаяния молитву. Молитву, идущую из самого сердца, искреннюю своим участием. – Пусть Иисус излечит тебя и будет с тобой всю твою жизнь! Ты заслужила это!

Постепенно и она всё больше отвлекалась от беседы мужчин (сказывалась бессонная ночь), и вскоре до её сознания стали доноситься лишь обрывки фраз, потом их говор и вовсе перешёл в монотонный гул, едва слышимый и слаженно сливавшийся с равномерным гудением пылающей печки с раскалённой докрасна плитой.

А наутро, проведив мужчин, она осталась одна со своей Аней да снадобьями и инструкциями по их применению от лесника Бялко. Сам Иван Сергеевич чуть позже, но также спозаранку ушёл со Светлой по своим лесным делам. Таков уж привычный распорядок у дозорного тайги.

– Ну, хозяйничай тут да приглядывай за девкой, – обернулся он уже у порога. – Вдруг да встанет, как Игнат с мальцом воротится. Ну, встанет не встанет, а полегчать-то ей должно обязательно. Так что жди до вечера.

Но ни этим вечером, ни следующим Бедарь не вернулся. Зато уже на второй день дважды приезжал Сенцов на полуторке. Не застав и во второй раз Игната, он помолился с Галиной и Аней и, наскоро переговорив с Бялко, отбыл на базу. Вообще видно было, что дел у него

невпроворот, и лесник был в курсе, что время поджигало его: через три дня экспедиция перебирается на новое место, и он, может быть, в последний раз заедет сюда. Теперь уже только за тем, чтобы взять с собой Галину Петровну. К тому, мол, времени уж наверняка Игнат объявится. Не век же ему по деревьям шастать.

Пришёл Игнат лишь на третий день, когда Бялко уже собрался на его поиски и задержался только потому, что на заимке появилась уже хорошо знакомая читателю Ефросинья Ивановна в сопровождении своей внучки. Хорошо знакомой, и даже близкой роднёй оказалась она и леснику (вот уж правду говорил Букин, что «там каждый каждому если не брат, то кум или сват»), и как раз тем человеком, к которому он собирался отвезти Аню. И вот надо же: тут она, собственной персоной! Сама прикатила! Подкатили они в санях со стороны речки по широкой просеке прямо к заимке, как приезжал на своей полуторке и Сенцов.

– На ловца и зверь бежит, – не скрывая радости по очереди обнял Иван старушку и её внучку. – Не забыла, значит, ещё дорогу к нам? А ведь я и сам к тебе собирался.

И стоило ей лишь заикнуться о цели своего визита, как тут же повёл их в дом. А где-то через час появился наконец-то и Игнат. Выглядел он очень уставшим, и судя по выражению лица, не всё прошло у него гладко. Присутствие Ефросиньи на заимке, похоже, не сильно удивило его, но вполне очевидно взбодрило. В грустной улыбке он развёл руками и, приветливо поздоровавшись со всеми, подошёл к ней.

– Хорошо, что вы с нами в этот день, – произнёс со вздохом. И стало ясно: произошло что-то непоправимое. – Мне будет нужна ваша помощь.

Ивановна, предчувствуя беду, захватила рот рукой:

– Что-то стряслось, Игнат Николаевич?

– Вы поможете мне в молитве, дорогая сестра. Пойдёмте.

Взяв её за руку, он прошёл с ней к Ане, и оба встали на колени.

– Аня, доченька, прости, что я так надолго оставил тебя, – с печалью в голосе начал он. – Но мне пришлось исполнять свой долг, последний долг перед твоей матерью. Да, Аня, она ушла к Господу. Ушла тихо, без ропота, как и жила. Бог так усмотрел, чтобы я успел проводить её к Нему, и мы должны быть благодарны Ему за это.

Аня безмолвно глядела в потолок широко открытыми глазами и едва заметно в горестном отрицании качала головой. Потом также безмолвно заплакала, по-детски размазывая слёзы казанками пальцев, и Ивановна, сама не переставая всхлипывать, принялась утирать платочком её щёки.

Галина также преклонила колени и с болью смотрела на бедную девушку. Сердце её готово было разорваться от жалости. Такому юному существу столько страданий за столь короткий промежуток времени!

– Беда не ходит одна, – словно подслушав её, вздохнул лесник.

– Да, эта печаль для нас, для тех, кто остаётся на земле, – отозвался Игнат. – Но мы должны помнить, что для матери Ани это уход в светлую, долгожданную и желанную вечность со Христом. Утешься, доченька, ибо сказано: «Праведник умирает, и никто не принимает этого к сердцу; и мужи благочестивые восхищаются с земли, и никто не помыслит, что праведник забирается

от зла. Он отходит к миру. Ходящие прямым путём будут покоиться на ложах своих». Твоя мама сейчас уже покоится на этом «своём ложе», ложе Авраама, на злчных пажитях нашего Господа, и видит нас, склонённых пред её памятью. Будем ждать встречи с ней и пожелаем, чтобы встреча эта произошла в Его обителях. – Игнат встал и, склонившись, поцеловал Аню. – Ну, а пока мы ещё здесь, то как только ты поправишься, поедем на её могилку. Матюшку я пока оставил у Тороповых, они и подсобили мне в похоронах. Только вот самого Илью арестовали по навету Никиты.

– Мы уже знаем это, тятя, – прошептала Аня. – Его увезли в город.

– Вот как, – разогнулся он и сразу же взглянул на Ивановну. – Так, может быть, у вас ещё что-то есть сообщить, чего я не знаю?

И не ошибся. Оставив около Ани Галину, все трое пошли в кухню, где старушка торопливо поведала о том, что произошло с её неожиданными гостями, Кешей и Никитой.

– Я слышала, Игнат Николаевич, что ты засобирался в ту милицию, – закончила она, – так, может быть, оно и не надо, а? Никиту Бог прибрал в дом этих, как их... психичецких. Гришка дак вобще его дурдомом обозвал.

– Какой Гришка?

– Ну, братец мой, Попов, тот, что Иннокентия в город повёз.

– Ах, Попов, ну как же, знаю его. Из районной милиции, кажется?

– Ну да, в ней и работает. Вот он и говорит, что, мол, как Кеша там правду-то всю обскажет, так и освободят Илью Семёновича.

– Да, его бы устами да мёд пить, – усмехнулся Игнат.
– Плохо ваш Григорий знает те порядки, хоть и работает при них. Вот так сразу там ничего не бывает. Но это очень поможет делу, если с умом сейчас за это взяться. Ну, что ж, выходит, теперь я не один, а это уже бо-ольшой плюс.

– Ты-то чем поможешь, Игнат Николаевич? Зачем тебе-то на рожон лезть? Посодят ведь опять.

– Волков бояться – в лес не ходить, дорогая Ефросинья Ивановна. – Пока что нет у них ничего, за что можно было бы меня сажать. И против Ильи – ничего. Как только завтра в районе похоронные бумаги оформлю, так и подамся туда.

– Ты обещал подождать Афанасия, – напомнил Иван.
– Он, кстати, вчера два раза был. Сказал, через три дня они уходят отсюда.

– Да, это уже хуже, – явно огорчился Бедарь. – Я рассчитывал, что Галина подольше пробудет тут. Ну, пока найду, где и с кем Аню оставить.

– Ая? – с укором, даже немного с обидой дотронулась до его плеча Ивановна. – Я-то на что? Кого ты собрался искать, если я тут, и нами уже всё обговорено. И с Галиной, и с Аней. Только вот про маму-то её ишо не знали, а так всё обговорено. Вот так втроём и поедем, а то вдруг да мужики артелью объявятся – куда ж им тогда деваться?

– Ну, это-то правда, – немного растерялся Игнат, – да ловко ли это вам будет, Ивановна? – И кивнул в окно, за которым её внучка резвилась со Светлой. – У вас и так есть за кем ухаживать. Может быть, кого посвободней поищем?

– И-и, гляди-ка, нашёл отговорку: посвободней, – напустила на себя строгий вид Ефросинья. – Ишо скажи,

помоложе. Я ж поди на ногах. И слушать никого не хочу, чичас же и забираю Аню. У Ивана, вон, возьму, что он припас от хвори, и поедем. Так ведь, Ваня?

– Так, – подтвердил лесник. – Только Афанасия подождать бы надо да с машиной её отправить. Если получится, как обещал, то будет он с минуты на минуту. На машине-то оно ловчее.

– Не-не-не, – замахала она руками, – какая тебе машина, если нам быстря надо. Через час-другой уж стемнеет.

– Так на машине и будет быстрее, – не сдержал улыбки Бедарь.

– Ага, скажи кому-нибудь другому, – снисходительно, с некой даже иронией хмыкнула она. – На ней как раз и доедешь, держи карман шире. Да она на первом же повороте сломается. – И тоном, не допускающим возражений, заторопила всех: – Давай, Ваня, мне свои причиндалы, а ты, Галя, собирай Анютку. А я пойду Вальку звать, да сани готовить. – И шагнула из избы, ворчливо приговаривая: – Знаем мы эти машины. Видели.

Откуда у старушки такая критическая осведомлённость о технике, ни один из присутствующих не знал, но и перечить ей не стал никто.

– Ладно, – сдался Бедарь, – твоя взяла, Ефросинья Ивановна. – Но в таком разе я вас до села провожу.

– Нет, Игнат, – сказал лесник. – Ты жди Афанасия, он скоро будет. Это мы со Светлой их до самого дома проводим. Так-то оно надёжней.

После недолгих сборов Бедарь помолился, и сани, сопровождаемые лесником и его собачкой, тронулись в обратный путь. Словно понимая печальный настрой

всей компании, Светла, не ластясь и не забегая, как обычно, вперёд, мелко трусила рядом.

Мнение Ивановны о полуторке несколько изменилось после того, как Сенцов на следующий же день привёз к ней из Ключей сыночка Анны, да ещё и помог Игнату решить все вопросы в районе. И всё это за какие-то считанные часы. На лошади со столькими-то делами за весь бы день не управиться, а они уже в обед отправились в город.

– Будем молиться с Аней, чтобы вернуться вам сегодня, – проводила старушка их до ворот, как и привыкла провожать всех. Не скрывая любопытства, подождала, пока Афанасий завёл машину, а когда полуторка с рёвом рванулась с места, выбросив из-под колёс снежную пыль, недовольно отмахнулась рукой, дескать, ишь падеру каку развёл, чисто дьявол! И долго ещё неодобрительно качала головой вслед.

Диковинкой машина была не только для неё, но и для местной детворы, небольшой ватагой бежавшей за ней до самой окраины.

* * *

– **В**сё хотел тебя спросить, Игнат, – ловко славировав на очередном крутом повороте дороги, нарушил долгое молчание Сенцов, и мельком взглянул на попутчика. – Или ты всё ещё не здесь? Никак о лагере вспомнил?

– Здесь я, Афанасий, здесь. Но ты прав, снова лагерь привиделся. Знаешь, пока тебя не встретил, как-то реже он приходил на ум, а теперь, что ни свободная минута – тут он как тут.

– Точно. И со мной такая же петрушка происходит. Видать, на всю оставшуюся жизнь это нам. Если по новой не посадят. Вот только тогда, наверное, старое и забудется.

– Клин клином, хочешь сказать? – грустно усмехнулся Бедарь.

– Ну да. Не иначе. В печёнках он у меня засел, не выковырять.

– Теперь легче будет. Не сразу, конечно, но выковырнёшь, ведь ты покался пред Богом, значит, Он разделит с тобой все твои проблемы. У Бога и ищи на то утешения. А спросить-то что хотел?

– Да вопрос-то мой как раз к месту. Помнишь, лесник об опасности тебя предупредил? Ну, чтобы ты с петлёй на шею не спешил?

– Помню. Хороший он мужик, добрый.

– Добрый, да. Но почему же ты не прислушался к нему. А ведь сегодня почти то же самое тебе сказал капитан Тарасов, хотя по всем параметрам он-то добрым не должен быть. И что больше всего меня удивляет, жалеет тебя; предупредил вон, что может статься с тобой, если сунешься к этому Легойде.

– Он как раз неплохо отозвался о Легойде.

– Ну да. Только в сравнении, мол, с другими. Я всё это к тому, что теперь многое изменилось, о чём ты сам рассказал мне. Имею в виду такие подробности о «подвигах» Никиты, от которых у другого волосы бы дыбом на голове встали. Да? И после этого всё ещё хочешь спастись его?

– Если успею, Афанасий, если успею. Похоже, он уже сгубил себя и Господь лишил его разума...

– Успею – не успею: что гадать, если мы едем в ту управу, которая посылала этого хлюста арестовать тебя? Они-то да, они страшно будут рады, что ты сам к ним явишься. А что если Бог не лишил его разума и он, вот как приедем, подтвердит свои слова? Скажи: разве этому может быть прощение? Сколько же можно такому человеку прощать?

– Если речь идёт об отношениях между людьми, то я тебе отвечу словами из Библии. «Если же согрешит против тебя брат твой, выговори ему; и если покается, прости ему; и если семь раз в день согрешит против тебя и семь раз в день обратится и скажет: «Каюсь», – прости ему». Понимаешь теперь? Человека можно и должно прощать, если он грешит против человека и кается. Писание говорит, что «всякий грех и хула простятся людям, а хула на Духа Святого не простится людям».

– То есть, если Никита обратится к тебе, ты простишь?

– Да, если это будет искренним раскаянием. Оно ещё не покаяние, но верный шаг к нему. Покаяние будет перед Богом, когда Господь откроет человеку глаза на грех, и тот почувствует свою нужду в спасении. Вот как почувствовали это вы с Галиной. Всем сердцем, всей душой. Тогда и Бог простит его. В этом смысл Божьего спасения.

– М-да-а, не скажу, чтобы всё понял, – невесело протянул Афанасий, и вновь, уже в который раз за эту дорогу, наступило неловкое молчание. Мысли, обгоняя одна другую, теснились в голове Сенцова: и хотелось согласиться с кажущимся таким простым объяснением, и в то же время в душе подспудно вызревал протест. Ну, как же так? Эдак можно пакостить налево и направо,

тут же извиняться, если приспичит, и – нате, вам! – тут уже и прощение готово?

– Ничего, ничего, – успокоил Игнат, догадавшись, что происходит с его другом. – Начнёшь читать Библию, всё поймёшь. Быстрее и лучше.

– У тебя она есть? – оживился Афанасий. – Помню, в лагере у тебя тетрадка рукописная была. Её ещё, помню, конфисковали, а потом чудесным образом она вернулась. Шу-уму было, помнишь?

– Как же забудешь, когда это целая история была, – разулыбался и Бедарь. – Всё же случались нам иногда счастливые моменты. А этот я как сейчас помню.

– Да уж, такое не забудешь, – с улыбкой поддакнул и Сенцов.

И снова замолчали, но теперь уже каждый перебирая в памяти детали того неординарного события.

А случилось вот что. Удача, наконец-то, улыбнулась старшему оперу, капитану Савватею Шеину, по прозвищу Сова. Прозвали его так не только по созвучию с именем, но и за то, что любил иногда орудовать по ночам. Ему, например, ничего не стоило поднять барак среди ночи, чтобы провести какой-нибудь шмон. И причина всегда находилась веская, типа: поступил сигнал (от эжков, конечно!) о наличии в бараке холодного оружия. Дескать, пронёс кто-то из мастерских несколько отточенных полотен. Или был замечен перекид на зону с воли какого-то предмета, и тот должен быть здесь. Но больше всего он охотился за религиозной литературой, в чём, правда, терпел одну неудачу за другой. Ну, не выставляли верующие напоказ своё чтиво, а, наоборот, надёжно прятали. И вот очередной шмон, причём не вечером,

как обычно, а днём, в пустом бараке (если кто и был не на работе, тех выгнали во двор) увенчался успехом: из матрасовки Кукольника извлечён был крамольный манускрипт – Новый Завет (все четыре Евангелия, но без Деяний апостолов), записанный убористым почерком и уместившийся в небольшой тетради.

Понятно, что дальнейшие поиски тут же прекратились, и Савва сломя голову помчался к «куму», майору Фёдору Делягину.

– Ну и молодца, Савва, ну и молодца, – похвалил тот подчинённого за усердие, повертел тетрадку в руках и, не читая, сунул её в верхний ящик стола. – До вечера Кукольника не трогать, а сразу после работы ко мне, – распорядился строго. – И ни в коем случае не давай ему в барак зайти.

– Дык понятное дело, – козырнул Шеин.

– Всё, свободен, – разрешил майор. – Но повертись пока мал-мал в коридоре, вдруг да понадобится. – И сообщил, доверительно понизив голос: – Ко мне шас в гости сам Егор Шматко пожалует, усёк? Понимаешь теперь, как к месту ты мне эту улику представил.

– Дык я и старался, – сдержанно улыбнулся опер. С этой улыбкой и вышел. А уже в коридоре дал волю чувствам; подпрыгнул, как козёл, и, не скрывая ликования, потряс перед собой кулаками. Вот вроде бы и повода особого не было, а поди ж ты – прямо счастье мужику!

Сова давно метил к Делягину в заместители и хорошо знал, чем ему угодить. Ну, это для начала в замы, конечно, а там... Ах, ну вы же знаете, как судьба человека во власти непредсказуема! Сегодня ты – на коне, а завтра,

глядишь, и в бороне. От пригожей мысли Шеин даже глаза вверху закатил. Кроме всего прочего, он был хорошо осведомлён об отношениях между «кумом» и начальником лагеря – отношениях, мягко говоря, натянутых, что сказывалось и на всей атмосфере в зоне. Она была просто нервной: и опера, и охрана следили не только за заключёнными, но и друг за другом. Впрочем, так было всегда в тех лагерях, где «в товарищах согласия нет».

Ревностно следили друг за другом и «кум» с Егором Шматко. Поэтому к приходу последнего на столе Делягина, на самой его середине, лежал раскрытый томик В. И. Ленина «Шаг вперёд, два шага назад» с аккуратно подчёркнутыми красным карандашом абзацами. Сие творение должно было показать, какой верный ленинец есть майор. Но если бы кто подумал, что он скрупулёзно изучает труды вождя, то сильно бы ошибся. За всю жизнь майор не смог осилить и двух строчек, и про себя называл это хоть и не очень благозвучным, но весьма нравившимся ему словом «белиберда».

И как же кстати оказалась в его руках эта тетрадка Кукольника. Пожалуй, это самое важное приобретение на сегодня. Ни для кого в лагере не было секретом, что начальник делает поблажки этому столяру, мастеру по изготовлению игрушек, и даже защищает его от вполне, как считает майор, «обоснованных» подозрений. Ну, что ж, пока что «кум» проигрывал в этом споре и, скрепя сердце, мирился с таким положением вещей, поскольку явных доказательств хоть какой-то вины этого баптиста, и правда, не было. Но теперь-то улика – вот она!

Делягин достал тетрадку из ящичка и эдак любовно огладил её, в радостном предвкушении реванша потирая

руки. Посмотрим, мол, как на это теперь отреагирует начальник; как запляшет, как запоёт! Вот теперь-то уж подберусь к нему по-сурьёзному. А для начала сгною его Кукольника – как пить дать сгною. Он у меня из БУРа не вылезет.

На этом его благостные мысли прервал неожиданно громкий топот в коридоре и последовавший за ним стук в дверь; будто вор, застигнутый врасплох, майор машинально сунул тетрадь в томик пролетарского вождя, захлопнул его и вскочил со стула.

Тут же в кабинете появился взволнованный Савватей:
– Товарищ майор... это... Шматко послал за вами. Срочно, мол.

– Как, за мной? – опешил Делягин. – Он же... – и, скрипнув зубами, сплюнул: – А, чёрт, семь пятниц на неделе! – Потом сообразил, что выглядит несолидно, разозлился: – Ну и что? Это повод, как оглашенному, врываться в кабинет, что ли? Подумаешь, новость. Я уж думал, побег какой, а это Егор свой форс решил показать. Ладно, иди, скажи, шас буду.

И так же машинально поставил книгу на этажерку в ряд к другим изданиям Ленина, попутно пожалев, что в раскрытом виде её не довелось показать. Но и на этажерке книги гляделись, и, несмотря на испорченное настроение, он залюбовался ими: дескать, вид-то каков, а! Конфискат у одного какого-то учёного (тьфу, ты, у врага, у врага народа!) в одинаковых красных переплётках, с тиснёнными золотом буквами на корешках, они были гордостью майора и всегда поднимали его дух. Вот и сейчас он поправил амуницию перед зеркалом на стене (чтобы ни одной складочки на гимнастёрке: какое

бы отношение ни было к Егору, но он – начальство!), запер кабинет на ключ и направился в дальний конец коридора, где располагалась приёмная Шматко.

Разговор затянулся надолго и получился не очень приятным для обеих сторон. Впрочем, внешне выглядело всё более или менее пристойно. Под конец Егор деликатно отказался от приглашения поприсутствовать на допросе Бедаря по поводу обнаруженной рукописи.

– Ну, если что-то обнаружили и доказательства в ваших руках, тогда зачем вам я? – усмехнулся он. – А если их нету, тем более.

И всё с той же усмешкой развёл руками: делайте, мол, что хотите, да только не забудьте потом мне доложить.

«Вот мы и захотим, – так же, только про себя, усмехнулся и Деягин. – Сделаем и доложим. И ведь чует Егорушка, чем пахнет, а всё одно пыжится. Но скоро спесь-то слетит с тебя, очень скоро!»

С такой обнадеживающей для себя мыслью и вернулся в кабинет, аккуратно когда Савва привёл туда ничего ещё не подозревавшего Бедаря.

– Что, ломаешь голову, зачем тебя привели ко мне? – как обычно, начал майор и лениво потянулся в кресле. – А сказки твои послушать, понял? Ну, давай, какие сегодня будешь нам рассказывать?

– Сказки о чём вы хотели бы послушать, гражданин начальник?

– Да обо всём, – хохотнул «кум». – О Боге, например. Это ж любимая твоя сказка, так ведь? Только сперва расскажи, где прячешь рукопись Нового Завета или как он там называется? Сам его переписывал или как? Или кто?

И так и впился глазами в зэка, ожидая уловить испуг или хотя бы намёк на замешательство, но лицо того оставалось безучастным.

– Ну, это и правда сказка, – пожал он плечами. – Не знаю, зачем вам она. У меня нет и не было никакого Завета: ни Нового, ни Старого.

– Так-таки и не было? – укоризненно качает головой Делягин. Если бы у майора не было тетради, он бы тут же наорал на Игната, чтобы застрашать его, а может быть, и избил. Но тетрадь была, и он видел себя мудрым следователем (как в кино, что смотрел недавно), у которого что ни слово, то убийственно в цель – и разоблачённому преступнику ничего не остаётся, как признаться. И всё это тихо, без суеты. Поэтому улыбается «кум» и, медленно открывая ящик стола, шарит в нём рукой.

– Ни того, ни другого, говоришь? А вот мы шас и проверим... – склоняется ниже и начинает перебирать бумаги. – Мы шас... – суетливо захлопывает один ящичек, открывает другой. – Шас мы... – И наконец рычит, аки лев: – Что за чертовщина!

В растерянности кидается к этажерке – единственному предмету мебели, кроме необходимых стола, кресла и стульев, – выдвигает книги, переставляет их и снова задвигает – нету тетради!

Нет, трудно быть мудрым и вдумчивым следователем. Да и зачем?

– Савва! – орёт уже в полный голос майор, стуча по стенке, а когда тот появляется, спрашивает уже без всякой конспирации, но чуть потише: – Ты тетрадь Кукольника приносил? – И, поскольку Шеин в недоумении тарашит глаза, сам же отвечает: – Приносил. Может, я тебе её

назад отдал? Нет? Тогда где ж она? Не слышал, кто-нибудь заходил без меня в кабинет?

– Дык не знаю. Я же вон за ним мотался, – испуганно бормочет Сова и смотрит на Игната, как бы призывая его подтвердить. И вдруг вспомнил: – Да вы ж её в ящик положили! Вон в тот, справа. Разрешите, я поищу?

– Я что, сам не в состоянии? – снова рычит «кум». – Нету тут ничего, понимаешь?

– Не-а, не понимаю. Куда ж она могла деться? – крутит головой опер и боязливо предлагает: – Может быть, это... в этажерке посмотреть?

– Ага, – злорадно осклабился майор, – в этажерке! Как это я сразу не догадался, что тетрадь своими ногами из стола туда перебралась! Шёл бы ты, Савва, куда подальше со своими советами. Смотрел я уже там.

– Может быть, отпустите меня, гражданин начальник, – напомнил о себе Игнат. – А как найдёте, что ищете, долго ли позвать. А то я на ужин опоздаю. – И улыбнулся виновато: – А то без ужина, сами же понимаете.

– А то, а то, – передразнил майор, долго и тупо глядя на зэка и что-то соображая. Сообразил и устало опустился в кресло: – Ужин ему подавай, ишь ты. Я бы тебе не то, что ужин, вообще жрать бы не давал. Пусть бы тебя твой Бог кормил. А чё, попроси Его, а? – И снова озабочился, и задвигал ящичками: – Чёрт, куда ж я этот Завет засунул? Ладно, иди, раз уж так вышло. Только наперво скажи, как же ты теперь без тетради-то мозги будешь пудрить своим лаптёжникам, а? Я ведь её всё равно найду, потому как у меня она; а вот ты помучайся, когда не найдёшь её в своём матрасе. Она ведь там была?

– Не могу понять, о чём вы, гражданин начальник.

– Всё ты понимаешь, пророк недорезанный, – вскочил майор, по привычке хватаясь за кобуру, но в последнюю секунду остыл и сел: – Пшёл вон! Иди и скажи спасибо, что я сегодня добрый.

– Спасибо, гражданин начальник за то, что вы такой добрый! – с едва заметной усмешкой кивнул Игнат и уже у двери обернулся: – И доброму Савватею Палычу спасибо. Да всем начальникам нашим спасибо за заботу.

– Ну, поязви, поязви, – пробубнил «кум» ему вслед, – ты у меня ещё доиграешься. Не век твоему попечителю покрывать тебя. – И вдруг застыл от внезапно торкнувшейся на ум догадки: – Постой, постой! Слышь, Шеин, ты не заметил, не брал я тот чёртов талмуд с собой к Шматку? Ну, когда шёл к нему?

– Ну дык, – как всегда, начал было переминающийся с ноги на ногу опер, но тоже задумался: – Да вроде бы...

– Ну! Рожай быстрее! Была она со мной?

– Вроде как была, – неуверенно закончил тот. – А вроде и нет. – И с готовностью вытянулся в струнку: – Узнать?

– Я те узнаю, – злобно прошипел «кум». – Ты чего, белены объелся? Так он тебе и сказал. Да он тогда нас с тобой обоих под статью подведёт: типа, шантажируют его ложными подозрениями. В пыль сотрёт. Не-ет, такой козырь я ему не дам; пусть сам с ней, как с писаной торбой, мается, а мы делаем вид, что всё в ажуре. Ни-че-го не было. Поговорили, мол, по душам с его любимчиком и отпустили. И выжидаем, понял?

– Понял, – шёлкнул каблуками Сова. – Выжидаем. А с Кукольником?

– Тоже ничего. Главное, не проморгай момент, когда Егор его к себе вызовет. Хоть в кабинет, хоть домой. А он вызовет. Обязательно вызовет.

Вполне возможно, что так оно бы и случилось, да только не дано было «куму» дожидаться того вызова. Через два дня явились за ним спортивного вида подтянутые ребята, в ладно сидящих кожанках, на хорошо знакомой ему машине с решётками и увезли в хорошо известное ему заведение. М-да-а, было время, когда он и сам в то заведение людишек возил (это до того, как прочно осел в лагере); а уж сколько душ туда отправил, сразу-то и не сосчитать. Теперь вот пришёл его черёд. Необычность того ареста состояла в том, что уличён был майор во взятках такого размера, что даже выдавшие виды следаки диву дались. Дань ему, как оказалось, платили в основном «паханы» уголовников, воры в законе, и в основном изделиями из драгметаллов (ну, как оказалось: знать-то об этом знали все, кроме разве только тех, кому знать положено было по службе, но кто делал вид, что не знает). Но брал он и деньгами. Их было так много, что непонятно было, где он их собирался тратить. Всё это нашлось при обыске дома Делягина в его отсутствие, уж потом особысты приехали за ним в лагерь; так сказать, «с картами на руках» и лишь для виду порылись в его кабинете. Да, случались иногда подобные представления, что там говорить. Всё было обставлено так, чтобы люди (*читай – зэки. В. П.*) видели это действие и по лагерям облетела весть, что для советской власти нет «своих и чужих»: закон нарушил – ответишь по всей строгости, невзирая на то, кто ты есть! Ого! Очевидцы говорили, что сильно матерился и визжал «кум», когда его вели по коридору, а на крыльце, мол,

взял да и плюнул в сторону Совы и, обозвав «вонючкой» (так он обычно и называл его), добавил нехорошее слово. Поэтому в лагере никто не связал арест с начальником лагеря. Правда, и того убрали почти таким же макаром, но много позднее. «Почти», потому что не за взятки, но сама кухня ареста была той же: донос, проверка – и всем известное направление.

А пока временно исполняющим обязанности «кума» был назначен капитан Шеин, минуя почему-то интересы действующего зама Тюрина. И поскольку Сова не мог скрыть радости от этого назначения (или не счёл нужным скрывать), то сомнений в том, жертвой чьих рук пал майор, ни у кого не осталось. Только было это настолько банально, что не то, что осуждения – разговоров больших не вызвало ни среди офицеров, ни среди рядовых охранников огромной зоны. Намного важнее предугадать, кто будет следующим и от кого можно ожидать подобного «стука».

Сам же Савватей настолько был уверен в своём утверждении на должность, что не стал дожидаться официального приказа и в первый же день занял новый кабинет. Ничего: осмотрелся, обжился, ну и, как водится, приступил к его полной перестройке и для этого уже через неделю вызвал к себе... кого бы вы думали? Игната Бедаря! Того самого, за которым при Делягине охотился, чтобы сжить со света, в тартарары отправить! А вот, поди ж ты, сгодился теперь Кукольник. Впрочем, что тут удивительного: кто же, как не столяр, может сварганить вам новую мебель?!

В общем, поручив Игнату заказ на новую этажерку (эта уж больно дряхлая на вкус Совы) и письменный

стол (слишком громоздкий), сам новоиспечённый «кум» отправился на первую для него официальную встречу к Шматко. Ты, дескать, тут замеряй-примеряй, да смаракуй так, чтобы на зависть другим было, тогда и за мной, мол, не заржавеет. Так и сказал!

Игнату-то, конечно, лучше бы было, если бы «заржавело», то есть, оставил бы его этот ревностный служака в покое, а уж совсем хорошо, если бы и вовсе забыл про него. Но и так ладно: ясно ведь, что на какое-то время будет у столяра передышка. Он уже сунул в карман складной метр и хотел покинуть кабинет, но что-то так и подтолкнуло его к этажерке с книгами, будто голос ему: дескать, посмотри, это хоть и не Библия, но тоже ведь учение. Философия тех, кто гонит тебя, и если ты хочешь с ней успешно сражаться – надо знать её! И он вынул из ряда наугад одну книгу, между страницами которой тут же увидел закладку – и обомлел! Сродни грому среди ясного неба было явившееся ему чудо; он ещё не осознал, а руки уже сами нашли ей укромное место под рубашкой. Только тогда опомнился и, всё ещё не веря в такое счастье, сторожко заглянул в пазуху, дескать, не привиделось ли?! Нет, не привиделось. Это была она – его тетрадь Нового Завета! Боком-боком да спиной попятился Игнат к дверям, прошёл по коридору, едва сдерживаясь, чтобы не побежать, а с крыльца уже сбежал и споро зашагал в столярку. Лишь удивлённые голоса эков, колонной идущих в столовую, остудили восторг души и прыткость ног:

- Гляди-ка, чего это Кукольник цветёт, как майская роза?
- Посылку, видать, получил.
- Так он же без сидора.

– Зато рот шире ворот и несётся так, будто целый пуд отхватил.

Игнат сбавил ход, потом и вовсе закрутил головой, сделав вид, что никуда не спешит. И таким неспешным шагом добрался до столярки, где тут же закрылся и в благословенной молитве упал на колени: «Господи, как же велик промысел Твой! Ведь я сам видел, как майор перебирал книги, а Ты укрыл Свой Завет от хулителя Слова Твоего так же, как когда-то вывел Петра из темницы, заставив глаза его охране. Да ещё и от особистов уберёг, а ведь могли и обнаружить. Господи, слава Тебе!».

С той поры сия тетрадь хранилась по очереди у верующих лагеря, иногда даже у сочувствующих им, если те были в доверии, а главное, вне подозрения со стороны начальства. Но неизменно возвращалась к Бедарю для проповеди во время тайных собраний. Расстался он со своей тетрадкой только перед последним этапом. Тем самым – на Соловки. Шансы провезти её с собой были равны нулю, то есть их вообще не было.

Вернул Игната из воспоминаний голос Сенцова, верно уловившего ход мыслей друга по появившейся на его лице блаженной улыбке.

– А ведь и я прятал у себя ту Библию, – напомнил он с гордостью и тихой грустью. – Знаешь, я хоть и был далёк от того, чтобы признать Бога, но больше всего боялся, что именно у меня могут найти её. Боялся не того, что со мной будет, а что вы можете обо мне подумать. Вот значит, как.

– Этого не только ты, этого каждый из нас боялся. Особенно те, что только покаяться. А когда такой страх пересиливает человека, то он очень быстро может выдать себя. Поэтому я далеко не каждому доверял её.

– Как же тогда мне доверил? – коротко взглянул на него Сенцов.

– А на тебя, мой дорогой друг, я уже и тогда, как на себя, надеялся.

– Ну, спасибо, – растрогался Афанасий. – Не знал.

– Впрочем, как и все мои братья во Христе, – продолжил Игнат и с улыбкой потрепал Афанасия по плечу: – Да, представь себе, все! Разве я не говорил тебе об этом? Шучу. Конечно, не говорил. Там ведь всем нам было далеко не до сентиментов. Соглашаясь спрятать Библию, каждый знал, на что шёл, не считал это доблестью и не ждал похвалы за это. – Он тяжело вздохнул: – Помнишь, что грозило тому, кто будет помогать верующим?

– А как же! Минимум трое суток карцера. Кстати, Игнат, почему ты в тот первый наш вечер на заимке не захотел рассказать о Соловках? Как-то уклонился, сразу перешёл на другую тему. Не хочется вспоминать?

Бедарь ответил не сразу. Немного помолчав, спросил в свою очередь:

– Скажи, ты своим знакомым рассказываешь, что охрана вытворяла с нами в лагере?

– Да нет, конечно. Кому это интересно знать; да и не всякий поверит в такое. А слух был, да и нутром чувствую, что у вас было ещё похлеще?

– Именно так. Поэтому и не хотел, чтобы Галина с Иваном узнали о тех ужасах. Такое знание предполагает готовность ума, сердца и души принять на веру то, что не поддаётся объяснению. А они вряд ли готовы, и это может повредить их неискушённым душам. Трудно ведь поверить, например, в то, что человека заставляют пригоршнями таскать воду из одной проруби в другую,

предварительно раздев его догола. При этом под общий хохот офицер орёт тебе: «Черпай досуха, богомолец!» Как трудно и поверить в то, что голого человека можно окунуть в ту же прорубь, а потом поставить «в стойку» на снег и при этом ещё время от времени обливать холодной водой, называя это «сходить в баню». Но особенно трудно будет поверить, что люди, наблюдающие за этими пытками, могут получать истинное наслаждение. А они его получали. Знаешь, почему в это невозможно поверить? Потому что теперь я и сам уже начал сомневаться: неужели всё это было? И на твой вопрос, как же я выжил, у меня есть лишь один ответ: Господь хранил меня и в проруби, и «в стойке», и «в бане».

– Да, весело ты проводил время, – покачал головой Сенцов. – Весело.

– Уж куда веселее, – согласился Игнат. – Был один такой «смешной» эпизод: один из вертухаев (он обливал меня водой «в стойке») настолько увлёкся своей ролью, что не заметил, как отморозил пальцы ног. Был-то в сапогах, не будешь же в пимах по воде хлюпать. В общем, лишился двух пальцев, и комиссовали бедолагу. Больше меня ни в прорубь не макали, ни «в стойку» не ставили. Теперь понимаешь, почему я отмолчался? Тебя этим не удивить, а кому-то впечатлительному такое знание ни к чему. Разве что страху нагонит на него да тоску навеет. Так это опять же, если поверит.

– Понял. Наверное, ты прав. Пусть наши страдания остаются с нами.

– Да, Афанасий. И ты должен вынести из нашего разговора одно: если будешь страдать за веру в Бога, то Он

не оставит тебя, каким бы страшным пыткам ты ни подвергался. Я, конечно, не был слабым физически, но и не таким закалённым, чтобы перенести двадцать с лишним градусов мороза. Но я молился не переставая, был всецело поглощён молитвой, и она согревала меня. Больше того, я оказывался совсем в другом мире и не ощущал тех издевательств над собой. Случилось так и в приснопамятном «шизо» на «Секирке». (*Внутрилагерная тюрьма на соловецкой горе Секирной – В. П.*). Слышал о такой?

– Так, краем уха, можно сказать.

– Тогда скажу, что редко кто там выдерживал два месяца, от силы три. Ну, благо, хоть начало осени было, и холода ещё не наступили. Так вот эта тюрьма не только не сгубила меня, а ещё и спасла от расстрела.

– Октябрь тридцать седьмого! – в страшной догадке Сенцов даже притормозил машину: – Баржа на Повенец?

– А-а, слышал, значит?

– Что значит – слышал?! Да об этом вся зона только и гудела. Мы же – ну те, кто знал тебя, – тогда и похоронили Игната Кукольника. Прости, никто толком даже твоей фамилии вспомнить не мог. Зато знали, что больше тыши человек расстреляли в Сандармохе: всех, мол, попов, всех верующих истребили – что христиан, что мусульман. Ну-ну, брат дорогой, быстрее договаривай.

– Да что тут договаривать? – горестно вздохнул Игнат. – Истребили-то не только верующих, но ещё и всех доходяг, нетрудоспособных, значит. Собственно, под их маркой и снаряжали отправку зэков, а чтобы баржа была загружена «под завязку», добавили туда часть «ненаряженных» (*заключённый, не имеющий специальности – В. П.*), к которым, кстати, относился и я. Никого в

лагере не интересовала моя квалификация, а сам я никому не навязывался. Так и был «на подхвате»: то на дорожных работах, то на лесопилке, то на какой-нибудь разгрузке-погрузке. Один надзиратель из уголовничков (были у нас такие, переведённые в администрацию лагеря из-за нехватки личного состава) всё подшучивал, что, мол, работаешь ты, богомолец, в свободное от карцеров время. Их у меня и в самом деле было достаточно.

А тут, значит, этап, да ещё и на материк! Событие первого порядка, сам знаешь. Какими только слухами оно не обрастает. Последним, самым заманчивым и желанным, стал слух, что всю эту немощную братию везут, чтобы амнистировать. И рапорт уже кто-то «сам видел», и решение суда. А суд, обычная «тройка», и правда, уже был, и не исключено, что этот слух они пустили сами, чтобы не было паники на барже. Короче, тот самый шутник, пользуясь тем, что я в «Секирке», отбыл на Повенец под моим именем и с моими бумагами «ненаряженного»; труда это никакого не составило, потому что подельники у него были и в канцелярии. Как потом оказалось, не один он решился на такой подлог: трое или даже четверо их было, отчаянных ребят. Выяснилось, что влекла их не амнистия – понимали, что раскроется всё при первой же проверке, – а возможность побега. Ведь совершить его с материка гораздо легче, чем с острова. Тем более, что наслышаны были о самом дерзком побеге пятерых зэков во главе с белогвардейским офицером Созерко Мальсаговым. О, история эта, хоть и случилась она быть аж в двадцать пятом году, до сих пор передаётся от зэка к зэку и будоражит ум не одного того шутника. Как же: сбежать с Соловков – это дорого стоит. Ну, а если побег

был возможен тогда, то почему бы не повторить это в тридцать седьмом, да ещё с материка?!

Не повторили. Вроде и план готовый был, и пособия поджидали, но не успели парни. Расстреляли их всех до единого сразу же, как приплыли в Повенец. С корабля – и в ад по имени Сандармох, и никаких тебе проверок. Такая вот оперативность и строжайшая секретность. Но времена меняются, и те злодеяния, что ещё два-три года назад делались чекистами в открытую, теперь приходится скрывать, рядить в красивые одежды, чтобы показаться белыми и пушистыми. В первую очередь перед внешним миром, чтобы не дать западным газетам повода для критики режима. Однако шум за рубежом подняли незамедлительно, и пришлось властям прихорашивать этот поблёкший свой внешний вид. Ну, ты сам был очевидцем литературного десанта на канал во главе с Горьким в тридцать третьем и видел, как это делается. Помнишь-нет, как было?

– Кто ж такое забудет, – хмыкнул Афанасий. – Всю комендантскую роту и всех вертухаев в новенькую арестантскую форму одели, каждому по листочку дали, чтобы заучил наизусть, как он, «недостойный зэк», встал на путь исправления трудом благодаря неустанным заботам родного Сталина и теперь уже готов отдать жизнь за его дело. Гостей, а их ни много ни мало – около ста двадцати человек было, если не больше, – после прогулки по каналу повели с парохода прямо к управлению; там для встречи всю эту шушеру выстроили на митинг. Смех да и только: ни у одного, конечно, не хватило усердия выучить слова, и они – ну чем не мученики, – заикаясь и вглядываясь в буквы, так и читали с листочков. Потом в спешно

построенной столовой показывали, чем нас, зэков, кормят, и вся компания эта, говорят, уж так умилялась, так умилялась. Да и как тут не умиляться, если подают тебе сыры всякие, колбасу копчёную, икру, шоколад, фрукты. И всё это, дескать, ежедневный рацион зэка! Сам я этого не видел, потому что в это время в километре от скита вертухаи утюжили нас батогами за то, что хотели подать Максиму жалобу. А он появился только под занавес экскурсии, прошёлся в её последний день по красной дорожке перед управлением и поспешно исчез. А уж что потом все они понаписали в своей книге такую галиматью, что и вовсе не разгрести. Попала она к нам каким-то образом, книга эта. Не дочитал, стошнило. Нет, ты скажи, Игнат, где же граница людского лицемерия?! Есть ли она вообще?

– Вот и я о том же самом, – подхватил тот с усмешкой. – Ведь и на этот раз примерно то же самое было, с той только разницей, что ждали иностранных, а не своих журналистов. Из «шизо», помню, меня выгнали, а я еле на ногах стою, дошёл уже «до ручки». Что со мной делать? В расход – поздно: подвал под «кремлёвской» колокольней, где «отправляли на Луну» (то есть, расстреливали – В. П.), так замаскировали всякими плакатами-лозунгами, что любо-дорого смотреть! Ни дать ни взять ленуголок. Даже убирать ту мишуру потом жалко было. Вот и сунули меня в кочегарку Савватиевского скита, наказав Глебу, кочегару, ни под каким видом не выпускать на волю. Ждут иностранцев день, ждут другой, суется, а они не едут. Но мне-то что: мне главное, что в этой суете все забыли обо мне: никто меня не ищет, не спрашивает. Так прошла неделя, за которую я оклемался настолько, что хоть снова в «шизо». Ну это благодаря

уже напрочь забытому теплу и покою, да и самому Глебу. Он хоть и из уголовников (все «тёплые» места – в буквальном и переносном смысле слова – были, конечно, за ними, а уж кочегарка – это вообще верх мечтаний любого зэка. «Тепло, светло, и мухи не кусают» – это как раз о ней), но не из «быков» и не «шестёрка». Себе на уме, в общем, самостоятельный такой парень. А как распознал во мне того, по «чьей милости» вертухай пальцы отморозил, так и вовсе зауважал, и изо всех сил старался помочь. На первый же мой намёк, что пора явиться к начальству, Глеб даже руками замахал, дескать, и не думай, надо, так сами придут. Мне же, мол, наказали тебя здесь, как под арестом, держать, вот я и выполняю. Сиди и наружу ни ногой. Не прочь оказался он поговорить и о Боге, и не только послушать, но и поспорить. Часто стал подходить с расспросами о том, о сём. Шибко уж разлилось его восприятие мира с тем, что написано в Библии и что слышал от меня. До его освобождения оставались считанные дни, и парень крепко задумался о своей дальнейшей судьбе. И вот как раз на излёте недели сидим, обсуждаем смысл жизни, и в самый разгар беседы спускается в кочегарку его непосредственный начальник, Кирилл Сомов, тоже из зэков. Ну Глеб сразу представил меня ему, дескать, вот тот самый Бедарь, о ком они говорили. Я-то Сомова и раньше видел, и знал, что он что-то типа завхоза, но с о-очень большими полномочиями. Понятно, что и он видел меня, но где был я, и где – Сомов! Глеб мне рассказал, что он вхож к самому начальнику лагеря, и тот, мол, советуется с ним. Представляешь, Афанасий? Зэк в советниках у начальника лагеря!

– А чему тут удивляться? – вставил Сенцов. – Разве где-то не так же было? Различие между бандитами в администрации и уголовниками было только в одежде: у одних комендантская, у других арестантская, а суть-то воровская – одна.

– Ну да. Но я это к тому, что Сомову, с его положением, ну какой вроде бы мог быть интерес ко мне? А тут он так удивлённо рассматривает меня, чуть ли не ощупывает и улыбается.

– Так вот это кто! – говорит, – а я всё гадаю, кто же этот Бедарь? По лагерю уже прямо легенды ходят: баптист, баптист, никакой мороз его не берёт, ни карцеры, ни «шизо»! А я не в курсе. Ну рад познакомиться и поговорить. Но сначала по делу: Глеб хочет, чтобы я попросил за вас. Ну чтобы вас взяли кочегаром на его место. Вы ведь знаете, что ему скоро на волю? Так вот, я хоть и не обещаю, но постараюсь. А вы сами-то как, не против? У вас же, наверное, принципы.

– Против я или не против, сие значения не имеет, – улыбнулся я его наивности. – Не утруждайте себя попусту; мне сильно повезёт, если не вернут в «Секирку». Досиживать. Это была бы самая большая удача.

– Это я вам обещаю твёрдо, – эдак небрежно махнул он рукой, будто уже договорено. – Значит, раз уж сильно-то вы не против, тогда возьмусь за дело и попробую выполнить просьбу Глеба. Но там уж как кривая вывезет. А теперь давайте побеседуем. Давно имею желание поговорить с *таким* верующим человеком.

Разговорились, кто, да что, да как. И можно удивляться сколько угодно, Афанасий, но он оказался одним из тех ста двадцати литературных экскурсантов, о которых ты

только что говорил. И хоть был больше по организационной части, ну, вроде чиновника, но был ещё и неплохим журналистом. В общем, разносторонне образованный человек, в чём я потом убедился. Не думал, говорит, не гадал о такой печальной участи, но и сетовать, мол, шибко не сетую, принимая во внимание, что уже немало людей из той группы попросту расстреляны, как враги народа. Вот, мол, уж воистину: «знал бы где упасть, соломки подстелил бы». Природное чутьё, как он сам признался, никогда не подводило его, и именно своей интуиции он был обязан тем, что не отправил свой уже готовый очерк в редакцию. И может быть, то, что Сомов уклонился от участия в создании книги о Беломорканале (*Так, кстати, поступило большинство писателей. Лишь тридцать шесть из них согласились сотрудничать с Горьким. – Прим. автора*), и спасло ему жизнь. Всё-таки пять лет лагерей – не смертный приговор.

Да и в лагере ему повезло с первого дня. В отличие от большинства своих собратьев-гуманитариев по литературному цеху, Кирилл владел не только пером, но имел и техническое образование и успел во время нэпа поруководить небольшой строительной компанией. Поэтому сразу по прибытии на Соловки был назначен десятником, а потом и вовсе прорабом производства. Но лавировать между обычными работягами, «мужиками», и урками, не желающими работать, было трудно и опасно. Это значило быть постоянно «между молотом и наковальней»: угодишь одним, навлечёшь гнев других. И если «мужики», не выполнив нормы, обходились жалким ропотом, то урки очень просто могли убить, если им не приписать её. Хотя некоторые из них вообще не

работали. В общем, для того чтобы были и волки сыты, и овцы целы, приходилось пускаться во все тяжкие, то есть, заниматься обычными приписками, благо никаких проверок не было. Впрочем, насчёт «спрятать концы в воду» Кирилл был виртуозом, чему научился ещё на воле в своей строительной компании: ни одна ревизия не могла к нему подкопаться. Да если бы и здесь грянула такая, и даже докопались, вряд ли кто из начальства дал бы его в обиду. Все «грелись» от прораба Сомова, всем перепадало от него на «хвост пушистый».

И всё равно долго там не проработал: как только на горизонте появилась скромная и непыльная должность завхоза, он, «подогрев» кого надо, получил её и чувствовал себя теперь, как рыба в воде. В безопасности, то бишь. Впрочем, относительной, как и все в лагере. На мой вопрос, зачем же тогда подвергать себя этой самой опасности (ведь любое ходатайство за меня связано с большим риском), у него был готовый ответ:

– Я иногда беседую со священниками, которые отбывают здесь свой срок, и вижу, как по-разному они воспринимают так называемый перст судьбы. Кто-то со смирением, а кто и с обидой на Бога: дескать, оставил Своей милостью. Хотелось бы послушать и вас, потому что вы баптист, а я в далёком теперь уже девятнадцатом году слушал в университете Самары лекции по этике профессора Владимира Марцинковского. Даже не слушал – заслушивался. И не я один. А какие диспуты на религиозные темы проводились с его участием! Да, тогда ещё была свобода слова, и он мог полемизировать как с власть имущими атеистами, так и представителями различных конфессий! О, он умел завораживать не

только своих студентов, а любую публику. В том числе и оппонентов, обезоруживая тех и других стройной логикой мысли, которую, как он сам неустанно подчёркивал, черпал в Евангелии. Из-за этой приверженности Божьему Слову все знали, что он был баптистом, что уже тогда было небезопасно. – В глазах и в голосе Кирилла было неподдельное восхищение: наверное, увидел перед собой картину одного из диспутов профессора. Чуть помедлив, он с грустной улыбкой продолжил: – Но это было давно. Знаю, что его выслали из страны – и ни-ка-ких вам больше диспутов. А так иногда хочется того живительного слова. – Сомов вдруг резко поднялся: – Будьте уверены, Игнат, я сделаю всё, чтобы наша беседа продолжилась. И уже сейчас я потороплюсь с этим.

Времени на то, чтобы убедить его «не будить лиха, пока оно тихо», Кирилл не оставил; так же быстро попрощался, как и пришёл. Да и столь одухотворённым он выглядел, что не решился я остановить его. Но Глебу я высказал свои сомнения:

– Зря он это затеял. Мне-то уж ладно, себе может навредить.

– Ты за него не переживай, – усмехнулся Глеб. – Они у него все знаешь, где? Вот тут, понял? – И, показав сжатый кулак, убеждённым тоном, не лишённым восхищения, добавил: – О-о, Сом – это ж голова! Он с самим Натанчиком (*Нафталий Френкель – В. П.*) был «вась-вась», понял?

Но потом, чуть помедлив и немного стесняясь, произнёс слова, которые прозвучали для меня чудной, небесной мелодией. Чтобы услышать эти слова от такого

грешника, как Глеб, я готов перенести ещё столько же страданий.

– Но ты всё же помолись, чтобы у него получилось, – сказал он. – Я как-то увереннее себя чувствую, когда слышу твои молитвы.

Помолиться я не успел: по деревянным ступеням лестницы загромыхали сапоги, и в кочегарку буквально ворвались два знакомых мне надзирателя. Дружелюбно кивнув Глебу, коротко пояснили, что этого, мол, мы забираем, и без всяких предисловий завернули мне руки.

– Ну вот, видишь, теперь всё, как полагается. Как и должно быть, – только и успел я сказать Глебу.

* * *

Игнат на какое-то время задумался, видимо, собираясь с мыслями. Они как раз миновали небольшую совсем деревеньку, и машина катила по хорошо утрамбованной дороге с высокими сугробами по обе стороны. Вокруг, насколько хватало глаз, царило унылое однообразное безмолвие, навеваемое ещё и пасмурной погодой.

– Минут двадцать всего до города, – громко сказал Сенцов, как бы поторапливая Игната. – Что дальше-то было?

– Дальше-то? – переспросил Игнат. – Дальше было, как в присказке: чем дальше в лес, тем больше дров. Привели меня в кабинет, а там вместо нашего «кума» какой-то гражданский мужик сидит. Бумагами стол завален, и он их то ли разбирает, то ли сортирует. Сами Соловки-то к тому времени вошли в состав Балтлага, и оставалось только наше отделение, которое тоже передавали Со-

ловецкой тюрьме особого назначения (СТОН). Видать, и наше начальство съехало на материк за минувшую неделю.

– Этот, что ли? – спрашивает у моих конвоиров этот тип с чётко выраженным акцентом жителя Кавказа.

– Этот самый, – рапортуют конвоиры.

– Ну, рассказывай, жмурик, как ты умудрился тут оказаться, – вроде и хмуρο так смотрит на меня, но вместе с тем какой-то смешок в глазах. – Тебя же на Повенец отправили. Вот он, список-то, передо мной.

– А мне почём знать, – говорю. – Вон же хлопцы ваши тут, спросите их, куда они меня спрятали, чтобы не осквернял внешний вид тюрьмы.

– Заладил тоже: турмы, турмы, – передразнивает, но опять же совсем незлобно. – Ты-то пока ещё в лагере числишься. – А сам смотрит на конвоиров и подзывает одного к себе. Тот подошёл, склонился и быстро-быстро зашептал что-то ему на ухо. Вижу, помрачнел начальник, аж рот перекосило. Впился в меня глазами, рукой по столу шарит, будто ищет что-то. Ну, думаю, сейчас начнётся свистопляска с рукоприкладством. Молюсь и, как всегда в подобных ситуациях, пытаюсь поскорее отрешиться от мира.

И тут из угла кабинета слышу ещё один голос. Сразу-то не заметил, что там кто-то есть, потому что свет из окна падал на меня, а они оба как бы в тени были.

– Я же говорю, Гурам Ашотович, срочно надо проверить все списки. А ну, как обнаружится, что не только один уркан сквозанул на материк под чужим именем? Тогда ведь крысы бумажные, которые это дело устроили, такую мутотень разведут, не обрадуешься! Тебя же и подведут под раздачу.

Вглядываюсь и не верю глазам своим: Сомов! И сам вальяжно так, нога на ногу, сидит на стуле, и голос такой, будто с равным разговаривает. И это зэк?! Честно говоря, поначалу-то я не очень поверил Глебу про его связи, но теперь убедился, что так оно и есть.

– Ладно, отведите его туда, где взяли, – кивает Гурам конвою, – и пусть пока не высовывается. – И уже в мою сторону: – Ты всё уловил?

Кивнул головой в ответ и опять не верится, что так легко отделался.

А через пару дней этот новый начальник вызвал для того, чтобы я принимал по описи весь инвентарь кочегарки. У Глеба уже были готовы все документы на освобождение, и вскоре он покинул лагерь. Не скажу, чтобы ушёл он верующим человеком, но на прощание молился уже не я один. Молились и сам Глеб, и Сомов. Понимаешь, Афанасий, они молились Богу! Что может быть радостнее для служителя Божьего!

– Так они покаяться? – оживился Сенцов.

– Скажу осторожно: они были на пути к покаянию, – чуть помедлив, сказал Игнат. – Как и в случае с тобой, я не торопил их, видел, что они ещё не готовы. Покаяние ведь предполагает немедленное следование за Иисусом: если ты принимаешь Христа, стало быть, ты согласен принять и Его крест. А это означает готовность к страданиям. Апостол Павел предупреждал: «Ибо вам дано ради Христа не только веровать в Него, но и страдать за Него». Но любой человек по природе своей противник креста: плоть не желает страданий. Это – слишком высокая цена для многих ищущих Бога, а не только для тех двух моих друзей. Такие люди ещё

не чувствуют своего гибельного состояния. Ну, как же: один идёт на волю, другой совсем неплохо живёт в лагере – какая уж тут гибель! А Бог? Он только помогает. По их мнению, Он и должен помогать, иначе зачем же в Него верить?! Вот это и есть эгоистическое желание благочестивой плоти: желает она только радостей, отнюдь не страданий.

Поэтому проповедуя спасение Христово, я всегда говорю и о цене креста. Не стоит обманывать души обещаниями одних лишь радостей в жизни со Христом, потому что из такого благовестия не вырастёт здоровая вера. Не всё в жизни сбывается, и разочарованный искатель спасения, думая, что его обманули, может вернуться туда, где был до такого скоропалительного покаяния. Как пишет апостол Павел: «Вымытая свинья идёт валяться в грязи!»

Ну, и ко всему сказанному добавлю, что, свидетельствуя о Боге, мы, Его служители, лишь сеем семя веры, а жизнь и рост ему даёт Господь. И когда семя взойдёт, тогда Дух Святой откроет человеку глаза на грех и призовет его к покаянию. Вот уж это покаяние будет до самой смерти и даже до смерти крестной!

Игнат прервался и внимательно посмотрел на Сенцова:

– Я не утомил тебя? А то целую ведь проповедь прочитал.

– Не утомил, Игнат. Больше того, я как-то на себя это примеряю. Будто обо мне ты рассказываешь. Всё так же и со мной было. Или нет? Если бы я покаялся в тот прощальный день, вернулся бы я, – как ты там сказал, – валяться в грязи?

– А сам как думаешь?

– Наверное, вернулся бы. Я уже рассказывал, что было со мной.

– А теперь?

– Теперь, думаю, нет. Я пережил такой благословенный миг – всю жизнь помнить буду! И отдам за этот миг всё, что у меня есть.

– И заметь, без моего и вообще без чьего-то на это напутствия, – улыбнулся Игнат. – Вот она – сила Духа Святого, Афанасий! Это и есть желание пойти за Христом до самой крестной смерти. Ты что остановился?

– Поблагодарить Бога хочу, – взволнованно прошептал Сенцов. – В сердце молитва стучит. Помолимся? – И, притулясь к обочине, заглушил мотор. – Чтобы не мешал, – пояснил с виноватой улыбкой.

И два бывших лагерника склонили головы в кабине полуторки.

– Какая это всё-таки прекрасная штука – молитва Богу, – задумчиво обронил Афанасий, снова выруливая на дорогу. – Вот помолился – и душа на месте. Верно ты говоришь, что Господь всюду с нами и слышит слово наше к Нему. Жалко, что без молитвы столько лет жизни ушло. Столько лет!

– Тут как раз к месту сказать, что лучше поздно, чем никогда, – возразил Игнат. – Бывает так, что люди каются уже на смертном одре и успевают получить спасение.

– Вот я и думаю о тех двоих, – сказал Сенцов. – Глеб – молодой, у него есть время. А что случилось с Сомовым? Мне почему-то жалко его, хотя он, по твоим словам, мужик успешный. Ну, насколько таким можно быть в лагере.

– Да, он уже в годах. Должен сказать, что более противоречивой фигуры, чем Кирилл, я не встречал. Он мог тотчас отозваться на молитву и, присоединившись ко мне, просить Бога о смирении души, а через минуту уже сомневался в том, что Господь слышит его. Что Бог вообще слышит смиренного человека. Искренне сострадавая судьбе верующих лагеря, тут же порицал тех, кто не роптал, не пытался бороться, а в смирении принимал несправедливые наказания, и как бы я ни пытался объяснить, что «Бог гордым противится, а смиренным даёт благодать», именно смирение было камнем преткновения на его пути к вере, на пути к Иисусу. Целеустремлённый, даже взбалмошный, он никак не мог примириться с мыслью о покорности, и на мою проповедь о смирении с усмешкой возражал: «Это для слабаков, а я себя таковым пока не считаю».

В кочегарку приходил с уже заготовленными вопросами, на которые у него имелся свой ответ. И тогда у нас разгорался своего рода диспут. В молодые годы он действительно прочитал много религиозной литературы, но при этом умудрился ни разу не открыть Библию! Потом это сказалось на его взглядах. Они оказались поверхностными: он обо всём что-то где-то слышал, но не вникал в суть ни одного вопроса. Неудивительно, что всё это так перемешалось в его голове, что помочь ему упорядочить, расставить всё по своим местам должен был кто-то другой. У меня столько времени не оказалось, и очень жаль, что чудные эти мгновенья длились недолго, чуть больше месяца. Совсем недолго, но признаюсь, они были благословенны. Оборвалось же всё внезапно, и тут я отдаю должное его интуиции, его сметливости.

А произошло следующее.

В свои дела он вряд ли кого посвящал, что вполне естественно, и поэтому его сообщение о том, что меня переводят в другой лагерь, застало меня врасплох. Ведь я стал привыкать к новому для себя ритму жизни, и ко мне уже стали приходить, тихо, со всеми предосторожностями, верующие, среди которых были два священника и молодой поляк, не успевший окончить духовную семинарию в Кракове. Каким-то образом занесло его в Россию (то ли в гости к родственникам, то ли с миссией), и он оказался в лагере.

* * *

В тот день Кирилл, какой-то весь взерошенный и возбуждённый, прибежал в кочегарку раньше обычного. Подозрительно огляделся (чего до этого за ним не замечалось) и, удостоверившись, что я один, сунул мне в руки какую-то бумажку. Говорил торопливо и отрывисто: – Держи. Это справка. У тебя эпилепсия, если спросят, понял? – И пояснил, видя мою оторопь: – Завтра отчаливаем с тобой на материк. Это последний шанс для тебя выжить; ведь тех зэков, которых отправили в октябре в Повенец, всех пустили в расход, а где-то через неделю, ближе к середине декабря, будет такая же «отправка на Луну» оставшихся верующих, доходяг и «ненаряженных». Но теперь уже здесь, на месте. Ямы для них на днях начнут готовить возле «Секирки». Информация достоверная. Поэтому надо улепетнуть отсюда, пока не раскрутилась история с твоей фамилией. Если успеет всплыть, тут тебе и я не помогу.

– А ты, – говорю, – тебе-то зачем бежать отсюда?

– Сгоришь ты, не сдобровать и мне. Но всё объясню потом, а сейчас быстро смотайся к Гураму и отдай ему эту справку. Он ждёт.

Ну что, поспешил я к начальнику. Повертел он справку в руках.

– Не забудешь, какая твоя болезнь? – мрачно спрашивает и головой качает: то ли я не нравлюсь ему, то ли справка. И поскольку я лишь молча киваю, строжитесь: – Смотри, не забудь. Второй-то раз из жмуриков не воскреснешь. Хотя я слышал, ты уже минимум два должен был Богу душу отдать. Нет? – Он наморщил лоб, пожевал губами, что-то вспоминая. Вспомнил и расплылся в довольной улыбке: – Это правда, что ты заговорённый? Говорят, конвоир свои лапы вместо тебя отморозил? Как это так вышло, а?

– Я тут ни при чём, – говорю, – и никто меня не заговаривал. Мне команды ноги морозить не было, а то, может быть, и выполнил бы. А уж вместо чьих он свои отморозил и кто в этом повинен, лучше у него спросить.

– Ну, не хочешь, не отвечай, знаю я эту историю. Просто хотел убедиться, ты ли это был. Мне конвоира не жалко, пьяный, значит, был при исполнении. А я всё могу простить, кроме пьянства на рабочем месте. – И вдруг хитро так взглянул: – А ты это... можешь Богу словечко за меня замолвить? Ну, в молитвах своих. Так, мол, и так, живёт Гурам Ашотович, добрый человек... Я ведь добрый?

– Богу виднее, – улыбнулся я. – Он нас знает лучше, чем мы сами.

– Ты не увиливай. Замолвишь? Вот как Сомов за тебя перед... – И не закончил. Видать, спохватился, что чуть

лишнего не сболтнул. – Ну, ладно, Сомов обскажет тебе всё насчёт этапа. Иди и не забывай моей просьбы.

– Спасибо, я не забуду, – поблагодарил я. И уже у двери обернулся: – А вы и правда добрый, и это такая редкость сейчас, что буду молиться Богу о вас. Поверьте, ни одно доброе деяние у Него не остаётся незамеченным. Наоборот, творящему добро Господь Бог воздаёт сторицей. Библия говорит: «Ибо человеку, который добр пред лицом Его, Он даёт мудрость, и знание, и радость...»

– Даже так, – с иронией хмыкнул Гурам, но я видел, что слова эти он принял всерьёз. – М-да-а, мудрость и знания мне, и правда, не помешали бы, а вот насчёт радости... хм, тут вы со своей Библией переборшили. – Он помолчал немного и, чуть подавшись вперёд, понизил голос: – А Бог знает, почему молчит забитый, запуганный народ? Почему затаился в страхе? Наверное, нет. Да и кто Ему может доложить об этом в Им же забытой дыре. Эх, Бедарь, ты Бедарь, и фамилия-то твоя, видать, от слова «беда». Да разве ж молитвами делу поможешь? Горе кругом, куда ни глянь – горе, и нет и не будет на земле той радости, что смогла бы перебить память о нём. А всё равно, гляди-ка: похоже, свыклись люди и другой-то жизни им и не надо, а? Вроде как вот эта, которая хуже скотской, – она уже в радость! – Распрямился и махнул рукой: – А ты, му-удрость, зна-ания... Иди уж. Некогда нам сейчас обоим разговоры говорить. А жаль, очень жаль. Ведь один же из нас прав. Кто? Узнаем, если когда-нибудь свидимся. А свидимся – обязательно договорим. А теперь – прощай!

– Даст Бог, договорим, – сказал я и вышел. – Но пока мы так и не свиделись.

Тут Игнат повернулся к своему другу:

– Знаешь, Афанасий, этот Гурам был чем-то похож на того нашего начальника лагеря.

– Шматко? – быстро среагировал Сенцов. – И чем же? Внешностью?

– Нет, с внешностью-то как раз полная противоположность: Шматко – хохол, Гурам – кавказец. Но у них не было той обязательной ненависти, озлобленности, готовности выплеснуть всю злобу на первого попавшегося под руку зэка, что присуще почти всем, от вертухая до «кума». Всё-таки я не зачислял бы всех чекистов огульно в «исчадия ада»; хоть и редко, но встречаются среди них ещё не потерявшие человеческое лицо. Объяснить это можно тем, что такие люди выросли в верующих, в основном, конечно, православных семьях и даже помнят и «Отче наш», и Десять заповедей. Могу сказать, что встречал тех, кто мог повторить все заповеди на память. Знать, не выветрилось ещё за годы советской власти то, что воспитывалось с детства, несмотря на вселенское обольванивание атеизмом. Таким, кстати, был Шматко. Ты же помнишь, как он к нам относился?

– Ещё бы. Так он и выглядел среди них белой вороной. Уже одно то, что разрешил тебе вытащить в столовую такого зэка, как я, говорит само за себя. – Сенцов грустно покачал головой: – Да он и сгорел-то на этом своём незлобивом к нам отношении. Не знаю, слышал ты или нет, что убрали его? Слышал? Ну, не сразу вслед за Делягиным, но убрали. Говорили, что и тут Сова настучал. А обвинили его, в том числе, и в благодушии, и в потакании зэкам: распустил, мол, Шматко дисциплину в лагере. Тот самый Савва высказался по его поводу

предельно ясно: дескать, в семье не без урода! Так и сказал. Это уже когда он «кумом» был. Долгонько он шёл к своей цели, добивался всеми средствами, доступными и не очень, и в том числе через трупы.

– То есть, считать зэка за человека, относиться к нему, как к человеку, в его понятии может только урод? – усмехнулся Игнат.

– Выходит, так. Потом он озверел до того, что бояться его стали даже подчинённые, не говоря о зэках! И самое страшное здесь то, что это никого не удивило. Как будто оно так и должно быть. Тут же стали перед ним пресмыкаться те, кто раньше и руки ему не подавал, считал его плебеем. Между прочим, правильно считал: например, тот же Делягин, его шеф, брезговал садиться с ним за один стол, называл вонючкой, заявляя во всеуслышание, что от того всегда пахнет псиной. Говорил это «кум», не стесняясь, при Сове, и тот только подобострастно хихикал. Зато потом, получив желанную должность, он отыгрывался на них сполна. И они же им ещё и восхищались, да что там – чуть ли не поклонялись. Так, может быть, прав твой Гурам, что народ свыкся с такой судьбой и в страхе своём возлюбил своих палачей? Когда ты рассказывал, мне невольно пришли на ум стихи Некрасова: «Люди холопского звания – сушие псы иногда: чем тяжелей наказание, тем им милей господа!» Это ведь про нас, Игнат, хоть и написано в прошлом веке! Что на это скажешь? Всегда у нас будет такая безнадёга? И вот, извини за прямоту, но я всё думаю: не к этому ли призывают и верующие: ведь и ты только что говорил о смирении и огорчился, что Кирилл крепко возражал против этого.

– Нет, Афанасий, тут ты немного спутал ориентиры. Мы смиряемся не перед человеком, но перед Богом. Никогда ни один верующий не станет величить человека, восхищаться им и призывать к смирению перед ним, потому что это и значит «сотворить себе кумира». Это заповедь Бога, и всякий человек, независимо от того, верующий он или нет, хоть раз в жизни да слышал её. Ну, а ты тем более: «Не делай себе кумира и никакого изображения того, что на небе вверху, и что на земле внизу, и что в воде ниже земли. Не поклоняйся им и не служи им, ибо Я Господь, Бог твой».

Поэтому верующие поклоняются только Богу, то есть в смирении и в поисках защиты приходят к Нему; и если надеются на кого, то тоже только на Него. Потому что написано в Библии: «Перестаньте вы надеяться на человека, которого дыхание в ноздрях его. Ибо что он значит?»

В том-то и дело, что ни-че-го. Но в нашем мире, и в первую очередь в нашей стране, люди забыли об этом и из ничего, из никудышнего мужичка возвели себе идола, о котором и вслух-то говорить не хочется: как бы его ни возвеличивали, а он – ничто пред Богом, если не сказать – ничтожество. Но люди усердствуют в своём низкопоклонстве, и вот уже он в своей гордыне начинает мнить себя вершителем судеб, а сумасбродные его идеи и похотливые желания становятся выше принятых законов. Я расскажу тебе одну историю о царе Израиля, к которому пришла делегация сидонян с просьбой о мире. Вывод сделаешь сам. Звучит она так: «В назначенный день Ирод, одевшись в царскую одежду, сел на возвышенном месте и говорил к ним; а

народ восклицал: „Это голос Бога, а не человека“. Но вдруг ангел Господен поразил его за то, что он не воздал славу Богу; и он, быв изъеден червями, умер».

– Ну, как, Афанасий, – искоса взглянул Игнат на друга, – ничего не напоминает?

– Хм, так это... – не сдержал удивлённой усмешки Сенцов, – в каком, говоришь, веке это было?

– В первом веке нашей эры, – улыбнулся Игнат. – А что?

– Да вроде как в наши дни получается, – как бы недоумевая, покачал головой Афанасий и, оторвав руку от баранки, зажал нос и прогнусавил: – Под руководством нашего дорогого, родного и великого отца всех народов Сталина... Ну, как, похоже?

– Копия, – рассмеялся Игнат. – А теперь представь, что было бы, если бы все вот эти люди перестали величать сей образ сатаны и стали славить Бога? Бога, Который есть любовь. Вот все бы в едином порыве, да? Скажи, были бы тогда возможны войны? И нужны ли?

– Кажется, начинаю понимать твою мысль, – задумчиво пробормотал Сенцов. – Нет, Игнат, мне без Библии теперь никак нельзя. Хочу знать всё так же, как и ты.

– Всего не знает никто, потому что Библия неисчерпаема. Любой её стих, сколько бы ты ни перечитывал её, с каждым разом добавляет что-нибудь новое в твою копилку знаний. Что ж, будем искать тебе Библию. Кстати, она могла быть среди книг у того паренька, который вроде как показал на следствии, что вёз их мне. Ну, я тебе говорил о нём. Неплохо было бы с ним встретиться.

– В тюрьме, что ли? – укоризненно посмотрел на него Сенцов. – Сто против одного, что он уже там. Опять ты торопишься, Игнат, в гости к дьяволу. Так вот, пока

не угодил туда, давай-ка лучше о себе договори. Что? Именно тогда и удалось тебе выбраться оттуда, отчалить на материк?

– Да. На другой день несколько больных, в том числе и я, покинули Соловки в сопровождении медбрата и одного (!) конвоира (как правило, должно быть не меньше трёх) на какой-то допотопной барже. Кирилл большую часть времени (весь путь занял около шести часов) находился с конвоем наверху, но, увидев момент, спустился ко мне. Я понимал, как это опасно для него, и отвёл его подальше от глаз и ушей попутчиков.

– Зачем ты так рискуешь? – сразу же спросил его.

– Риск, Игнат, начнётся, когда прибудем в Кемь на пересылку, – сказал он. – Ты ведь бывал уже там?

– Ну да, – говорю, – перед тем, как везти на Соловки, нас несколько дней мурыжили на этой пересылке. Теперь вот получается, обратно. Но тебе не стоит играть с судьбой, Кирилл: ты же сам говорил, чтобы нас меньше видели вдвоём. Не переживай, обо мне есть Кому позаботиться.

– Знаю. И верю, что Бог поможет тебе вернуться домой, – сказал он с какой-то не свойственной ему тоской в голосе. – Хочу сообщить, что здесь я кое-что смог сделать, и если всё срастётся, тебя определят или в карантин, или сразу в больницу. А сейчас хочу, чтобы ты последний раз помолился со мной и обо мне. Мне очень нужна твоя духовная поддержка.

Без лишних расспросов мы встали на колени, и я помолился. Сомов на этот раз только вздыхал и иногда поддакивал моей просьбе к Богу защитить нас на этом нашем нелёгком и опасном пути.

– Так, Господи, – то и дело повторял он, – так. Убереги от напастей.

– Всё же почему это последний раз? – спросил я после молитвы.

– Потому что, наверное, впервые за всю лагерную жизнь я не уверен в успехе того, что задумал. Меня ждёт совсем другое направление, Игнат. А может быть, два, я ещё не решил, но оба чреватые закончиться для меня очень печально. Я гонюсь за двумя зайцами, Игнат. Про одного скажу, про второго ещё сам не знаю.

Тут он признался, что получил ответ на письмо Френкелю, и его переводят в Бамлаг (*Байкало-Амурский исправительный трудовой лагерь – В. П.*), то ли на строительство новой железной дороги, то ли на реконструкцию Транссиба. А поскольку одно упоминание имени «Натанчика» наводит как на зэков, так и на чекистов животный страх, то ему, имея на руках запрос и поручительство Френкеля, не составило большого труда договориться и о моём переводе из лагеря: дескать, это тоже исходит от Нафталия. Способ вытащить меня без шума придумал сам Кирилл. Ну и не обошлось, конечно, без крупных вознаграждений. Что и говорить, жил Сомов на широкую ногу, и вроде бы ничто не предвешало беды на его счёт, но интуиция не подвела его и на этот раз: вскоре после нашего убийства над оставшимися зэками одна за другой последовали расправы, целью которых было уничтожение свидетелей тех жестоких, безумных деяний власти. Вряд ли в той мясорубке уцелел бы и он.

Вот таким: грустным, с печальными глазами – он и запомнился мне.

А ещё навсегда врезались в память глаза провожавшего меня Вацлава, молодого поляка-семинариста. Большие, небесно-голубого цвета, они были полны не слёз, а той же, что и у Кирилла, пронзительной, безнадёжной тоски. Вероятно, он уже знал, что его скоро расстреляют (да догадывались-то, наверное, все), и попросил переслать прощальное письмо на родину, в Польшу. Это было опасно, но я взял его, и хоть не сразу, но переслал с надёжным человеком.

* * *

Кирилла сразу по прибытии в Кемь увели куда-то к начальству; перед этим мы уже попрошались и теперь делали вид, что не знаем друг друга. Дальше я не мог на него рассчитывать, но, как он и предполагал, благодаря справке я был отправлен в местный лазарет и почему-то попал в палату с душевнобольными. Их было двое, и, по-моему, ни один из них сумасшествие не симулировал. Тут же лежали и пятеро совсем немощных зэков, которых ждало переселение на Кузему, где располагался отдельный инвалидный лагерный пункт. Все прекрасно знали, что туда увозят зэков, которые уже ни на что не годны; из них предварительно выкачали все жизненные силы. Везут умирать. Ещё в одной палате лечили лагерную обслугу, там бывали все, от надзирателей до офицеров. Сам лазарет – место не так, чтобы привлекательное, но я чувствовал себя по меньшей мере, как на курорте. Хотя настоящего эпилептика не изображал и припадки не имитировал, тем не менее меня больше месяца пичкали какими-то таблетками.

Контингент больных быстро менялся, одни доходяги сменяли других, а меня продолжали лечить. Врач был из зэков, так он, застав меня в первый же день в палате в коленопреклонённой молитве, сразу сделал вывод и на полном серьёзе назначил лечение от шизофрении: дескать, какой же нормальный человек может славить Бога в условиях лагеря?! Во всяком случае, так я подумал о нём, но реальную причину такого диагноза узнал чуть позже. А пока я с покорностью брал таблетки, делал вид, что усердно их глотаю, а на самом деле благополучно выкидывал их в снег через крохотную форточку в окне с массивными решётками. В конце февраля лечение прекратили – то ли посчитали, что я выздоровел, то ли решили, что на меня благотворно подействует рабочая обстановка, – и отправили шить рукавицы и прочее обмундирование для энкаведешников и зэков на местную швейную фабрику, где работали в основном женщины. Долго не проработал: где-то в апреле прямо в цехе появился конвой, и меня увели в управление. Помню, по коридору навстречу мне как раз вели двух зэков, и я их тотчас признал: это были те больные, что ехали со мной на барже в Кемь. Вид их был настолько изможденным, что одного взгляда оказалось достаточно, чтобы понять: мой «курорт» закончился.

Конвоир торкнулся в один из кабинетов, но дверь была закрыта. Он поставил меня лицом к стенке и, приказав ждать, загромыхал дальше по коридору. Тут же я ощутил, как кто-то легонько тронул меня за локоть. Я обернулся и сразу узнал своего лечащего врача.

– Стой, как стоял, и слушай внимательно, – тихо сказал он. – Если хочешь выжить, на все вопросы тупо

ухмыляйся и проси повторить. И снова улыбайся. Ты ничего не знаешь о Сомове, и не имеешь понятия, кто это, понял? Может быть, видел, а может, и нет. Я буду присутствовать на допросе и буду говорить за тебя. Но если сам начнёшь говорить – и себя, и меня погубишь. А главное, Сомова. Вспомни, что он сделал для тебя. – Он вдруг резко повернул меня к себе лицом и впился глазами: – Смотри сюда! Всё понял? – И, как мне показалось, облегчённо вздохнул: – Вижу, понял. Надеюсь на тебя.

Через минуту появился следователь с капитанскими «шпалами» в петлицах, и меня втолкнули в кабинет.

Не буду утомлять тебя, Афанасий, подробностями, тем более, что мне неприятно о них вспоминать, скажу только, что, следуя совету этого врача, я впервые прикинулся дурачком, и, надо сказать, у меня это неплохо получилось. Это был огромный риск, но выхода иного у меня не было. Да и сказался опыт трёх дней пребывания с теми двумя реальными безумцами. Я молился Господу и вдруг мне вспомнился эпизод из жизни царя Давида, когда тому пришлось вот так же притвориться безумцем перед гефским царём Анхусом. Я был уверен, что это Бог подсказывает мне; не порицает, а наоборот, подсказывает, значит, и даст силы выдержать это испытание. Так и случилось.

А испытание было такое: сначала ласковое вступление, что, мол, помнишь такого Кирилла Сомова? Ну, того, что с тобой с Соловков на барже плыл? Вот если вспомнишь, сразу отпустим да ещё и гостинец дадим. (В общем, я так понял, что за дурака-то они меня, и правда, держали). А если нет, то отправишься, мол,

в бараки на Попово поле и будешь таскать из моря мокрые баланы да катать их на гору по восемнадцать часов в сутки. Ты же не хочешь таскать баланы? Да у тебя на это и силы-то нет, вон ты какой тошший. Что скажешь?

Ну, я и улыбаюсь, как врач велел, и – повторите, мол.

Вторым пунктом было обычное избиение. Но я к этому так привык, что и без всякого притворства улыбался. Надо отдать должное капитану: бил он выборочно и прицельно, и не так, чтобы сразу наповал. Но пару раз всё же переборшил, и меня отливали водой. А когда он подустал, то врач и говорит, что, мол, безнадёжный я. Он-де сколько ни возился со мной, каких лекарств ни применял – результат нулевой. Ну полный дурак, что с него возьмёшь?! Шьёт, мол, рукавицы – да и ладно.

Поверил следовательно.

– Ладно, – говорит, – если не опасный, то пусть работает. – И даже шутливо, как приятелю, кивнул мне, будто и не было никакого избиения. – Только ты, олух царя небесного, смотри, чтобы женщин там... А? Гляди, не расшугай их мне. – И тут же защёлкал языком и, ни к кому не обращаясь, потряс пальцем в воздухе: – А того лучше, отправим-ка мы это чучело куда подальше, лишь бы с глаз долой. О, кстати! На днях будет этап в Ухту, туда и отправим гренадёра, а то ведь мороки тут с ним не оберёшься.

Подстраховался, в общем, капитан: своя-то рубашка ближе к телу, как они любят повторять. Да ладно, хоть отпустили. Врач тот (вспомнил: Грач была его фамилия) наказал мне уже перед самым этапом, чтобы про Кирилла я и дальше не помнил ни в коем случае. Дескать, рванул Сомов со товарищи в Финляндию, вот и паника среди офицера.

– Вот так раз! – не удержался от возгласа Афанасий и даже руки оторвал от баранки. – Вот это поворот! И что они – эти офицеры?

– А что они: ясно, вину за побег друг на дружку валить стали. Был-то он близок ко многим из них, вот и искали крайнего. Грач предупредил, что теперь, мол, охранные меры на этапах ещё больше ужесточат, так как в каждом зэке им стал мерещиться потенциальный беглец. Напоследок он сунул мне в вещмешок буханку хлеба: авось, мол, да и не успеют отобрать.

– Ну и ну, – не переставал качать головой Сенцов. – Вот уж отмочил номер твой Кирилл, прямо герой! Даже не верится, а, Игнат?

– Да уж, огорошил он меня, – согласился тот. – Тогда я понял, какой у него «второй заяц» был про запас. Хоть я и знал, что человек он был скрытный, но чтобы в такой мере... Впрочем, почему – был? Живой он и в полной безопасности, такой, что нам не снилась уже долгие-долгие годы. Далеко не один зэк позавидовал Сомову, когда стал известен его успешный побег. Помню, и я задался вопросом, что, появившись такая возможность, смог бы вот так же «махнуть за бугор»?

– И что ты себе ответил? – с интересом взглянул на него Афанасий.

– Не смог бы. У меня здесь всё: и семья, и братья во Христе. А что мысль такая всё же шевельнулась, так это только на миг. Человек иногда слабеет духом, но стоит помолиться – и Бог укрепит. Вот и меня укрепил.

А потом этап за этапом. До Ухты мы не доехали, где-то в середине пути отцепили наш вагон от поезда и развернули на Вологду. Как потом уже слух прошёл, в Ухте как

раз произошли «кашкетинские расстрелы» (по имени руководившего этой «операцией» лейтенанта Е. И. Кашкетина – В. П.). Ты ведь, Афанасий, где-то рядом должен был быть в то время. Не там, случайно?

– Нет, я в Котласе был, но по северным меркам – да, рядом. Что нам какие-то полтыщи км! И про расстрел этот мы первые узнали. Зэков ведь там из пулемётов косили. Построили людей в колонны, погнали под видом пешего перехода в другой лагерь, а чуть отошли – из засады их, будто на войне, из пулемётов! Засада на безоружных людей, представляешь! Тех, кто в живых остался, из наганов достреливали. Комиссия вроде бы потом была.

– Может, хоть кого-то наказали? Не знаешь?

– О чём ты, Игнат?! – презрительно скривился Сенцов. – Какое наказание? А то ты сам не знаешь. Скорее всего, представили к награде за защиту отечества. А главного изверга, может, даже к ордену «За отвагу»!

– Да, скорее всего, так и есть, – согласился Бедарь, – но ответ им всё одно придётся держать! Все придут на суд Божий, и каждому воздастся по делам его. Они, дела наши (каждого поимённо), записаны в Его книге.

– Это-то мне и прискорбно, Игнат, – сокрушённо вздохнул Сенцов, – что надежда только на суд Божий. А мне ждать до этого не вмоготу. Хотелось бы ещё тут, при жизни нашей, спросить с них за горе, которое чинят народу, за унижения наши, за страдания наших близких. Ох, как хочется приблизить это время!

– Не озлобляй души, Афанасий. У тебя теперь есть Тот, Который спросит с них за всё. Помнишь, как-то ещё в нашей с тобой столярке я рассказал об апостоле Павле и ты оценил его мужество? Помнишь?

– Да-да. Не знаю, как апостол, а мужик он был что надо. Смелости, судя по твоим словам, ему было не занимать.

– Это не по моим словам, это записано в Библии. Так вот, слушай, к чему он призывал: «Никому не воздавайте злом за зло, но пекитесь о добром перед всеми людьми... Не мстите за себя, возлюбленные, но дайте место гневу Божьему. Ибо написано: „Мне отмщение, Я воздам“, говорит Господь». Понимаешь? Поэтому ещё раз повторю: не озлобляй души. Отдай всё в руки Господа.

– Да я вроде и понимаю, а ничего поделать с собой не могу. Кипит всё внутри, как только увижу мужика в форме НКВД. Почему Бог не остановит этот ужас? Сколько молитв обращается к Нему, неужели не слышит? Неужели ж просвета не будет, а?

– Будет, обязательно будет, – заверил Игнат. – Тот же Павел говорил, что наши «нынешние временные страдания ничего не стоят в сравнении с той славой, которая откроется в нас». Апостол знал, что говорил: слава ждёт тех, кто доверил свою жизнь Христу. – Он немного помолчал и, глядя через боковое стекло на убегающую к горизонту снежную целину, в тихой задумчивости процитировал: «Ибо созиждет Господь Сион и явится во славе Своей; призрит на молитву беспомощных и не презрит моления их... Ибо Он приникнул со святой высоты Своей, с небес призрел Господь на землю, чтобы услышать стон узников, развязать узы сынов смерти». – Игнат положил руку на плечо друга: – Господь слышит всё, не сомневайся, брат.

– Завидую я тебе, Игнат, – снова вздохнул Сенцов. – Причём теперь, кажется, даже больше, чем раньше. Чуть

что – у тебя тут как тут стих из Библии. Тебе и жить, наверное, поэтому легче, а?

– Легче? Н-не знаю, – Бедарь покачал головой. – Разве у нас ещё есть такое понятие? Для живущего по плоти – давно уже нет, потому что он знает одно: он умрёт. И отнюдь не легко, а в страданиях. У нас же с тобой, людей верующих, есть надежда на жизнь вечную. «Но если Христос в вас, то тело мёртво для греха... и Воскресивший Христа из мёртвых оживит и ваши смертные тела Духом Своим, живущим в вас». Это опять слова апостола Павла, и вера в это даёт мне силы переносить страдания, не унывать и жить надеждой на Бога. И если это назвать «легче», то – да.

– Как только раздобуду Библию, примусь за её изучение, – пообещал Афанасий и даже мечтательно зажмурился на секунду: – Чтобы так же вот, на любой случай жизни... Не-ет, уверен, что с этим легче будет жить.

– Придётся нам с тобой помолиться, чтобы Господь подарил тебе её, – улыбнулся Игнат. – Поэтому предлагаю: как к милиции подъедем, так об этом и помолимся, не возражаешь?

– Это и я хотел предложить, – серьёзно сказал Сенцов. – Кстати, до милиции остались считанные минуты. Так что договаривай свою «повесть временных лет». Куда тебя потом занесло?

– На этот раз лучше будет сказать, куда прибило. К родным местам прибило – хочешь верь, хочешь нет. Больше двух месяцев нас гоняли с пересылки на пересылку, пока не привезли в мои родные края, то бишь, в Краслаг. Так уж получилось, что из расформированного лагеря я прибыл в только что создаваемый в

Канске. И как бы ни тяжело приходилось на лесоповале (а больше никакой работы поначалу и не было), но уже одно то, что находишься недалеко от дома, придавало сил. К тому же ещё где-то у Свердловска наш вагон «разбавили» новыми зэками, в основном с Украины (на освободившиеся места; в дороге умерло не менее трети отправленных), и среди них оказались верующие. Вряд ли найдутся слова, какими можно было бы передать ту радость, что охватила меня при знакомстве с ними. Ведь с того дня, как я покинул Соловки, мне не с кем было даже поговорить о Христе. Некому свидетельствовать об Иисусе. Я был один. И хоть в пути старался при каждом удобном случае говорить о Спасителе, получал в ответ полное недоумение. В лучшем случае люди, затравленно озираясь, просили оставить их в покое. Другие тут же грозили сообщить конвою. Правда, до этого не дошло ни разу. И тут – сразу несколько братьев по вере, да ещё каких! Стойкости духа и готовности пострадать за веру в Иисуса им было не занимать. Постепенно к нам, видя нашу сплочённость и то, как мы ожили, стали подтягиваться другие зэки, прислушиваться к тому, что говорим, о чём поём. Да, недаром говорят, что двое-трое – не один.

Расставался я с ними дважды: первый раз, когда троих – самых здоровых физически – увели по этапу в Дудинку; и второй – когда я освободился. Из выживших, нас, остались только двое: я и один белорус с Украины. Теперь он живёт в Казахстане, и мы иногда пишем друг другу. Вот такая она, моя «повесть временных лет», как ты сказал. Видишь, как я её вовремя закончил. Как говорят, тпру-у, приехали, – распрямылся Игнат

и неопределённо махнул рукой: – Теперь давай искать ихнее управление.

– За это не волнуйся, – успокоил Афанасий, – городишко-то я знаю. Летал отсюда на съёмки местности много раз. Не удивляйся, тут есть небольшой авиаотряд, и для нас, топографов, – это большое подспорье. Частенько выручают нас ребята.

* * *

Миновав несколько переулков, Афанасий притормозил:

– Вот она, управа. Шас я вон туда, за угол, заеду, чтобы глаза здесь не мозолить. Машина для милиционера, что опарыш для рыбы: клюют моментально, да так, что потом не отобьёшься. Им какую зацепку найти – это раз плюнуть. Поэтому предпочитаю держаться подальше от такого знакомства. – И, отъехав ещё с полсотни метров, заглушил мотор на безлюдной улице: – Вот тут надёжней будет. Сюда и возвернёмся.

– Ты что, собрался меня ждать? – изумился Игнат.

– А ты думал, я тебя здесь брошу? – не меньше удивился Сенцов. – Хорошего же ты мнения обо мне, однако.

– Ну-ну, извини, – улыбнулся Бедарь. – Просто знаю, что у тебя самого дел невпроворот.

– Важнее этого нету, Игнат. Значит, так: к следователю меня с тобой, конечно, не пустят, а вот подождать у дверей никто не запретит.

– Может быть, не стоит там торчать, а Афанасий? Если уж решил ждать, то лучше здесь, в машине. Вряд ли стоит лишний раз светиться в этом заведении.

– Это ничего. Мне иногда приходится светиться в заведениях и повыше рангом. Не забывай, что я какой-никакой, а начальник экспедиции.

– Ах, ты, беда-то, я ведь, и правда, забыл, – шутливо хлопнул себя в лоб Игнат. – Ну, тогда что, будем молиться? О Библии ещё не забыл?

– Не забыл. Но главное, чтобы выйти тебе оттуда как можно раньше.

– А если задержат?

– Вот и узнаю сразу. Но не будем гадать. Чему быть... да?

– Да, Афанасий, Бог усмотрит. Молимся!

Помолившись, оба прошли в управление. У входа за невысокой перегородкой над раскрытым журналом клевал носом дежурный.

– Легойда? – переспросил сонно. – По какому во... а впрочем, идите, – безразлично махнул рукой, – там по коридору справа. Он как раз у себя. – И снова уткнулся в журнал.

– Хороший парень, – похвалил его Афанасий. – Бдительный.

– Ага, побольше бы таких, – отозвался Бедарь, внимательно читая таблички на дверях. Подзабытое чувство тревоги исподволь кралось во все уголки души, напоминало о самом первом его аресте.

«Господи, да что же это я? Неужели так забоялся? – обеспокоился не на шутку, но тут же отыскал и положительную сторону страха: – Отвык, стало быть, это уже хорошо».

Он покосился на друга, что не заметил ли тот его состояния. И вздохнул облегчённо: нет, не заметил. А вот и искомый кабинет.

– Ну, я пошёл, – подал руку Игнат.

– Жду, – коротко ответил Сенцов. – Всё будет в ажуре.

Он ещё немного потоптался у кабинета, стараясь услышать хоть какие-то звуки, но всё было тихо.

«Похоже, разговор идёт нормальный», – вздохнул удовлетворённо и взглянул на свои карманные часы «Кировские». Был уже пятый час вечера. Чтобы как-то скоротать время, вышел на улицу и прогулялся вдоль здания, потом, обойдя его, зачем-то зашёл во двор. Словно кто-то подталкивал его туда. У входа в один из подвалов здания стояла подвода, и около неё суетился мужичок в длиннополом тулупе; он то и дело нырял в подвал по огороженной навесом лестнице и возвращался с кипами бумаг, которые укладывал на подводу. Таскать ему было явно тяжело по причине почтенного возраста.

– Бог в помощь, отец! – сочувственно поприветствовал его Сенцов.

– Бог-то Бог, да сам не будь плох, – ворчливо откликнулся тот, не выказывая желаний к общению.

– Тогда, может быть, помочь? – подошёл Афанасий ближе.

– Не треба, уже управился, – так же неприязненно ответил старик и, как бы оправдывая свой отказ, добавил: – Не положено.

– Ну, не положено, значит, и не положено. На нет, как говорят, и суда нет, – пожал плечами Сенцов и уже, было, повернулся уйти, но, скользнув взглядом по подводе, обмер. Поверх как попало наваленных бумаг лежала связка книг, крест-накрест перехваченная шпагатом. Библия! Две книги! – Так это... – проскрипел враз осипшим голосом: – Переезжаем, что ли?

Он понимал, насколько глупым был вопрос, но перед глазами была Библия, и он лихорадочно соображал, как завладеть этим сокровищем. «Как, как? – сверлила единственная мысль. И вдруг откуда-то извне услышалось и чётко запечатлелось в уме: – Петрович! – будто подсказывал кто-то имя старика. – Его зовут Сергей Петрович!»

– А ты, мил человек, пошто так интересуешься? Ты ведь, гляжу, не наш работник? – между тем пытливо взглянул тот на Сенцова.

– Вот те раз! А ты что, *Петрович*, – налегая на слово, не очень уверенно начал Афанасий, – только со своими разговариваешь? – И тут же, увидев быструю реакцию изумлённого старика, ободрился и продолжил уже с похвалой в голосе: – Ну, это ты молодец, *Сергей Петрович*. Марку держать надо. А меня, стало быть, не признал?

– Дак это, – заколебался тот, почесав за ухом, – вроде бы и признаю. – Годами выработанная интуиция подсказывала ему, что перед ним какой-то начальник. Об этом говорили и добротная куртка, и унты, да вообще весь внешний вид Сенцова. И Петрович, смешавшись, сконфуженно развёл руками: – Ничё не изделаешь, старый уже, памяти совсем не стало. Дак ты про что спрашивалто? – И вспомнил: – А-а, нет, не переезжаем. Трубу это внизу прорвало, мокрость кругом, вот бумаги и намокли. Вишь, разбухли как. Что поважнее, наверх перенесли, в архив, а это вот ненужное осталось.

– И куда ж ты всё это добро деть собрался?

– А в кочегарку. Там всё сгорит. – Петрович заторопился: – Ну, ладно, свой ты не свой, а работать надо.

– Так ведь и я к тебе по делу, – голос Сенцова немного выправился: – Поговорить бы надо.

– Ну, какие с дворником могут быть дела? А вот, не дай Бог, кто увидит, что лясы тут точу, беды не оберёшься.

– Да кого ж ты так боишься? Уж не Легойды ли? – усмехнулся Афанасий. – Если его, то с Назаром мы всё уладим.

Расчёт был верный: демонстрация панибратских отношений со следователем (как же: по имени называет!) совсем обезоружила старика.

– Легойда – чё-о! – доверительно понизил он голос. – С Легойдой сговориться можно. Ты с Пехтиным попробуй сладь, ого! Зверь, не мужик! – Но тут же испугался своих слов: – Ты это... азговорился я тут с тобой. Между нами, чтобы это, а?

– Само собой, – успокоил Сенцов. – Мы ж люди свои.

– Ага. Ну, а дело-то, дело какое? – сторожко прищурился старик. – Говори, чего хотел?

– Да ерунда, – небрежно махнул рукой Афанасий. – Мне бы вон те две книги, пока ты их не спалил. Но чтобы тоже – никому, да? Между нами, чтобы.

Мысленно он уже держал книги в руках и перелистывал страницы. Но старик оказался явно хитрее и опытнее, чем можно было предположить, и как ни старался Сенцов придать и голосу, и виду своему равнодушие, сразу скумекал, что тут можно что-то выкроить.

– О-о, ты даёшь, паря, – уже совсем тихо прошептал он, опасливо оглянувшись по сторонам. – Мне ж за это знаешь что может быть? Ого!

– Так всё одно сожжёшь ведь, – на миг растерялся Афанасий. Но только на миг. В следующую секунду в

руках у него уже блеснули часы. Причём в руках они очутились до того, как он подумал о них.

– Я не за так, Петрович. Я отблагодарю. Держи! Ну что, беру книги?

Как молниеносно часы появились у него, с такой же скоростью они исчезли и за пазухой старика. Он едва лишь взглянул на них.

– Да забирай, только поскорей, – вздохнул наигранно. – Можешь вон ишо чё прихватить. Мне-то теперь всё едино: семь бед – один ответ.

– Благодарю, Петрович, – искренне прижал руку к груди Афанасий и бережно сунул книги под куртку. – Другого ничего не надо.

Старик уже уселся на подводу, но коня не тронул, обернулся в любопытстве:

– По мне дак книги-то обе вроде одинаки. Нет?

– Одинаки, одинаки, – подтвердил Сенцов, придерживая рукой куртку. Теперь уже он всем видом показывал, что торопится.

– Редкие, значит, – констатировал старик.

– Редкие.

– Да я это и без тебя понял. Иначе зачем же тебе их две-то одинаких? Ясно, что не читать. Сказал бы хоть, об чём они.

Афанасий внимательно посмотрел на него.

– О Боге, отец, о Боге они, – произнёс тихо, но внятно. – Библия это. Ну, прошевай. Спасибо ещё раз за доброе дело.

Круто повернулся и пошёл со двора, не увидев, какая буря эмоций отразилась от этих слов на лице Петровича и какое при этом искушение старик пытался преодолеть. И вздрогнул от его окрика.

– Пстой! – спрыгнул тот с подводы совсем не по-стариковски, но тут же схватился за сердце и присел. Не рассчитал силёнок. Афанасий в два прыжка очутился около дворника, помог приподняться.

– Возьми назад, – не глядя на него, хмуро сказал Петрович и протянул ему часы.

– Ты чего, Петрович?

– Худо чё-то мне стало, хоть тут и помирай. Забери за ради Христа свою побрякушку; грешно Богом торговать, а я сторговался. Леший, видать, попутал, как увидел эту игрушку заморскую. Сказал бы сразу, что это за книги, может быть, я и так отдал бы, потому что слышал про Библию. Неграмотный я, но не супостат какой.

– Прости, Петрович, – искренне растрогался Афанасий. – Прости. А часы теперь тем более оставь себе. В память о нашей встрече. – Секунду помедлив, обнял старика и добавил: – И о Боге. Видать, встретились мы с Ним сейчас оба, и обоим станет легко. Вот увидишь.

– Ну, спасибо, – голос у Петровича дрогнул: – Мне ведь сердчишко, и правда, отпустило. Ладно тогда, прощай и будь с Богом.

– Прощай, Петрович. А то нам мало не покажется, если засекут.

И чуть ли не бегом заспешил к машине. Уже в кабине с усилием развязал шпагат (от волнения не слушались пальцы) и осторожно отделил слипшиеся книги друг от друга. Обе оказались настолько разбухшими от воды, что листать без опасения порвать листы не решился и завёл мотор, надеясь хоть немного подсушить их. Понимал, что надежда уж больно призрачная, но столь велико было нетерпение, что всё же разлепил одну, показавшуюся

посуше на середине. С той же осторожностью разглядил листы и, расправив Библию на панели, попробовал читать. Однако не смог: и темнело уже, и мешали навёрнувшиеся на глаза слёзы благоговейного восторга. «Вымолил, вымолил, – ликовало всё внутри. – Господи, ведь вымо... – запнулся и поспешил поправиться: – ...лили, вымолили! С Игнатом вымолили! Не думал, не гадал, а... О, мой Господь!»

И, обхватив руками руль, на него же уронил голову и утонул в молитве благодарности.

* * *

– **П**роходи, проходи, – пригласил Легойда, не без любопытства разглядывая бородатого посетителя, и показал рукой на стул у стены: – Посиди, пока я тут разберусь с бумагами. – И уже через минуту выпрямился над столом: – А ты никак из тайги пожаловал?

– Оттуда, – односложно ответил тот.

– Таёжника сразу вижу. Ну, а кто таков, зачем ко мне?

– Бедарь я, Игнат Бедарь.

– Ага, понятно, – явно думая о чём-то другом, кивнул капитан. – Ну, а что... – И аж привскочил: – Бедарь? Это который Игнат, что ли?

– Он самый.

– Ах ты, мать честная, – снова сел Назар. Непонятно было: радуется он появлению Игната или, наоборот, раздосадован. – Сам, значит, пришёл?

– Вы же посылали за мной, вот и пришёл.

– Уважа-аю, – искренне покачал головой Легойда.

– Не-е, правда. Хотя твой приход – ещё одна головная боль для меня, но уважаю.

– Я что, мог не приходиться? – удивился Игнат.

– Мог бы, мог бы, – пробубнил Назар. – Но раз пришёл, давай с тобой начистоту побеседуем. И если найдём общий язык, то... – Он выжидающе посмотрел на посетителя.

– Это смотря, как искать, – пожал плечами Бедарь.

– А-а, хитё-ёр. Я и забыл, что передо мною человек бывалый. Сколько по лагерям-то мотался?

– Ну, это всё моё, другому не передашь.

– Тоже правильно. Тогда не будем соловья баснями кормить, а сразу к делу. Ты ведь, как я полагаю, не только из-за себя здесь?

– Совсем не из-за себя. Ничего противоправного за собой не вижу. Я о сыне пришёл узнать.

– Знаю. Потому и сказал, что уважаю. Могу даже больше сообщить: вышла досадная ошибка. – Капитан пошарил в столе, вытащил какой-то конверт, быстрым шагом подошёл к Игнату и подал ему руку. Когда тот, ничего не понимая, поднялся и подал ему свою, Легойда, стараясь придать голосу торжественность, произнёс: – Ваш сын, Николай Бедарь, за мужество, проявленное при несении боевой службы, представлен к награде. Вот здесь прописано всё о его подвиге.

И так же быстро отошёл от потрясённого Игната. Но, как оказалось, вовсе не новостью о сыне.

– Вот так раз! – тяжело опустился он на стул. – С кого ж теперь за Аню-то спросить? Выходит, жену-то его ни за что, ни про что извели?

Игнат смолк не в силах говорить, и Назар вдруг осознал, что весть о награде сына он принял как должное;

она никоим образом не удивила и не заслонила собой его горя от потери невестки. Таёжник даже не взглянул в документ, а лишь, горестно раскачиваясь, глядел перед собой. Это вызвало ещё большее к нему уважение. Сам капитан почти не сталкивался с делами верующих и был почему-то уверен, что все они боязливые, забытые люди. Этот же не выказывал никакого страха и держался с достоинством.

– Я понимаю тебя, – огорчённо сказал Легойда. – Жаль её. Но что случилось, то случилось, и её уже не вернёшь.

– Кого не вернёшь? – вроде как очнувшись, отреагировал Игнат.

– Аню, невестку твою. Теперь мы установили факт её гибели, и Букин, если выживет, понесёт наказание.

– Не надо наказаний, – тихо сказал Бедарь, – Аня жива.

– Что? – во второй уж раз подскочил за столом Легойда. – Жива? Ты шутишь? Где она?

– Её парализовало после встречи с волками. Надеюсь, она вам не нужна?

– Да на кой ляд она сдалась! – оживился капитан. – Жива: вот что меняет всё дело! – И заходил по кабинету, бормоча что-то не совсем понятное для Игната. – Так-так-так: Аня жива, Букин в ауте, Кеша на фронте. Всё, что и требовалось доказать... – И остановился перед Игнатом: – Ты ничего не путаешь, *товариш* Бедарь? Она жива? Ну-ну, верю. Это я так – для себя. Видишь, как оно получается: я с самого начала сказал тебе, что будем искать общий язык, да? Вот и нашли. Сейчас поймёшь, что имею в виду. Слушай внимательно: я закрываю всю эту бодягу с вашим вызовом и отпускаю тебя к твоей невестке. Лечи, ухаживай, Богу молись, да что угодно

делай, чтобы она выздоровела. Но ты обещаешь мне, что ни сам, ни Анна никакого такого вызова и не видели. Тебя, конечно, об этом никогда и никто не спросит, но она должна знать: ни-ка-ко-го вызова не было, понял? Что, сложно?

– Да нет, понято, – немного оживился и Бедарь. Он прекрасно понял, что не от любви к нему капитан такой сердобольный. Видать, что-то висело над ним дамокловым мечом, какая-то угроза в связи с арестом Ани. Вполне может быть, что это их внутренние слезки друг за другом. Ну, да и пусть дерутся, как пауки в банке. И даже сподобился улыбнуться капитану: – Что ни говори, а приятно иметь дело с интеллигентным следователем.

– Вот, и молодец. Главное, чтобы это усвоила Анна. Я сделаю всё, чтобы её не беспокоить, но... сам знаешь, иногда случается что-то из ряда вон, так пусть лучше будет готова к этому. И всё одно: если понадобится она, то вперёд вызову повесткой тебя. Так, для проформы. Придешь?

– Приду.

– Не сомневаюсь. Эх, жалко, не появился ты раньше денька на три, тогда и Кеша бы на фронт не ушёл. Это тот парень, что за Анной ездил с Букиным. Так вот, он вбил себе в голову, что повинен в её гибели, и упросил меня отправить его на фронт. Кстати, не расскажешь – так, накоротке, – как она из той ситуации выкарабкалась. Кто-то же её спас? А впрочем, сам знаю, что ответишь. Бог, да?

– Да, товариш капитан, Бог, – Игнат смотрел прямо в глаза Назару. – Она молилась, и Бог услышал её.

– Ну да, ну да, молилась и услышал, – с иронией повторил тот. – А как же, только так и бывает.

– А вы представьте на минуту: ни души вокруг, одна голимая степь, а перед вами три голодных волка. И это в святки. Кого бы вы просили? И кто бы вам помог?

– Ну, ты и сравнил, – покровительственно похлопал его по плечу Легойда и показал на кобуру: – Вот мой защитник. Надёжнее любого Бога.

– У Букина с тем Кешей, как я понимаю, этот защитник был, но...

– Э-э, хватит, хватит, – явно сконфузился капитан. – Вам, баптистам, только дай слово, не переслушаешь. А там, глядишь, и сам в баптисты подашься. Теперь мне понятно, почему Кеша за Бога агитировал. Наслушался кого-то, не зря же старушку всё вспоминал. Ладно, давай оставим вопрос открытым. – Легойда улыбнулся: – На пока оставим.

«Сейчас скажет, чтобы сказал ему спасибо за то, что он добрый», – с иронией усмехнулся про себя Игнат и упредил приготовившегося подать руку следователя.

– Три коротких вопроса, товарищ капитан. Позвольте?

– Только побыстрее. Как сказал бы мой шеф: «вновь открывшиеся по делу обстоятельства не терпят отлагательства!» Ну, спрашивай.

– Что стало с тем пареньком или кто там был, который показал, что вёз мне какую-то литературу?

– Не бери в голову. Отпустили его. Не я, и никто из наших. Приказ был свыше. Ты же знаешь, что Библия в списки запрещённых книг сейчас не входит.

– Знаю. Тогда где же то, что он вёз? Имею право спросить, раз это предназначалось мне.

– Ну, положим, не тебе, и это тоже установлено, – возразил капитан и уточнил: – При повторном расследовании. Иначе я бы с тобой не так разговаривал. Ну, или не совсем так. А Библии находятся там, где надо. Куда ни ты, ни я не попадём, понял? Второй вопрос?

– Могу увидеть Никиту?

– На кой ляд он тебе сдался? – изумился Назар.

– Как-никак из одного села.

– Торопов тоже был с ним не только из одного села, а ещё и его родной дядька, а видишь, что вышло.

– Вы предварили мой третий вопрос: он как раз о Торопове. Ведь теперь-то ошибку можно исправить. Аня жива и подтвердит, что Букин оклеветал Илью. Выходит, она второй уже свидетель. А двое – не один!

– Это мы и без Ани знаем, – отмахнулся Легойда. – Но Торопов так же, как и Кеша, уже находится в пути на фронт. Это всё, что я смог сделать для него. И как раз только потому, что Иннокентий успел дать показания о его невиновности. У Торопова был выбор: либо дождаться суда, и тогда – зона, потому что он к тому времени уже дал признательные показания; либо срочная отправка на фронт. Он выбрал фронт. Так что вот так.

– А к Никите, значит, не попасть? Хотелось бы всё же поговорить.

– Забудь! Во-первых, он очень плох; я был у него два раза, и, похоже, он вот-вот отправится на тот свет. А во-вторых, с посещениями в этом заведении очень строго. Туда не то, что тебе – мне трудно попасть. Вообще допуска нет. Знаешь ведь, где он находится?

– Знаю.

– Ну, а что ж тогда спрашиваешь?

– Думал, поможете.

– Больше так не думай, – с ухмылкой посоветовал Легойда. – Я тебе не твой Бог, Который всё может. Ты хотел бы с ним, как я догадываюсь, душеспасительную беседу провести? Так я тебе вот что скажу: твоё спасение души ему нужно, как мёртвому припарка.

– Я лишь говорю о спасении, и оно, конечно, не от меня, – успел вставить Игнат. – Спасение заблудшим душам дарует Бог.

– Да плевать он хотел и на свою душу и на её спасение, – озлился Назар. – Догадайся, что он сделал бы с вами, случись ему выздороветь. Я бы вам, во всяком случае, не позавидовал. Знаешь, кого он больше всего винит в том, что произошло? Сказать? Некогого Николая Бедаря! Он-де отбил у него Аню и этим поломал ему всю жизнь. А ещё он с превеликим удовольствием расправился бы с его отцом, который был проповедником в секте, куда ходил и сам Никита. И ходил исключительно только из-за этой девушки. Ты не в курсе, кто эти люди? Вот то-то и оно. Так что, я бы на вашем месте меньше всего желал, чтобы он, не дай Бог, оклемался. Тьфу, ты, – в сердцах ругнулся капитан, – и я туда же с этим вашим Богом. Не к добру это. Давай на этом заканчивать, если других вопросов нет. Всё? Тогда свободен и скажи спасибо, что я сегодня такой добрый.

«Вот-вот, как же без этого? – невольно улыбнулся Игнат. – Ещё один, очередной пуп земли. Бедные, бедные люди! Как же высоко вы мните о себе, и невдомёк вам, что „кто почитает себя чем-нибудь, будучи ничто, тот обольщает сам себя“».

Легойда принял его улыбку за благодарность.

– В общем, живи, Бедарь, и радуйся. А что? Теперь тебе и жизнь – как жизнь: и сам ещё в силе, и сын – герой, и невестка – живая. Подлечится – и всё пройдёт. Раз уж от волков убереглась... Ну, и упреди её. Не забывай, о чём договорились.

Дверь за Игнатом закрылась, и Назар прошёлся по кабинету, удовлетворённо потирая руки. Остановился посередине и, вытянув руку в сторону коридора, сложил всем известную фигуру из трёх пальцев и раскланялся: «Ваши не пляшут, мусью Пехтин! Как говаривал мой покойный дед: „Вот тут вам и белка, тут вам и свисток!“».

И, запрокинув голову, засмеялся дробным, счастливым смехом.

* * *

Бедарь ещё от угла увидел сизый пар, клубами выходящий из выхлопной трубы в сгустившиеся сумерки, и Сенцова, сидящего в кабине в обычной позе отдыхающего шофёра.

«Мотор разогревал и уснул», – предположил он, подходя к машине, но в тот самый момент Афанасий поднял голову и, быстро склонившись, открыл дверцу. На его лице блуждала такая блаженная улыбка, что Игнат даже приостановился и удивлённо вскинул брови.

– Неужели отпустили? – опередил его вопросом Сенцов.

– Да подожди ты обо мне, – протиснулся в кабину Игнат. – Лучше объясни, с чего ты так цветёшь, как майская роза?

– А вот с чего, – показал Афанасий на раскрытую книгу. – Видишь?

Только теперь, усевшись поудобнее, он заметил книгу, дотронулся до неё рукой и почувствовал учащённое биение сердца.

– Ш-што это, Афанасий? – пробормотал взволнованно.

– Библия, Игнат! Библия! – не сдерживая более своих чувств, выкрикнул тот и обнял друга: – И не одна, а целых две!

– Но откуда они, брат дорогой? – радостно недоумевал Игнат. – Не с неба же они свалились?

– Не-а, не с неба. Наоборот, из-под земли. Из подвала. Слушай. Нет, постой, сначала скажи, что у тебя? Совсем отпустили?

– Да почти что так, но в каком-то неизвестном для меня случае могут прислать повестку. Ты, давай вырливай, по дороге новостями поделимся. Вижу, радость твоя бьёт через край.

– Через край, Игнатушка, через край! Да так, что сердце выскочить из груди норовит, – с готовностью откликнулся Сенцов, включил фары, но с места не тронулся: – Нет, ты погляди-ка, не успели попросить в молитве, а книги уже тут как тут! Невероятно! За то и прославим нашего Бога!

И полилась чудесная, полная ликования и благодарности молитва. На сей раз она как бы подытоживала результат этого благословенного дня. После молитвы Игнат коротко рассказал о своём разговоре с капитаном.

– Выходит, не у тебя одного сегодня на душе праздник, – закончил с улыбкой. – Есть чему и мне порадоваться.

– Выходит, что так. Да. Эх, что за день чудесный выпал сегодня, – продолжал ликовать Афанасий, выезжая

уже на трассу за городом. – Прямо душа поёт, простора просит. Ну что, промчимся с ветерком по ночной степи?

– Давай, – поддержал Игнат. – Только время засеки, за сколько домой доберёмся. Который там час на твоих «золотых»?

– А нету моих золотых, – рассмеялся Афанасий.

– То есть, как?

– А зачем они мне? Счастливые часов не наблюдают, а я теперь счастлив, как никогда в жизни!

– Библии? – догадался Бедарь и недоверчиво присвистнул: – Да ты их случайно не в милиции приобрёл?

– Случайно в ней. Во дворе.

– Купил? Нет? Выменял?

– Ни то, ни другое. Или, может быть, всё вместе. Слушай, как было.

Сенцов подробно рассказал о состоявшейся встрече с дворником и вопросительно взглянул на Игната:

– До сих пор не верится, что со мной такое произошло. Скажи, как я мог угадать его имя? Да ещё и отчество? И вот ещё что смущает: тогда был уверен, что слышал голос, а сейчас сомневаюсь, был ли он. – Афанасий как-то растерянно улыбнулся: – Но ведь я действительно слышал...

– Ты сомневаешься, потому что боишься, – сказал Игнат.

– Чего я боюсь?

– Что тебе не поверят, что ты слышал Бога. Так бывает.

– Наверное, ты прав. Я ведь никому, кроме тебя, не смогу об этом рассказать. Кто поверит? Ещё и на смех поднимут. Ведь это на грани чуда. Да какой там на грани, когда самое настоящее чудо. Но ты-то мне веришь?

– Верю. Верю, потому что это от Бога. Ты далеко не первый и не единственный, кому Бог явил чудо; в Израиле жили пророки, которые не только слышали Его, но и говорили с Ним. Обо всём этом узнаешь, читая Библию. Конечно, видеть чудо, творимое Богом, слышать Его в самом себе приятно и радостно, потому что это зависит не от нас и не стоит нам ни-че-го: мы только приходим к Нему и просим. Но если просим искренне, Он отвечает. Вот как ответил сейчас, подарив нам Библию. Бог берёт на Себя наши заботы и печали и дарует нам Своё бремя. И никто не задумывается об этом Его бремени, поскольку оно никого не отягощает, а, наоборот, несёт облегчение. Христос сказал: «Придите ко Мне, все измученные и обременённые, и Я успокою вас; возьмите иго Моё на себя и научитесь от Меня, ибо Я кроток и смирён сердцем, и найдёте покой душам вашим, ибо иго Моё благо, и бремя Моё легко».

Тут труднее другое: то, что зависит уже от нас. Сможем ли мы сохранить веру в увиденное и услышанное, не подвергнем ли сомнению, которое есть первый шаг на пути к забвению. Забыть всё о том, что тебе сделал Господь, – в этом и кроется опасность сомнения. И твоя задача теперь постараться не встать в ряды тех, кто забыл о милости Божией и вместо благодарности стал обвинять Его в своих бедах.

– Разве такое может быть?

– Может, Афанасий.

– Кто, например? Расскажи.

– О, брат ты мой. Примеров так много, что не сразу и выберешь, какой привести. Пожалуй, лучше всего вспомнить о том, как Господь выводил народ Израиля из Египта,

потому что вряд ли когда-нибудь ещё совершалось столько чудес, да ещё таких наглядных. Самое невероятное чудо Господь содеял, когда разделил море и провёл евреев по морскому дну, как посуху; а когда они достигли другого берега, вновь сомкнул море и утопил в его волнах войско фараона, которое преследовало беглецов. Видя это, люди славили Бога, но как только возникли другие проблемы, снова стали обвинять во всех бедах Моисея и Бога. И так раз за разом. Ты слышал об этом исходе?

– Понятия не имею, – сконфузился Афанасий. – Во всяком случае, ты мне не рассказывал, а других источников у меня – увы и ах!

– Верно, не рассказывал. В зоне я больше из Нового Завета проповедовал.

– О Моисее я что-то слышал. Это было что-то очень давнее.

– Давнее, да. Но с того времени мало что изменилось. Уже через века, во время пребывания Христа на земле, люди, воочию видевшие творимые Им чудеса, тем не менее просили дать какое-нибудь знамение, чтобы поверить в Него. Даже Иоанн Креститель, крестивший Иисуса в Иордане, однажды засомневался: дескать, тот ли Он Мессия, Который должен прийти? И послал своих учеников ко Христу спросить об этом. Тогда Иисус сказал им: «Пойдите, скажите Иоанну, что вы видели и слышали: слепые прозревают, хромые ходят, прокажённые очищаются, глухие слышат, мёртвые воскресают, нищие благовествуют; и блажен, кто не усомнится во Мне!»

Вот эти последние слова, Афанасий, для нас, верующих, ориентир: хочешь стать блаженным, то есть, счаст-

ливым, не подвергай сомнению то, что слышал от Бога. Сомневаться – значит не верить в Божий промысел, не верить тому, что всё в нашем мире происходит с Его ведома и по Его Слову. Ну, приводить примеры больше не стану; у тебя теперь есть Библия, и обо всём узнаешь сам.

Игнат взял одну книгу, прикинул на вес:

– Отяжелела. Хорошо, видать, затопило тот подвал.

– Листы все слиплись, – беспокоился и Сенцов. – Хоть бы совсем уж не повредить их.

– За это не переживай. Мы и не такие восстанавливали. На зоне, помню, буквально из лоскутков сшили Библию на загляденье. Её листы уголовники уже на скрутки для курения раздербанили, так мы кое-как уговорили отдать их нам. Выпросили за два стакана самосада. Ох, и ржали тогда они над нами. Нашли, мол, придурки, чему радоваться. А мы – да, мы радовались. Вот примерно так, как ты сегодня. Кстати, время-то у меня на ремонт книг будет? Когда вы с Галиной уезжаете?

– Скорей всего, послезавтра, – предположил Афанасий. – Я тебя сейчас там с ними оставлю, а сам на базу. – Он что-то прикинул в уме: – Да, так и есть. Ну, а стало быть, завтра после обеда заеду за ней.

– До завтра я с книгами разберусь. Будут они тебе, как новые.

– Да нам одной хватит, – улыбнулся Сенцов, – а другая, пожалуй, тебе нужнее будет. Сам же говорил, что недостаёт Библий в церквах.

– За это спасибо, брат. Их не то, что недостаёт, а катастрофически не хватает. Видишь, думал я, гадал, где для тебя книгу найти, а вышло, что ты для меня приобрёл. Оставим, значит, её для Ани с Ефросиньей. Anne

это большая духовная поддержка, и Ивановне будет теперь, кого слушать да спрашивать. Любознательности старушке не занимать.

На другой день друзья расстались. С доброй молитвой, добрым напутствием и обоюдными обещаниями свидеться в ближайшее время.

* * *

Когда Легойда предупреждал Игната о возможном вызове, то и не подозревал, что встретиться им придётся довольно скоро, но уже не на его территории, то бишь, не в милиции, а в тайге, на известной нам заимке. Появился он там в конце августа, аккурат когда туда перед посещением Анны заглянул и Бедарь. И если в планах Игната для этой встречи место не значилось, то, как потом выяснилось, капитан очень надеялся на неё. На заимку он прибыл в сопровождении районного начальника, своего давнего друга Петра Тарасова, с личной просьбой о помощи к леснику. Скрывать ничего не стал и напрямик выложил суть дела: дескать, ещё в самом начале месяца из больницы сбежал некий Никита Букин. И всё бы ничего, пусть бы бежал, но в том-то и беда, что при побеге он убил милиционера и прихватил с собой его форму и оружие (револьвер системы «наган»). Спустя несколько дней из этого нагана был убит сторож и ограблен магазин на окраине города. После этого, по предположению Легойды, Букин сколотил банду и стал орудовать по глухим деревням. Похоже, он возненавидел весь мир, и, принимая во внимание, что с психикой у него не всё в порядке, дров Никита может наломать немало, если его быстро не остановить. Судя

по передвижениям, банда вскоре может появиться в этих краях, тем более, что местность хорошо знакома гвардию. А поскольку в милиции последнее время острая нехватка кадров (что поделаешь, уходят люди на фронт, да и здесь гибнут в борьбе с уголовным элементом), то особая надежда на лесников. Ну и хорошо бы к этому делу привлечь охотников артели, раз уж как нельзя кстати тут их представитель, Игнат Бедарь, погодился. Вот бы, мол, он и поговорил с ними. Да в самом-то деле: кто, как не они, мог бы помочь ликвидировать бандитов! Или хотя бы навести на их след. По описаниям свидетелей, их трое, а может быть, даже четверо. Все теперь хорошо вооружены, и по закону военного времени в случае сопротивления их следует уничтожить. Почин в этом направлении сделал два дня назад охранник одного сельпо. Мужик не робкого десятка, он хоть и сам сильно пострадал, но успел ткнуть вилами одного из грабителей. Ещё и поэтому Тарасов думает, что Букин подастся в знакомые ему края, где его «каждый кустик ночевать пустит». В больницу раненого подельника не повезёшь, а тут могут его и подлечить, и кров предоставить.

После короткого разговора Тарасов остался с лесником, а Назар отозвал Игната в сторонку.

– Вот и свиделись, – сказал серьёзно. – Я, как видишь, обещание своё сдержал: ни тебя, ни Анну не тревожат. Хотя хорошо знаю, где она.

– И на этом спасибо.

– Теперь жду помощи от тебя.

– Да что ж от меня особого ждать? Ваше предупреждение и просьбу артельным передам, и что они решат, так и будет. А я, как и все.

– Ну, не скажи, – хмыкнул капитан. – Как все. Я, брат ты мой, кой-какие справки о тебе навёл. Лучше тебя этих мест никто не знает: ты ведь все деревни и сёла в округе на много рядов проехал, они у тебя наперечёт. Что, разве не так?

– Может быть, и так. Не мне судить.

– И в каждом селе ли, деревне ли, свои люди имеются, – продолжил Назар. – Которые, тем паче, законопослушные.

– Вон даже как, – усмехнулся Бедарь. – Я как-то больше слышал, что мы вредим государству. Чуть ли не враги скрытые. В кои это веки власть нас законопослушными признаёт?

– Да ладно тебе старое ворошить, – примирительно сказал Легойда. – «Кто старое помянет – тому глаз вон!» Да? В общем, не то время сейчас, чтобы обиду друг на друга держать. Война всех уравнила.

– Пусть так, но чем конкретно мои верующие могут помочь?

– Понимаешь, в последнее время люди всё меньше помогают нам в борьбе с бандитизмом. А если и помогают, то о-очень неохотно. То ли так уж боятся этих самых бандитов, – пожал плечами Назар, – то ли ещё что?

– А сами разве не догадываетесь, что? – быстро взглянул на него Игнат. – Как раз вот это самое «ещё что». Человек поможет – подскажет там или даже задержит преступника – глядишь, и сам вместе с ним, а то и вместо него за решёткой очутится. И это сплошь и рядом. Я уловил вашу мысль, но призывать верующих идти ловить бандитов не стану.

– Ну, зачем же так сразу и ловить? – как-то кисло улыбнулся капитан. – Просто проявлять бдительность,

сообщать, когда чуть что заметили. Главное, чтобы не пособничали.

– Вы, наверное, не расслышали, что я сказал.

– Ты сказал обо всех.

– А верующие точно такие же люди, только шишек им достаётся от власти больше, чем другим. Но могу вас заверить, что прятать у себя бандитов никто из них не будет. Мне кажется, это вы хотели услышать?

– В какой-то мере, да. Ладно, теперь что касается лично тебя и Анны. Помнится, ты говорил о каком-то спасении Никиты. Не забыл?

– Не забыл. И кто знает, если бы вы тогда дали мне с ним свидание, может быть, ситуация с Никитой не зашла бы так далеко.

– Снова да ладом, – впервые за время их разговора Легойда выказал раздражение. – Говорено же было, что это не в моих силах. Но раз уж ты напомнил об этом, то кое-что напомним и я. Например, об угрозах Никиты в твой адрес. А перед самым его побегом, он грозился «порешить» ещё и какую-то Феню. Якобы она «продала» его кому-то. Вот, мол, как только выйду, так и «порешу». Аньку порешил и Феньку порешу. Так и выразился в нашу последнюю с ним встречу, и я отнёс это на счёт его шизофрении. Теперь я к его заявлению отношусь с полной серьёзностью, потому что это так называемая навязчивая идея. Никита знает, что жить ему осталось недолго, и постарается ублажить себя. Об этом меня предупредил врач-психиатр, лечивший Букина. Прибавь сюда, что кто-то из банды ранен, а Никита хорошо знает Ивановну. Она ведь их с Сенькиным однажды уже подлечила. Теперь смекаешь? А если

он к ней заявится и увидит Анну? Что скажешь на это, товарищ Бедарь?

– Думаю, это серьёзно, – явно взволнованный, весь подобрался тот. Он уже решил, что надо делать: – С Никиты станет.

– Тогда ты должен обезопасить Анну. Вижу, что ты уже собрался к ней. Но если тебе не всё равно, что будет и с другими, с той же Феней, то скажи мне, где её искать. Хотя бы успеть предупредить. Если, конечно, знаешь, кто она.

– Знаю, – сказал Игнат. – За этой девушкой он вроде бы ухаживал.

– А адрес её?

– В Ключах она живёт. Там все друг друга знают.

– Сегодня же найдём её, а ты, значит, уже собрался идти? Не поздновато, ночь ведь на носу?

– Это не в счёт. Светло-то до полуночи. Спасибо, товарищ капитан, за участие. Не скрою, редко выпадает встреча с добрым человеком, который носит эту форму. Что ж, «Доброе имя лучше большого богатства».

– Это кто, ты так считаешь? – прищурился Легойда.

– Библия. Приятно вам это слышать или нет, но так считает Библия.

– Не-е, чего уж там, приятно, конечно.

– Тогда ещё раз спасибо за участие.

– И тебе спасибо. Ещё увидимся. Не забудь о моей просьбе.

– Нет, это нет. Сами же сказали, что мы – народ законопослушный. И так оно и есть, потому что Сам Господь велит нам «повиноваться и покоряться начальству и властям, быть готовыми на всякое доброе дело. Никого

не злословить, быть не сварливыми, но тихими и проявлять всякую кротость ко всем людям». Видите, как? Вот ещё бы только сама власть нас не трогала, тогда совсем хорошо бы было. А мы, по силам нашим, стараемся выполнять Божьи заветы.

– Ну-ну, старайтесь, – добродушно улыбнулся Легойда и покачал головой уже вслед скрывшемуся Игнату: – Вот ведь весь день на охоте! И когда только учит свою Библию? Ночами, что ли? Нет, зря всё же на них напраслину так-то гонят: были бы все люди, как они, так, может быть, и милиции не надо было бы. Во всяком случае, что работы нам было бы меньше, – это уж точно.

* * *

Вто самое время, как Игнат распрощался с Легойдой, у ворот Ефросиньи Ивановны остановилась телега, запряжённая сивой, в яблоках лошадкой. С минуту пошевавшись, с неё не прыгнул, а каким-то грузным мешком тяжело сполз человек в форме милиционера. Огляделся ещё раз, убедился, что улица безлюдна, и махнул рукой двум своим напарникам.

– Давайте, вон туда, в распадок, – проскрипел натужно. – И чтобы через полчаса были тут.

Постоял, подождал, когда они отъедут, и, чуть приоткрыв калитку, боком проскользнул во двор. Ещё раз огляделся и без стука вошёл в избу.

Ивановна услышала шаги и, думая, что это обещавшийся приехать сегодня Бедарь, заспешила из кухни.

– Ой, кто это к нам тут пожаловал? – вытирая руки передником, приговаривала радостно. И встала, как вкопанная: – О Господи. Чего вам?

– Не узнала, што ль, Ивановна? – каким-то сдавленным клёкотом произнёс тот, держась за грудь одной рукой. Другая болталась на какой-то грязной повязке через шею.

А она уже узнала и в сильной тревоге загородила собой путь к занавеси, отделяющей комнату от койки, на которой лежала Анна. Хоть бы не вздумал заглянуть туда незванный гость. Да хоть бы на своё горе не выбежал Матюшка из кухни к матери.

– Каким это ветром тебя, милоч? – только и сподобилась вымолвить старушка. И хотела бы для отвода глаз спросить поласковее, да не вышло.

Уловил Никита интонацию, глаза сощурил. Всё же сказал, насколько мог, деликатнее:

– В прошлый раз ты, бабка, радушнее была. Что ж теперь так грубо гостя принимаешь? Я тот же Никита, что и был. Кешу-то, друга моего, небось, лучше помнишь? Ну, да ладно, сердись не сердись, а я к тебе опять за помощью. И сразу уйду, раз не ко двору седни. Не бойся, не обижу. Раненый я. Посмотри вон руку.

– Ну, показывай, – подошла она. Обещание сразу уйти чуть убавило тревогу. Но как только распеленала руку, страх с новой силой охватил её. То, что колотые раны по руке от предплечья были нанесены вилами, видно было, как говорится, невооружённым глазом.

– Кто ж это тебя? – невольно вырвалось у неё. – Где располосовал-то её так?

– На задании, Ивановна. Сама знашь, какая она, жизнь милицейская. Сегодня живой, а завтра грох-

нули тебя. – И скривился от боли: – М-м-м, рвёт, нету мочи.

– Да-к ты вроде как в больнице должен быть, какое же задание? – не удержалась она от вопроса, и спохватилась, увидев, как он взбесился: – Да люди много чего скажут; и приврут, да недорого возьмут. А ты, вишь, на задании. А-а, вон ведь как бывает. Вот и слушай их после этого.

Ох, не надо было ей так-то в Никите сомневаться. Потемнел лицом мужик, затрясся да заскрежетал зубами, не поймёшь, то ли от злобы, то ли от боли. Того и гляди ударит.

– Не суй свой нос, куда не следовает, – прошипел, свирепо выкатив глаза. – Не твоего ума это дело. – И простонал, схватившись за плечо: – Да дай же чего-нибудь. Горит, спасу нет!

– В больницу тебе надо, – уже более участливо сказала старушка, но как раз это его почему-то взбесило ещё больше.

– Это я и без тебя знаю, дура старая, – прохрипел, отбросив всякую деликатность, и попытался удержать её за руку, но тут же зашёлся в кашле, скрючился вопросительным знаком.

– Ну, тогда, милоч, вот тебе Бог, а вот и порог, – решительно указала она ему направление. – И чтобы дорогу сюда забыл.

– Ивановна, – отдышался он. – Не зли, ой, не зли меня. Я сильно нервный чичас изделался. Дай своего зелья, и я уйду. Не бесплатно, вот, – Никита сунул здоровую руку за пазуху и выташил пачку денег: – На, бери. Все бери. Только дай своего лекарства. Дай! – сиплым, сдавленным шёпотом выкрикнул уже без надежды, но

с угрозой. И вдруг что-то сообразил, поводит удивлённо глазами и так же тихо, с прищуром и вкрадчиво: – Ради Христа, а, Ивановна? Ты же сама Бога упомянула, дак помоги страждущему да болезному. Мне бы только до больницы дотянуть, а там будь что будет, а?

– Правда, в больницу пойдёшь?

– А куда ж мне деваться? А, Ивановна, дашь?

– Я дам лекарство, только стой здесь и не сходи с места, – приказала старушка. – Хоть и временно, но полегчает от него. Потом снова намажешь. Но ни с места, чтобы.

– Да, да, Ивановна, мне бы хоть так. А я тут стою – не сойду.

Старушка проворно юркнула в кухню, вынесла круглую жестяную баночку и, смазав раны, отдала её ему. Сама отошла, выжидательно и в то же время в некотором сомнении глядя на незваного пациента: дескать, поможет ли?

Прошло несколько томительных минут, и он, облегчённо выдохнув, прислонился к косяку. На лице изобразил какое-то подобие улыбки, а когда заговорил, то и вовсе расслабился, и даже голос не так уже хрипел.

– Ну вот, а говорила в больницу, – умиротворённо пробормотал, пряча баночку в карман гимнастёрки. – Нет, Ивановна, мы – народ жилистый, живучий. Бери деньги-то. Заработала.

– Не надо мне твоих денег, Никита. Уходи, как обещал.

– Ну, эт-то уж теперь ты мне не указ. Захочу – уйду, а может, и не захочу. Ты мне теперь перед Богом своим поклянись, что никому обо мне не скажешь. Ну! – повысил голос до крика: – Слышала-нет? Клятву дай!

И тут, словно откликом на его возглас, из кухни выбежал мальчонка.

– Не кричи на бабушку, – насупив бровки, пролепетал довольно чётко и напрямиком к Ивановне: – Я всё съел, бабуля.

– А это кто тут у нас будет? – шагнув от косяка, проворно перехватил его Никита и склонился, разглядывая пацана: – Ты чей?

– Мамин и папин, – смело смотрит малыш в глаза незнакомцу.

– Внучок это мой, быстро отпусти его, – запаниковала Ивановна.

– Я – Матвей Бедарь, – между тем продолжил мальчик. – Вот папка с фронта ка-ак вернётся, так он тебе покажет, как на бабушку кричать.

– Отпусти ребёнка, Никита! – кинулась к нему старушка, но отшатнулась, увидев направленный на неё револьвер.

– Стой там, ведьма! – с перекошенным от ненависти лицом Букин приставил наган к головке Матвея и, прижав его к себе под больную руку, дико расхохотался: – Хоть в одном повезло! Теперь вот вы где у меня все! Теперь кое-кто у меня попляшет! А ну, не двигайся или я его пристрелю.

– Отпусти дитё, – упала на колени Ивановна. – Я тебе лекарства ишо дам. Такое, что и в больницу не надо будет идти.

– Ташши быстро, тогда и поговорим.

– Сначала отпусти дитё, – умоляет Ивановна.

– Ташши, кому сказал! – захрипел Букин, поднимая руку с наганом. – Ну, быстро!

И вдруг изменился в лице, побледнел, задёргалась конвульсивно левая щека, а в глазах отразились одновременно изумление и мистический ужас. Попятился вояка и даже не заметил, как из внезапно ослабевшей руки выпал наган и состукал прямо к стоявшей на коленях Ивановне. Как заворожённый, он не сводил глаз со странной фигуры, явившейся к нему сквозь стену избы. Малыш, учуяв послабление, скользнул на пол и с рёвом кинулся к бабушке; та успела отшвырнуть револьвер в кухню и прижала ребёнка к себе. Только тогда обернулась и застыла в том же изумлении, что и Никита, который беззвучно шевелил пересохшими губами. Перед ними в длинной белой рубашке, словно в белом саване, худая, с распущенными волосами и горящими глазами стояла Анна. На фоне белой занавеси всё выглядело так, будто она и впрямь прошла сюда сквозь стену. Вот она, теряя равновесие, чуть пошатнулась, но удержалась и всё так же молча шагнула к нему с вытянутой рукой.

– Сгинь, уйди п-п-проклятая! – упёрся спиной бывший милиционер в косяк и замахал, словно отпугивая назойливых мух: – П-пошла, пошла вон, нечистая сила! Иди к своим волкам.

– Батюшки-светы! Анютка! – невольно перекрестилась и Ефросинья, и этот жест, видимо, добил теряющего рассудок Букина. Значит, не мерещится ему! Тонко взвизгнув и втянув голову в плечи, он с такой силой двинул дверь, что провалился и упал. Но тут же поднялся, пулей выскочил во двор и, не оглядываясь, побежал к подельникам, уже ожидавшим его у ворот. Будто спортсмен-разрядник, с разбегу, не касаясь бортов, взял высоту телеги и распластался на её дне на соломе.

– Гони, Ипат, – просипел затравленно.

А лошадка и так уже, не дожидаясь окрика, – видать, без кнута передался ей животный страх Букина, – рванула с места и понеслась по безлюдной улице деревни. Оно хоть и светло ещё, а уж не меньше как одиннадцатый час пошёл.

Между тем Ивановна в полной сумятице чувств (и не прошедший ещё страх, и внезапно охватившее благоговение) не знает, что делать: то к Анне с Матюшкой подбежит, то обратно к двери кинется. И только увидев, как во весь опор подхватила от ворот телега, припала на колени и дала волю слезам облегчения и радости.

– Аннушка, доченька, призрел Господь на молитвы наши, – шепчет, чуть ли не захлёбываясь в ликующем восторге. – В самый страшный час поднял тебя, чтобы оградить от супостата. Не дал ему поизмываться над ребёнком. – Поднялась и ну ошупывать Аню с головы до ног да осыпать вопросами: – Да уж ты ли это? Не чудится ли мне, старой? Стоять-то не больно? Как, хоть скажи, Господь поднял тебя?

– Не знаю, – тихо всхлипывает и Аня. Она сама ещё не верит, что стоит на своих, не совсем ещё послушных ногах, никак не на смелится склониться к прижавшемуся к подолу Матюшке, и только гладит его по головке. Но ноги дрожат и покалывает их со всех сторон так, будто оживают они после того, как отерпли. Это ощущение часто испытываешь в детстве, когда «отсидишь» ноги. – Живы-ые, – в робкой надежде лепечет она и пробует присесть. Получилось! И рвётся из груди торжествующий вскрик: – Живые! Ноги живые, тётя Фрося!

– Я вижу, вижу, – обнимает её та. – Слава Отцу Небесному! – И озабоченно глядит, как прикрыла Анна глаза ладонью: – Что, детка?

– Голова кружится, – виновато улыбается Аня.

– Ну, дак понятно же, – засуетилась Ивановна, – столько пережить за один вечер. Да где там вечер – час. Пойдём приляжешь. Оно и Матюшке уже время спать. Пойдёмте, пойдёмте.

– Мама, бабушка, – теревит их по очереди Матюшка. – Не думайте, что я такой бояка. Я этого дядьку понарошку побоялся.

– Да никто так не думает, – погладила его Анна и вздохнула: – Кто знает, сумела бы я встать, если бы ты за бабушку не заступился.

– Правда? – просиял мальчонка и, заглядывая маме в глаза: – Правда-правда?

– Правда, сынок.

– А раз ты встала, то я с тобой спать буду? А то всё на полатях да на полатях.

– Хорошо, ложись здесь, заступник ты наш. Смелый, как папа твой. Вон какого дядьки не побоялся.

– Пусть он попробует только ещё раз прийти, – погрозил пальчиком малыш и даже плечики расправил:

– Я ему покажу!

Через минуту он уже спал своим светлым детским сном и лишь изредка вздрагивал; видать, приходил в его сон тот ужасный миг. Анна с бабушкой в такой же светлой грусти молча сидели около него и так же раз за разом прокручивали в памяти только что пережитое.

– Да как же случилось, что ты встала? – нарушила молчание Ивановна. – Или так и не сообразишь, как всё произошло?

– Теперь вроде могу, – откликнулась Аня. – Теперь вспомнила. Я долго не могла понять, кто с тобой разговаривает. Лежу, молюсь да плачу: колода ведь колодой, ни голоса разобрать, ни на лицо взглянуть. А как он Матюшке-то угрозился, тут и поняла, что Никита это. И захолонула душа, зашлась вся в отчаянье да бессилье, что ничего не могу сделать. Голос, и тот пропал от страха за сыночка. Кричать-то кричу к Богу, а голоса нет. Думала, что и сердце вот-вот остановится. И тут будто кто-то сбросил меня с койки, будто пружина какая во мне спружинила. Не знаю, как, но очутилась уже перед Никитой. А когда увидела, как он перепугался да поняла, что сам боится, то исчез мой страх, ушёл, будто и не было. Ещё откуда-то силы взялись. Уже и руки протянула, кажется, так бы и схватила окаянного, да он уж сбежал.

– Так сбежал, что двери чуть не вышиб, – взволнованно подтвердила старушка. – Да как-то с петель они ишо не слетели. Что, Аня?

– Тётъ Фрося, давай помолимся, да я лягу. Устала что-то.

– Да, конечно, конечно, давай. Ты так и сиди, а я тут около тебя и привстану, и помолимся.

После молитвы, заботливо укрыв Аню с ребёнком, Ивановна села к столу и раскрыла Библию. Ту, что подарили Афанасий с Игнатом. За прошедшие с того дня полгода Аня научила её читать, и теперь, как только выдавалась свободная минута, она тут же садилась за Библию. Пытаясь во всём подражать Бедарю, она больше всего любила Псалтирь и некоторые из псалмов уже знала наизусть. Посетовав, что Игнат, наверное, уже

не приедет сегодня, ещё раз помолилась и прочла: «Господь – свет мой и спасение моё: кого мне бояться? Господь – крепость жизни моей: кого мне страшиться? Если будут наступать на меня злодеи, противники и враги мои, то они сами преткнутся и падут».

И словно туманом застило ей глаза. Ивановна уронила голову на руки и зашлась слезами:

– Ах, как верно-то всё у Тебя, Господи, – шептала старушка. – И преткнулся враг, и упал. Будь благословен Ты вовеки!

* * *

Телега уже вылетела за околицу, когда третий из компании помог Букину подняться. Внешность этого типа не очень-то располагала к общению. Из-за чрезмерно вздёрнутого носа с широкими вывернутыми ноздрями, рот его был постоянно открыт, отчего верхние, жёлтые от табака, зубы всегда были на виду. Ну, а вкупе с выцветшими, навывкате глазами под шетинистыми белёсыми бровями, весь он сильно напоминал и кролика, и хряка одновременно. Смотря с какого ракурса на него глядеть.

– Что там у тебя стряслось, братан? – спросил он с обычной для него ядовитой усмешкой. – Укокошил бабку, что ли?

– Укокошил? – механически переспросил Никита. Его безумный взгляд постепенно приобретал осмысленность. – Не-е, Вася, хуже. Еле ноги унёс. Костлявая там с косой. Привиделась ли, нет ли, не знаю. Вот как тебя шас вижу.

– Э-эх, – укорил его тот, – вот пошли бы вместе, то ничего бы и не привиделось. Говорил же тебе, дак не-ет, всё сам хочешь. Всё один.

– Старуха, Васька, от одной твоей рожи околела бы, и вот чего бы я получил, а не лекарства, – сунул Букин под нос напарнику кукиш. – А теперь вот оно, моё избавление. Сейчас посмотрим, чё там осталось.

Он неспешно достал из кармана баночку, открыл её, убедился, что она почти полная, и бережно закрутил крышку. Потом привычно ощупал себя здоровой рукой и заволновался, не найдя нагана. Привстал в телеге, переворошил солому, но и там его не было.

– Чего потерял-то? – встревожился Василий, при этом он не скрывал досады. Обиделся, видать, на слова главаря. Заслышав тревожные нотки в его голосе, полуобернулся и Ипат, и вопросительно взглянул на Никиту.

– Погодь, погодь, – бормотал тот, – где же он?

– Да кто, он? Потерял-то что, говори толком.

– Мать честная! – вспомнил Букин и резко выпрямился: – Я ведь там выронил его. – И, поймав раздражённый взгляд подельника, озлился сам: – А, чтоб тебя! Наган там оставил, наган! Быстро развертайся!

– М-м-м, – будто от зубной боли взвыл Васька, – вот уж не было печали. Говорил ведь...

– Да заткнись уже! – рявкнул Никита. – Давай, давай, Ипат, скоря.

Ипат лихо развернул лошадку и погнал снова в деревню.

– Никита, ты это... не сердчай, – примирительно сказал Василий. – Но ты же сам сказал, что там костлявая. С косой.

– Видать, помрачение снова вышло, не понимаешь, что ли? – так же без прежней злобы пробубнил тот и даже похлопал его по плечу: – Заберу шас оружие и гульнём на славу! Тужиков за товар хорошие бабки обещал. Так что будет навар.

– Вот это дело! – повеселел Васька. Или сделал вид, что повеселел. Деньгами вожак их не баловал: – А порожняк он не прогонит?

– Пусть только попробует, себе же дороже сделает, – ухмыльнулся Никита и указал на лошадь: – Вон задаток-то его у нас. Конь добрый, каких поискать. Петра за него со всех постов разжалуют, если что.

– А если что? – опять обернулся Ипат.

– Если конфискуем за неуплату вместе с телегой, – хохотнул Букин.

– Ну, ты голова-а, – восхитился Васька. Теперь он явно льстил Никите. – Всё предусмотрел.

– Век живи, век учишь, – покровительственно сказал тот и, несмотря на быстрый ход, поторопил Ипата: – Ты, давай, погоняй, чё плетёмся, как неживые.

Но вышло как раз наоборот. Уже взявшись за кнут, Ипат вдруг резко натянул вожжи.

– Тпру-у, проклятая, – просипел вмиг осевшим голосом и, не дожидаясь, когда лошадка совсем сбавит ход, соскочил, схватил её под уздцы и начал разворачивать прямо на улице. Молчаливо шерясь, одной рукой он держал коня за уздцы, другой тряс и тыкал вперёд: дескать, туда, туда смотрите.

Седоки едва успели ухватиться за борт телеги, чтобы не вылететь из неё, а когда телега развернулась, оба, как по команде, привстали, пытаясь разглядеть причину

такого испуга Ипата. И если Васька ничего страшного там не увидел, кроме одинокого путника, вынырнувшего из того самого распадка, где они поджидали Никиту, то сам Никита закусил губу от мгновенно охватившего тягостного предчувствия. Хоть и был мужик ещё далеко, но показался ему знакомым.

– Бедарь, с-собака, – свистящим шёпотом подтвердил его догадку Ипат, снова вскочив на телегу. – Тут ведь где-то его сектанты живут.

– Ну, и чего? – вскинулся Васька и рукой зашарил в сумке под ногами. – Долго его замочить, что ли? Где там моя справа, шас я его сам...

– Сиди! – рявкнул Никита. – Он из тебя в один присест отбивную сделает. Спроси вон Ипата.

– Так ты его и замочишь, – через плечо поддержал тот, усиленно подгоняя коня. – Он белку за сто шагов в глаз бьёт. Не видел, что он с ружьём? Ладно бы, хоть не узнал нас.

Но Игнат узнал. Бросилась в глаза милицейская форма на стоявшем в развернувшейся телеге мужике. Узнал и ускорил шаг.

– Никита! – прокричал, сложив ладони рупором. – Стой, Никита, поговорить надо!

Но повозка быстро удалялась и скоро исчезла из виду.

– Поговорим, поговорим. Только как-нибудь в другой раз, – мрачно бубнил Никита. – Теперь давай, Ипат, за перелеском налево, по пути в Ключи сначала заскочим. Должок вернуть надо одной особе. Да всё там будет тихо, не бойсь! – не дал возразить открывшему, было, рот Ваське. – Дело-то минутное. Потом сразу в Брагино

к Тужику, пока нас этот поп не опередил да нос свой туда не сунул! Всё по пути. – И уже совсем тихо: – Настучит ведь, если Анька не привиделась мне и жива. Разнесут теперь по всей округе, что Никиту видели. А хоть и привиделась, то всё одно настучит. Бабка расскажет. У-у, Божья коровка, полети на небко... Все люди – звери! – И в бессильном гневе схватился за голову, проклиная и Бедаря, и Анну, и раненую руку, и вообще весь мир, не отдавая себе отчёт в том, что он-то и есть зверь. А мозги так и сверлит одно-единственное, но неразрешимое сомнение: – Неужели она живая?

Игнат, проводив их долгим взглядом, сокрушённо покачал головой, вроде как жалея Никиту: «Пропал мужик, однако. Дружков вон где-то подобрал себе под стать. Знают ведь, что недолго верёвочке виться, а... – и споткнулась мысль: – А может быть, как раз и не ведают? Потому что Бога не знают, а сатана последствия рисует самые радужные – обещает сухими из воды выйти. Награбленное-то добро глаза застит, и задуматься над этим некогда. Вот оттого и видит око, да зуб неймёт! И никто им не указ, и редко кто из близких решается вмешаться, чтобы остановить их. Стоп! – Игнат даже схватился за голову: – Да ведь я им помешал! Легойда же предупредил, что в банде есть раненый, и они могут искать Ивановну. А если уже были у неё? О Господи, да что ж я тут рассусоливаю?»

И в считанные секунды одолев последние метры, заскочил в избу да там и присел у двери; увидел сидевшую за столом старушку. Она уткнулась лицом в ладони и плечи её вздрагивали. Ивановна плакала.

«Опоздал! – промелькнуло в голове и будто молотом по наковальне застучало в ушах: – Опоздал! Опоздал!»

– Ефросинья Ивановна! – окликнул упавшим голосом. – Что-то с Аней? Никита тут был?

Она машинально кивнула, и тяжесть ещё большим грузом сдавила ему сердце: дескать, так и есть, опоздал. Но когда она отняла руки и подняла к нему лицо, разглядел такой ликующий восторг сквозь слёзы, что тревогу как рукой сняло.

– Дак это чё? – растерялся он. – Это как понимать?

– Дождались, Игнат Николаевич, дождались, наконец, – прошептала старушка, упрещающе приставив палец к губам. – Встала наша Аннушка! Поднял её Господь! Пойдём в кухню, чтобы не разбудить их с Матюшкой. Переволновались так, что сразу и уснули. Вот отседа и доседа шаги она изделала. Ой, да как же вовремя ты погодился! Ну, пойдём, пойдём я всё по порядку об-скажу, – взяла она за руку гостя, застывшего истуканом с блаженной улыбкой на лице. И немудрено: ведь столь долгожданная весть когда бы ни случилась, всегда будет неожиданной. Ошеломлённый, в охватившем благоговении перед Божьим промыслом, он покорно пошёл за Ивановной. Так же машинально снял с плеча свою двустволку, пытаясь её куда-то притулить.

Старушка подхватила ружьё, поставила в углу кухни. Потом оттуда же извлекла револьвер и протянула его Бедарю.

– Вот, гляди, чем этот Никита грозился. Куды ж теперь его девать?

Вид нагана вернул Игната с небес на землю; он представил себе Букина, размахивающего наганом перед беспомощной старушкой, и его обуял страх из-за того, что

произошло в этой крестьянской избе. А Ивановна уже сбивчиво рассказывала ему и про наган, и про лекарство, и о Божьей милости, явленной Аннушке, и давшей ей силы подняться через полгода неподвижности.

– Вот только благодаря ей, милости Божией, и спаслись от супостата, – закончила рассказ старушка.

– Бедная ты моя, Ефросинья Ивановна, – обнял её растроганный Игнат. – Вот это трофей тебе достался, так трофей!

– Кого ты сказал? – не поняла она. – Кто достался?

– Про оружие это я, про наган этот. Родная моя, сколь же натерпелась ты от него за это время!

– Как Бог воздал нам за молитвы, так я ишо столько же стерпела бы, – всхлинула Ивановна. – Только бы у Аннушки навсегда это.

Они опустили на колени и приклонились головами друг к другу, но лишь только Игнат начал молиться, как почувствовал ещё чьё-то присутствие и, прервав молитву, взбросил глаза. В проёме дверей в кухню стояла Аня. Она так тихо вошла, что никто из них не услышал.

– Тятя, я не спала и хочу молиться с вами.

– Анята, дочка, ты встала! – порывисто поднялся Игнат и обнял невестку. – Слава Тебе, Господи, что Ты послал нам сегодня такое счастье, такую радость, что не вместить в сердце человеческом. – Голос его прерывался от сильного волнения. – Долго мы ждали этого часа и быстро дождались. Слава нашему Всемогушему Богу! Ты стой-стой, доченька... Или сможешь уже на колени? А-а, тогда мы во-от так, – придержал он её, и вместе встали к Ивановне: – Будем славить Бога. Столько времени мы лишь просили, теперь пришла пора прославить Его.

Игнат поднял сложенные перед лицом ладони кверху: «Благословен Господь, ибо Он услышал голос молений моих. Господь – крепость моя и щит мой; на Него уповало сердце моё, и Он помог мне, и возрадовалось сердце моё...».

В унисон этим словам в слезах и в радости молились и Ивановна с Аней. Чудное, благословенное время молитвы, время полного единения с Богом. Вот уж воистину: «Пойте Господу, святые Его, славьте память святыни Его!»

И ещё раз прервалась молитва, теперь уже из-за негромкого стука в дверь. Негромкого, но всё равно неожиданного. И тут же, не дожидаясь приглашения, в дверь протиснулась, ну, прямо о-очень солидная женщина.

– Соседка моя, – шепнула Ивановна. Она успела подняться и теперь вопросительно смотрела на гостью, вполне резонно ожидая объяснения столь позднего визита.

А соседка и не думала скрывать. Первым делом пытливым взором обшарила все углы в горнице и только потом прошла к ним в кухню.

– Дак, а милиционер-то с дружками где? – поинтересовалась, присаживаясь к столу. – Не возвернулись разве?

Вот что значит деревня! Ни души на улице, а всё известно!

– А тебе они, Авдотья, на что нужны? – усмехнулась Ефросинья.

– Ну, боязно же за тебя стало. И чего это, думаю, припёрлись...

– Дак взяла бы да и зашла, пока он тут был. Чего проще-то? Зашла бы и узнала.

– Ага, так вот взяла и зашла, – даже обиделась Авдотья на такое, как ей показалось, глупое предложение. – Зайти-то зайдёшь, а выйдешь ли потом. От этих бандюг разве что доброе может быть?

– А с чего ты взяла, что это бандиты? – удивился Игнат. Он уже раза два видел эту женщину, когда проводил здесь собрания. – Один же из них в форме был. Милиционеры, стало быть.

– То-то и боязно, что в форме. Обнаковенный-то бандит только что сворует или ограбит, а эти ироды и ограбят да тебя же ишо и заарестуют. Мы тебе чё – дети неразумные: не понимаем, что ли? Он, вон, милиционер этот, лошадёнку-то, ни у кого другого, как у Петра Тужикова то ли кан... как это... канфикс...

– Конфисковал, – догадался Игнат.

– Ага, – облегчённо выдохнула Авдотья, – канфиксация. – Отобрал, словом, у Петьки; то ли с ним самим в сговоре. Петька-то – хлюст ещё тот.

– Ты это, Авдотья, о чём? – насторожился Игнат. – Он ведь какой-никакой, а начальник. Не боишься так говорить про него?

– Кого? Вас с Ивановной бояться, что ли? Да вам самим бояться их надо, – многозначительно поджала губы говорливая соседка.

– Ну, это ладно, боимся мы. А откуда про лошадь знаешь?

– А чё ты мне тут допрос устраиваешь? – притворно возмутилась Авдотья. – Как будто мне больше делать нечего, как сплетни собирать! – И плечами эдак передёрнула, однако сама же и продолжила без всякой паузы: – Мужик мой в Брагино вроде как конюхом

при колхозе был, а на самом деле только и делал, что вот на этой самой коняжке в яблоках – конь приметный, не спутаешь – Петра по гулянкам возил. Потом он дурня моего простодырого «отблагодарил» за службу верную, ирод. На три года в тюрьму определил. Сами там проворовались в поссовете ихнем, а на Степана всё свалили. – Авдотья вытерла уголком платка несуществующие слёзы. – Это чтобы он, дурак-то мой, много про его шашни да делишки тёмные не смог обсказать. Он, вишь ты, со-овестливый был. Это ж надо было догадаться, чтобы тамошнему участковому обо всём поведать. Торопов, кажется, участковый-то. Ну, конечно, хотел-то как лучше, вот и получил на орехи.

– Да-а, это дело серьёзное, – задумчиво протянул Игнат. – Но хоть кто-нибудь пытался как-то Степана защищать? Или самой в милицию на Петра пожаловаться, или ещё как? Нет?

На лице Авдотьи появилась столь снисходительная улыбка от его вопроса, что Игнат даже смутился. Не улыбка даже, а некое выражение жалости. Так смотрит учитель на нерадивого ученика, который плохо выучил урок и оттого несёт всякую ерунду.

– Да-а, правду говорят, что вы, баптисты, не от мира сего, – как бы жалеючи вздохнула она. – Ты что, Игнат Николаич, и впрямь с неба свалился?! Чтобы и меня упекли рядом с ним? Да ладно бы ишо рядом, а то ведь зашлют на край света. Вот как тебя на этот, как его, Бело... – И смолкла говорунья на полуслове, будто косточкой поперхнулась, увидев, как сидевшая в углу Анна поднялась и пошла на плач ребёнка. Пока она сидела, соседка и не смотрела в её сторону: ну, сидит да и сидит. Часто

её Ивановна так-то за стол усаживала. Принесут с кем-нибудь и посадят. Теперь же Авдотья не сводила с Ани изумлённых глаз и, открыв рот, проследовала взглядом за ней в горницу. И даже руку вскинула, чтобы перекреститься, но не решилась, и так, с зависшей рукой, и замерла. Потом потёрла ею виски.

– Дева-а, дак она чё, ходит? – осведомилась об Анне почему-то в третьем лице. – Ну и чудеса-а. А когда встала? Встала-то, говорю, когда?

И сразу забыла обо всём, и как не ждала приглашения войти, точно так же, не дожидаясь ответа, заспешила к двери, пояснив на ходу:

– Некогда мне, засиделась я, а дома дел невпроворот. Будто её тут силой удерживали.

– Ну, теперь повалят бабоньки одна за другой, – спрогнозировала Ефросинья. – Хорошо, что полночь уже, а то бы и шас тут были. Надо ворота с калиткой запереть, а то жди весёлого утра. Ложись, Аня, чую, что ни тебе, ни ребёнку поспать не дадут.

– Не надо запирать, пусть идут, – улыбнулся Игнат. – Пусть видят люди Божий промысел. Это действеннее всякого мудрого слова. А заодно и я поговорю с народом. Ну, кто там придёт. Я как раз до утра и побуду.

– А потом? – встревожилась Ивановна и, словно догадалась о чём-то, приобняла Аню: – Ты ведь хотел пару деньков здесь провести?

– Да, Ефросинья Ивановна, – понял её движение Игнат, – надо нам теперь с Аней к своему берегу прибиваться, а то ведь дом без хозяина – та же сирота. И её заколоченный стоит, да и мой вроде как бесхозный. Забыл уж, когда последний раз в нём был. Вот

приведу всё в порядок и приеду за Аней. Скоро войне конец, Коля вернётся, и решим тогда, в каком остаться. А тебя ещё чаще, чем прежде, буду навещать. – И поправился: – Будем, будем, конечно. Но прежде всего отвезу твой трофей в район капитану Тарасову: в доме держать его негоже, ещё нам же что-нибудь и припишут за хранение. А так-то, думаю, что оч-чень благодарны они тебе должны быть. Особенно Легойда, про которого я уже столько рассказывал. Кстати, как фамилия Авдотьи и её мужа?

– Брянцевы они. А что?

– Буду просить, чтобы пересмотрели его дело, как они говорят: «в свете новых открывшихся обстоятельств».

– Ой, да дал бы Господь, – вздохнула старушка. – Он ведь такой у неё смиренный был – мухи не обидит, а так охаяли, будто вор из воров.

– Тогда давайте помолимся за всех униженных и праведников, страдающих за грехи других. Чтобы быстрее настал день, когда Господь избавил бы их от уз и они вместе с нами вознесли Ему славу. Ведь это для них сказано: «Радуйтесь, праведные, о Господе: правым прилично славословить».

* * *

Прогноз Ивановны подтвердился: было ещё раннее утро, а в избе уже был добрый десяток женщин, и некоторые из них, несмотря на ранний час, с детьми. Но было и двое стариков. А люди ещё подходили, в том числе и из других сёл, столь быстро разнеслась добрая молва о больной племяннице Ефросиньи (так она представляла

Анну). В деревне все знали её и очень жалели. За эти полгода сердобольные сельчане чего только не приносили её сыночку в гостинец, каких только советов не советовали, чтобы поднять её от болезни. И почему-то надеялись, что она встанет. А те, кто верил в Бога (к примеру, вот эти старики), ещё и непрестанно молились за её выздоровление. В общем, секрета из её болезни никто не делал и тайной это ни для кого не было. И вот – чудо свершилось! Хотя большинство гостей восприняло это как добрый знак, но нашлись и сомневающиеся. Так, две женщины, явно не местные (и, как потом выяснилось, медики), с разрешения Ани тщательно осмотрели её – одна, стесняясь, другая не очень – и в итоге попросили назвать лекарство или лекарства, которые помогли побороть болезнь.

– Молитвы, – кротко отвечала Аня, – только молитвы Иисусу. Мои и всех моих братьев и сестёр по вере. И ещё их любовь. – Она в смущённой улыбке обвела взглядом горницу: – Да вот они все тут, спросите у них.

Тогда Игнат, оберегая её от столь интенсивного общения (очень скоро у неё закружилась голова, да и много ли надо ослабевшему организму?), попросил Ивановну ещё раз подробно рассказать о вчерашнем приключении, начиная с визита бандита (теперь это уже ни у кого не вызывало сомнения) в милицейской форме, а потом уже сам обратился к сельчанам с проповедью об исцеляющей силе Иисуса Христа. Рассказал о том, как люди приводили к Нему своих немощных близких, одержимых разными болезнями, в том числе слепых и парализованных, и Он исцелял их.

«И ходил Иисус по всей Галилее, уча в синагогах их, и проповедуя Евангелие Царства, и исцеляя всякую болезнь и всякую немощь в людях», – сказал в заключение Бедарь и призвал к покаянию.

Сначала вышли к нему два тех старца и, склонившись на колени, со слезами на глазах прославили Бога; за ними потянулись и женщины, а Игнат всё призывал. Вот пошли и те, что были с детьми, и на всех он возлагал руки, и просил Иисуса принять их к Себе. Последней подошла уже знакомая нам Авдотья и теперь уже с настоящими, а не мнимыми, слезами обратилась к Богу с просьбой облегчить участь мужа.

– Молись, дорогая сестра, непрестанно о муже своём, – возложил на неё руки Игнат. – Только с верою молись, и вот как сейчас услышала в сердце своём Иисуса, так и верь в Его любовь и всемогущество, и будет тебе по Слову Его.

Лишь ближе к обеду он отправился в обратный путь на подводе с Пахомычем, местным стариком-конюхом, а уже в три пополудни караульный пропустил его в кабинет Тарасова. Игнат даже не удивился, что застал там капитана Легойду, а тот с молчаливым интересом встретил его: дескать, с чем пожаловал. Игнат не спеша достал из своей походной сумки белую тряпицу, осторожно развернул её и выложил на стол револьвер системы «наган». Привстали от неожиданности оба капитана, подвинул оружие один другому и вновь молча воззрились на него.

– Вчера в Лютово одна старушка у Букина конфисковала, – пояснил Бедарь обиденным голосом, поочерёдно взглянув на обоих. – Он к ней раненый за

помощью приходил. – И повернулся к Легойде: – К той самой Ивановне. Это вам ответ, как наши прихожане реагируют на бандитов.

– Вот это ты, Игнат Николаевич, услужил, так услужил, – первым отозвался Тарасов и расплылся в улыбке: – Прямо хоть к награде старушку ту представляй.

– А что, и представим, – поднялся Назар и заходил по кабинету. – Если подтвердится, что наган принадлежал тому милиционеру, то дело Никиты, можно сказать, замкнётся.

– Ну да, – хмыкнул Тарасов, – если ещё экспертиза покажет, что все четыре человека были убиты из него. М-да, и останется сушая ерунда: задержать Букина. Только где его искать? Ведь тогда получается, что он не мог быть в Ключах. Не может же он почти в одно и то же время в двух местах орудовать, а значит, Болога действительно может его не знать. – Он кисло улыбнулся и знаком остановил марширующего Назара: – Слушай, а может быть, нам стоит посвятить товарища Бедаря... Да? Вдруг да его людям известно что-нибудь.

– Согласен, – с готовностью принял предложение Легойда и попросил ничего не понявшего Игната присесть в углу за столом.

– Сейчас приведу человека, и отсюда ты его хорошо рассмотришь, – пояснил доверительно. – Сейчас всё поймёшь. Видишь ли, мы тут одного типа задержали, и тоже вчера. И знаешь, где? У Фени Босых. Погоди, погоди, – жестом остановил Бедаря, заметив, что он хочет что-то вставить, – потом свои соображения выскажешь, а то у меня времени совсем не остаётся. Возвращаться надо в Абакан. Так вот, наши орлы поторопились взять

его, а теперь и попробуй докажи, связан ли он с Букиным или нет. Упирается мужик, дескать, знать не знаю и знать никого не хочу. А что зашёл, так просто, мол, за самогоном. Но откуда тогда знает, где взять этот самый самогон, если не местный? В общем, пока вопросов больше, чем ответов. Думаем, есть смысл, чтобы ты взглянул на него. – И снова перебил пытавшегося что-то сказать Игната: – Потом, потом, сначала взгляни на него.

Открыв дверь, Назар крикнул караульного, и через несколько минут тот привёл какого-то замухрышного мужичка, в котором читатель сразу бы узнал Василия, подельника Никиты.

– Ну? – быстро взглянул Легойда на Игната, но тот отрицательно покачал головой: дескать, нет, никогда не видел. Такого «джентльмена» достаточно увидеть хотя бы мельком один раз, чтобы он запечатлелся в памяти навсегда.

– А ты не спеши, присмотришь получше, – снова шепнул Назар.

Арестант настороженно взглянул на них, с полным безразличием отвернулся и вопросительно уставился на сидящего за столом Тарасова.

– Ну-ка, подойди сюда, Василий Болога, – приказал капитан и пододвинул наган к краю стола: – Узнаёшь?

– Ты чё гонишь, начальник? – нагло вато ухмыльнулся Васька. – Я своей правой обхожусь, а эту пукалку не знаю, с какого конца брать.

– Я и не говорю, что это твой наган, куда тебе до таких вещей. Это ж Букина, посмотри хорошо. Или как ты его зовёшь: Бука?

– Да не знаю я никакого ни Букина, ни Бякина, – нахмурился белёсый бровки, возмутился Болога. – Чё ты,

начальник, шьёшь мне чужие дела, когда у меня своих выше крыши. За своё и отвечу.

– Ну-у, тебя уж и спросить нельзя, – насмешливо сощурился капитан. – Недотрога прямо. Может, скажешь, и в Лютово вчера не был?

– А чё я там потерял? Не был я нигде. Вот где взяли, там и был, – уже не так нагло выпалил Васька, при этом глазки его трусливо забежали.

– Да верю, верю, – быстро обменялся Тарасов взглядом с Легойдой и вопросительно кивнул в сторону Игната: дескать, не стоит дальше при постороннем-то допрашивать арестованного.

– Уведи, – сказал тот конвоиру, – пока мы тут беседу закончим. – И повернулся к Игнату: – Итак, товарищ Бедарь, что ты порывался сказать?

Ответить Игнат не успел. Васька, находясь уже у двери, расслышал фамилию, резко обернулся и бросил на него уничижительный, полный ненависти взгляд:

– Со всякой сектой шепчетесь да в бирюльки играете, а меня дак ни за что схапали и сгноить готовы. Эх, жаль, я вчера не замочил тебя, гада, послушался придурка... – И только тут спохватился, что выдал себя с потрохами, и юркнул, было, в двери, но конвоир по команде Тарасова схватил его за шиворот и усадил на стул у стола.

– Ну, что? – грозно прорычал капитан. Куда и делся его смешливый, чуть с юмором тон: – Вляпался? Говори, где Никита, или я тебя сейчас урою!

– Где сейчас, про то не знаю, – мгновенно сдался Болога. – Всё остальное расскажу. Только секту сначала уберите. Я против их воевал и воевать буду.

– А-а, так ты ещё и воин? – удивился Легойда. – А я думал, просто вор. Смотри, нам Букин теперь не так-то и нужен. Мы теперь спокойно все трупы повесим на тебя – и вся недолга, правда, капитан?

– Конечно, – подтвердил тот.

– А я чё, я – нет. Не убивал. Это они с Ипатом. Я же сказал: всё скажу, – заелозил на стуле Васька и зашмыгал носом. – Только сперва уберите...

– Ты тут условия не диктуй, – брезгливо оборвал Назар и кивнул конвоиру: – Уведи. Пусть пишет чистосердечное. – И снова заёрзавшему на стуле Бологе: – Зачтётся, зачтётся. Иди, вояка, и постарайся вспомнить всё, в том числе и где сейчас может находиться Никита.

И вот, только что наглый, самоуверенный уголовник на глазах превратился в покорную, тихую дворняжку и, будто на поводке, засеменял за конвоиром, втянув голову в плечи.

– Быстро спёкся, однако, – сморщился, как от зубной боли, Легойда. – Тьфу, ты, а гонору-то было. Ну, ещё раз спасибо, товариш Бедарь, за помощь. Ах, да, ты ведь, наверное, насчёт старушки хотел поговорить? Так мы подумаем об этом.

– Совсем нет. И думать не надо, капитан. Во-первых, верующему человеку мирская награда ни к чему, у него одна награда – спасение Христово. А во-вторых, вам же снова неудобно будет. Или забыли?

– Ах, ты ёлки зелёные, – несколько смутился Назар. – И правда, запомятовал.

– А что такое? – заинтересовался Тарасов.

– Да нескладно как-то вышло, – нехотя отозвался Легойда. – Сына его на фронте к награде за мужество

батальонный представил, а в верхах не дали. Баптист, мол. Ну, что ж, бывает.

– Да мы не в обиде, – улыбнулся Игнат. – Мне тут кое-что на ум пришло, когда ваш Болога проговорился, что вчера с Букиным был.

– Ну, это он нам сам напишет, – довольно хмыкнул Тарасов.

– Напишет. А вот о чём может не написать, так это, на чьей лошадке они втроём гарцевали по Лютово. Это вам, кстати, о том, как быстро Никита смог очутиться в Ключах. Лошадка у них была уж больно резвая; я глазом не успел моргнуть, как они уже за околицей очутились.

– Так-так-так? – подтянулись оба офицера. – Вот тебе и разгадка. Приехал Никита, что-то почуял, сам затаился, а Бологу подослал к Фене. Всё правильно. И чья же она, лошадка та?

– Тужикова. Конь, серый в яблоках, он тут один на всю округу.

– Вот тебе раз! – присвистнул Тарасов и просветил Легойду: – Есть у нас председатель такой в поссовете, тёзка мой, Пётр. А ты сам, значит, видел, Игнат Николаевич? – вроде как засомневался капитан.

– Да, издали, когда они от меня драпанули. Но Никиту разглядеть я успел, поскольку он в форме был, а тех двоих – нет. Главное, сельчане эту лошадку и повозку признали: Тужикова, мол. Вот и проверьте Петра на наличие того и другого, и пусть объяснит, если их не окажется. Может быть, украли, но тогда объяснить бы надо, почему он не заявил об этом. Кстати, у Петра есть родственник, которого Ипатом все кличут, так не его ли Васька упомянул? Ну, вот, у меня всё. Дело это не моё, и разбираться в этом не мне.

– Да, задал ты нам задачку, – пощёлкал языком Тарасов и почесал в затылке. – Тужиков, Тужиков... Ну, что ж, когда-то надо будет и с ним разобраться.

– Не когда-то, Пётр Иванович, а прямо сейчас едем к нему, – решительно поднялся Легойда. – Мне про Тужикова ещё Торопов перед своим отбытием на фронт рассказал: он, мол, Никиту и подбил оклеветать его, потому что этим доносом опередил Илью. Прознал, видать, Пётр, что участковый уже вплотную подобрался к нему по поводу краж (сбагривали воришки Тужикову краденое добро), а тут аккурат Букин с пьянкой да с Аней прокололся, вот председатель поссовета и не упустил шанс упредить разоблачение. Упрятал Торопова. – Назар одёрнул гимнастёрку, надел фуражку. – Так что, действуем. Чую, у него Никита, и пока он ещё больше дров не наломал, едем сейчас же. Авось, да в точку твой рассказ, товарищ Бедарь. Заодно насчёт краденого барахла проверим.

– Тебе же в город пора, – напомнил Тарасов.

– Меня поймут. Это дело поважнее будет, – отмахнулся Легойда и кивнул Игнату: – Вижу, что-то ещё хочешь сказать? Говори, не стесняйся. Поможем, чем можем. Должны же мы хоть как-то тебя отблагодарить.

– Да есть у меня одна просьба. Ну, это больше к Петру Ивановичу и как раз в дополнение к вашим словам.

– Говори.

– Невольным свидетелем махинаций Тужикова одно время был колхозный конюх Степан Брянцев и год назад рассказал Торопову кое-что о его делишках. Так вот, именно тогда молодчики Петра подстроили кражу муки со склада, а обвинили во всём конюха. Три года схлопотал мужик.

– Ну-ну-ну, – запротестовал Тарасов. – Я это дело помню. Брянцев сам признал кражу.

– Так ведь и Торопов признал, что покрывал отца дезертира, угрожал Никите, да и ещё что-то там признал... – Игнат вздохнул, взял сумку и направился к двери: – Вам ли не знать, чего стоят эти признания? Ладно, вы разрешили, я спросил. Будьте здоровы и на том, что выслушали.

– Постой, товариш Бедарь, не кипятись, – остановил его Легойда. – Тут так просто, с кондачка, ничего не решить, но подумать – подумаем обязательно. Ты чего хотел-то?

– Того и хотел, чтобы разобрались да помогли невинному человеку выйти на волю.

– Вот что, Игнат Николаевич, – прикинул что-то в уме Тарасов. – Скажу так: сейчас мы едем к Тужикову, и если возьмём Букина или хотя бы что-то подтвердится из твоих показаний насчёт Брянцева, клянусь, сделаю всё, чтобы вытащить его из тюрьги.

– Не надо кляtv, Пётр Иванович, – грустно улыбнулся Игнат. – В наше время их бывает очень трудно сдержать. «Прежде всего, братья мои, не клянитесь ни небом, ни землёй и никакой другой клятвой... дабы вам не подпасть осуждению». Вот такой совет даёт нам Библия. Как видите, это было актуально и много-много веков назад.

– Ты же знаешь, что нам Библия не указ, – усмехнулся Тарасов. – Но так и быть: тогда я обещаю сделать это. Пойдёт?

– Только, чур, не приводи и на это обещание цитат из твоей книги, – тут же с усмешкой вклинился Назар. – А то я смотрю, у тебя на каждый чих есть из Библии

стих. – Тут он довольно расцвёл: – Ну вот, и я, прямо как поэт, заговорил. Да-а, вот всем ты мне нравишься, Игнат Николаевич: и умный мужик, и смелый, и руки золотые, – видел твоё творение на заимке, ну, просто любо-дорого смотреть! А как подумаю о вас, баптистах, так и тошно становится. Ну, к чему ведёт ваша такая... э-э, маниакальная, что ли, вера в Бога? Вот прямо всем готовы пожертвовать ради своего Христа! Но смотри сам: даже такая гнида, как Болога, и тот ненавидит вас, что он только что продемонстрировал. А ведь вы вроде как раз за них, бедных да разобиженных, и молитесь? И получаете в ответ вот такого Ваську. Как там у бабушки Крылова: «А Васька слушает да ест!» Да? Даже обидно за вас. Нелогично как-то получается.

– Нелогично, если не знать Библии, но очень даже логично, если ты своей жизнью следуешь Писанию. Христос никогда не обещал верующим в Него беззаботную жизнь, наоборот, предупреждал, что «...будут предавать на мучения и убивать вас; и вы будете ненавидимы всеми народами за имя Моё ...Если Меня гнали, будут гнать и вас... Но всё то сделают вам за имя Моё, потому что не знают Пославшего Меня». То есть, гнать верующих расценивается таким вот Васькой, как защищать Бога: «...всё то сделают вам за имя Моё», – повторил Игнат. – Человек, побывавший в лагере, может в полной мере осознать, сколь пророческими оказались эти слова. Там ничего не стоит натравить урку на верующего, а уж ненавидеть баптиста – и вовсе для любого урка святое дело. Болога потому и опростоволосился сейчас, что считает себя в этом вопросе помощником власти: сами же видели, как он обиделся, что вы со мной шепчетесь, а его, мол, не

привечаете. Другой вопрос: кто это внушил ему? Вот где нужно искать логику: кому это выгодно? Столь высокие материи не для его ума. Ну, не допускаете же вы, что он сам разобрался в религиозных конфессиях.

– Пстой, – перебил его Тарасов. – С высокими материями попозже разберёмся; сам в этих конфессиях ничего не смыслю. Я вот о чём: если я хоть что-то понял, вы отдаёте себе отчёт в том, что вас ждёт, и тем не менее это не останавливает вас. Идёте проповедовать, заведомо зная, что вас будут гробить?

– Вы правильно поняли. Именно это я и хотел сказать.

– Извини, Игнат Николаевич, но тогда это издевательство над самим собой, и называется оно садомазохизмом. А вот для чего это вам нужно – убей, не пойму!

– Тут вы не правы: мы не издеваемся над собой – с этим успешно справляется лагерная администрация, да с её же ведома известные в зоне «паханы» уголовников. При надобности любой их шестёрка всегда готов всадить тебе заточку в спину, потому что ему вдолбили в голову: эти баптисты – враги креста. Таким образом лагерная власть решает свои проблемы за счёт урока. Но мы, страдая, терпим все унижения, потому что первым пострадал и претерпел мучения Христос. И нам Он заповедовал поступать так же, ибо только «претерпевший до конца спасётся».

– Во-во, я так и знал, что без пресловутого вашего спасения дело не обойдётся, – с иронией подхватил Легойда. – Нет, чтобы себя спасти... ну, хоть от той же тюрьмы... – и запнулся, поймав какую-то мысль: – Или для вас тюрьма – это цель, чтобы... как ты сказал: претерпеть и спастись?

– Не цель. По своей воле никто туда не идёт. Но если оказался по какому-то подложному делу, – а других на нас не заводят, не в обиду вам будет сказано, – то не кляни судьбу, а радуйся, что получил возможность благовествовать Христа, распятого за наши грехи. Тому же Ваське Бологе.

– Ты, конечно, шутишь, сейчас, Игнат Николаевич, – сказал Назар.

– Нет. Лагерная жизнь – не только одни мучения. Радость, которую испытываешь при покаянии отпетого уголовника, не сравнить ни с какой другой. Можете себе представить уголовника с Библией в руках? Уверен, что нет. А это не какой-то единичный случай.

– Всё-всё-всё, на этом дебаты закончены, – поднял перед собой руки Легойда. – Как-нибудь в другой раз мы тебя с удовольствием послушаем, а сейчас поехали. Дорога каждая минута. Иди, конвой тебя проводит.

– Ну, удачи вам, – пожал им руки Бедарь и вышел.

– Моё обещание остаётся в силе, Игнат Николаевич, – крикнул вслед ему Тарасов и тут же Легойде: – Ну, что скажешь, Назар?

– Скажу, что в другой раз таких диспутов устраивать не стоит. А если устраивать, то надо хоть немного почитать эту самую Библию. Ну, чтобы как-то потолковее поставить его на место. Но я два раза принимался её читать и оба раза безуспешно. Сплошная бессмыслица.

– Почему тогда у него всё к месту оказывается?

– А ты посиди с его в лагерях, – хохотнул Назар, – да почитай, сколько он читает, глядишь, и поймёшь что-то. А если серьёзно, то не советую тебе, Пётр, даже и в руки брать эту книгу. Знал я одного не просто умного – ум-

нейшего человека: доцент, кандидат наук, ещё какие-то регалии имел... Так вот, он взялся однажды за Библию, чтобы уличить своего родственника-богослова в каком-то неправильном толковании и высмеять его публично. Не буду томить рассказом – кончилось тем, что сам он попал на Соловки за проповедь Христа. Кстати, он знал Бедаря. В общем, выбрось из головы эту идею, а давай-ка, присядем «на дорожку» да займёмся своими делами. Они у нас, ох, как неважнецки обстоят.

Прихватив с собой двух милиционеров, они выехали на служебной «эмке», и через полчаса глазам их предстала прелюбопытная картина: Тужиков, избитый, спеленатый верёвками по рукам и ногам по всем правилам уголовного искусства, и кляпом из тряпок во рту нашёлся в подполе собственного дома. Был он к тому же по горло завален картошкой личного хранения, так что милиционеру, первым открывшему крышку подпола сделалось плохо; голова на фоне картошки вызвала у него тошнотворную реакцию. Но потом оказалось, что тело тоже наличествует, хоть и связанное, но совсем не отдельно от головы.

Поскольку сам Пётр долго не мог сказать что-то вразумительное и только ошалело озирался по сторонам, Тарасов приказал милиционерам начать поиски его жены и детей. Вот тут Тужиков сразу пришёл в себя и попросил не делать этого. Он, мол, сам отправил семью к родственникам незадолго до нападения на него грабителей. Зачем? Да просто погостить. И хорошо, мол, что сделал это, уберёт от злодеев. Кто они, эти злодеи, он ни сном ни духом. Пришли, оглушили, связали и бросили в подпол. Когда? Да вот, ранним

утром. Он и открыл-то им, потому что подумал, жена вернулась. Что вымогали? Да ничего. За что же тогда били? Уверен, что кто-то подослал отомстить за его бескомпромиссную деятельность на посту председателя поссовета. Он ведь как: он невзирая на лица действует, вот кто-то и обиделся.

– А лошадка твоя где?

– Дак не знаю пока. Вот оклемаюсь и найду.

– А вчера Букин с Ипатом на ней гарцевали, это как?

И «поплыл» бескомпромиссный председатель Петя Тужиков при упоминании Никиты. Но сдал подельников не сразу. Сначала признался, что это Ипат увёз семью к родным. Вот как раз на этой лошадке. Дескать, Пётр, не подозревая подвоха, сам отослал их, чтобы наедине поговорить с Никитой да образумить его. А тот вдруг совсем с катушек съехал (и что за идиот его из больницы выпустил!), ну, а дальше сами видели, что.

– Слушай сюда, Пётр, – сурово сказал Назар. – Ты, как выражаются твои подельники, «попал за всю мазуту». Поэтому тебе будет намного спокойнее, если сейчас же укажешь все адреса, где Никита может найти приют. Сделай это, пока не начался обыск и не нашли всё награбленное как Букиным, так и другими твоими кентами. Тогда с Тарасовым оформим тебе явку с повинной, и это сильно облегчит твою участь. Что Никита забрал большую часть ворованного, не сомневаюсь, но не всё же? Что-то и осталось, ведь так? Думай: три минуты на размышления.

– Это мне за Илью прилетело, – скуксился Тужиков. – Думал, что просто турнут из органов, а ему вон чё. Это Никита уже понавывдумывал насчёт его угроз. Ладно,

везите в управу, всё расскажу. Жена с детьми только чтобы не видела...

– Адреса! – прошипел Легойда. – Где он может быть сейчас, быстро!

И, наказав милиционерам доставить его на перекладных в управу, сами погнались на «эмке» по ближайшему указанному Тужиковым адресу. И лишь к вечеру следующего дня, после бесплодных поисков, усталый Тарасов вернулся в кабинет. Букин с Ипатом как в воду канули. На это указывала и обнаруженная на берегу бурной речки Казыр повозка, но серого в яблоках коня ни запряжённого в неё, ни рядом пасущегося не было. Места тут дикие, безлюдные, где-то тут год назад нашли следы погибшей изыскательской экспедиции Кошурникова, главного инженера проекта трассы Абакан – Тайшет. Гибельные, словом, места. А уж зачем было Букину бежать в эти края, и унесло ли их течением при попытке переправиться на другой берег или заблудились в тайге, осталось только гадать. И ждать, не появится ли где кто-нибудь из них.

Ну, а бывший председатель поссовета уже сидел в тот день в казённом доме и радовался жизни: как-никак, а не забил его Никита до смерти, что делал с другими людьми. Через месяц-другой радости и вовсе прибавилось: ушёл Тужиков на первый свой этап с более чем наполовину скостившимся по кассационной жалобе сроком. Три года лагерей вместо семи по первому приговору суда. Тоже ведь радость, а как же!

К концу войны и сроки стали помягче.

Забегая вперёд, скажем, что выполнил обещание Тарасов: через два месяца после описанных событий вышел

на волю конюх Степан Брянцев, и гостивший у Ивановны Игнат встретился с ним и его женой.

– Это Бог меня в тот день послал к Фросе узнать про тех бандитов, – еле сдерживая слёзы, повторяла она, когда Степан на коленях славил Бога. – Да вместо них встретила Игната. А иначе бы ещё два года не вышел Стёпа. А страшно-то там как! Уж он мне порассказывал – одна ужась!

На этом мы оставим наших героев и проследим за забытым уже нами добровольно ушедшим на фронт Иннокентием.

* * *

Сторож мелко-оптовой базы Сенькин встряхнулся от воспоминаний, прошёлся взад-вперёд по отгороженному от улицы высоким дощатым забором двору и вышел за ворота. Так, посмотреть на всякий случай на магазин напротив. Он тоже входил в объект его охраны. Воровать там давно уже было нечего, но прибавка к жалованью какая-никакая всё же соблюдалась, поэтому надо было хотя бы делать вид, что охраняешь и магазин. Свежий ветерок с пробегавшей сразу за складами речки взбодрил его и напрочь отогнал навалившуюся от воспоминаний дрему. От большого, чуть покачивающегося на фронтоне магазина допотопного фонаря по земле тянулись таинственные мятушиеся тени, вырисовывая какие-то замысловатые фигуры.

«Вы снова здесь, изменчивые тени, меня тревожившие с давних пор. Найдётся ль наконец вам воплошенье, или остыл мой молодой задор? – процитировал Кеша

строчки из Гёте, которые он когда-то декламировал на институтских вечерах. – ...Вы воскресили прошлого картины, былые дни, былые вечера...»

«Институт, вечера... Да было ли это на самом деле, – задумчиво перебирал он в памяти свой недолгий студенческий опыт и с грустью улыбнулся: – Было, было: „Я всех, кто жил в тот полдень лучезарный, опять припоминаю благодарно“».

«Полдень, полдень лучезарный, – продолжил размышлять Сенькин, вернувшись на своё место на проходной. – Чего этот полдень ко мне привязался. Ах, да, тот пьяненький чудак голимым днём. И пляшет. Но где же я его видел? Нутром чувствую, видел... „Опять припоминаю благодарно... “ Нет, не припомню, совсем память отшибло».

Этот странный разухабистый мужик привлёк внимание не только Кеши: редко какой прохожий не останавливался, чтобы поглазеть на этого чудака. Вроде бы и не пьяный, он какое-то время стоял посреди улицы замеревшим истуканом с растопыренными перед лицом пальцами обеих рук, как бы считая их; потом начинал крутить ими, втягивал голову в плечи и вдруг срывался в пляс, с упоением прихлопывая себя по голяшкам сапог. При этом монотонно бубнил, сопровождая странными ужимками каждое слово: «Эх, тёща моя хуже лихорадки, ши варила, пролила мужу на запятки. – И потом уже без слов:– И-ех-тах-ри-та-тах!» – И снова замирал, только чуть пошевеливал ладонями у груди. И снова срывался в пляс с тем же текстом.

«Чудной мужик», – ещё раз констатировал Сенькин. Он и впрямь не шёл у него из головы. Стараясь и так, и этак отвлечься от наваждения, Кеша попытался вернуться

к тому памятного дню на фронте, ставшему для него последним. Получилось. Вскоре он уже ничего не видел и не слышал вокруг себя.

Деревенька казалась такой близкой, прямо рукой подать. Только перемахни через поле, а там – свои. Не в самой деревне (от неё одни головёшки на пожарище остались), а чуть поодаль, у берёзовой рошицы. Оттуда Сенькин утром был послан в соседнюю батарею с секретным пакетом, содержащим приказ командования о наступлении этой ночью.

– Наслышан о твоих подвигах, сержант, – устало сказал майор Копач, взглянув на прибывшего в блиндаж бойца. – Вот и убеди меня, что всё это – так оно и есть. – И загремел привычно для себя: – Что хочешь делай, хоть землю носом рой, а приказ доставь! Доложишь исполнение – отпуск получишь и к награде представлю. Всё! Где там ротный?

Ротный вышел с ним на воздух, добежал до конца траншеи по осклизлой, чавкающей под ногами после дождя глине.

– Чёртова погода! – посетовал он. – Хорошо хоть немного подсохло, а то и моросит, и моросит. Это ещё август, а что же будет осенью? И как только тут люди живут: на минуту солнце, на сутки дождь.

– Привычка, – отозвался Сенькин, внимательно изучая предстоящий путь. Оба понимали, что говорят только для того, чтобы что-то говорить и этим унять волнение. – Люди ко всему привыкают. Кто к морозу, кто к дождю. Но солнца, и правда, бы побольше не помешало. Всё не такая бы грязь. Нарва – ничего не поделаешь! Считай, та же Балтика.

– Так и я о том же. Но хватит разглагольствовать попусту. Главное, Кеша, будь осторожен. Сорокапятки сейчас, сколько смогут, отвлекут немца, а ты с первыми же залпами ноги в руки – и вперёд. – Он посмотрел на часы. – Вот шас они справа от нас, от роши лупанут! – И как только те зачастили, выдохнул: – Давай, Кеша, пошёл!

Выбросился Кеша из окопа и полусогнутым добежал до первого на бугорке кустарника. Отлежался: вроде не заметили. Тогда уже ползком по мелкой ложбинке поля к началу глубокого оврага, скатился в него и по дну вдоль ручейка, опять же согнувшись в три погибели, до самой почти опушки леса. Только подумал, что самое страшное позади, как с противным воем одна за другой чавкнули неподалеку впереди мины, обдав его комьями грязи. Следом ещё и ещё, но били не по нему, а как говорят, «наобум Лазаря». Подождав, когда огонь перенесли на более дальнее расстояние, выбрал место побурьянистее да кустистее и по нему ползком добрался до опушки, а там уже в лес, к своим. В общем, ушёл по всем правилам и приказ доставил вовремя. А вот при возвращении его застукали сразу: рискнул возвратиться не тем же путём, а «срезав» большой угол, по чахлому редколесью и через отрезок поля до оврага. А дальше уже когда стемнеет: темнеть-то начнёт уже скоро. Но добежать успел до первого взгорка на краю поля. Там так накрыло, что ни у кого сомнений не осталось: погиб связной.

А он умудрился выжить. Вот вроде бы на этом пятчке живого места не осталось, а для него погодилась одна крохотная лазейка. С первым же разорвавшимся невдалеке снарядом он бросился в неглубокую расщелину, вжался в землю и сросся с ней. Земля шевелилась

под ним, он чувствовал её дрожание и не покинул своё убежище даже после стихшей канонады. Вернее сказать, оглохший, основательно присыпанный землёй, не уловил этот момент. Вернул его в реальность – кто бы мог подумать! – чей-то негромкий, изящный посвист. Кеша тряхнул головой, думая, что это шум в ушах, но свист не прекратился. Осторожно повернулся сначала на бок, потом на спину. Чуть вправо, на склоне холма, покачиваясь на ветке берёзки, у самой её вершины распевала какая-то пташка. Рассмотреть её он не мог – залепило очки – и сколько ни протирал их пальцами, видимости это не добавляло, но судя по выводимым ею руладам, это был соловей.

– Ну, соловушка, ты даёшь! – нашёл в себе силы восхититься мужеством птахи Сенькин. И ещё удивился, как же он смог вообще что-то расслышать в адском грохоте. Тогда только понял, что наступило затишье, и начал осматриваться. И сразу дошло, какую глупость совершил, что не возвратился прежним путём. Оказалось, что отсюда до оврага надо пересечь добрую часть поля, перепаханного воронками, а не небольшой отрезок, как он это предположил. Поднятию настроения это открытие, конечно, не способствовало, к тому же в небе слышался характерный гул, и низко над полем пролетела немецкая «Рама». Кеше даже показалось, что он рассмотрел лётчика. Между тем самолёт-разведчик, заложив крутой вираж, развернулся и вновь пролетел, теперь уже точно над ним.

«Неужели заметил? – заволновался Кеша. – Да ну, не может быть. Правильно говорят, что у страха глаза велики».

Но Фокке-Вульф уже заходил на следующий вираж. И тут пташка громко и, как показалось Кеше, панически прошёлкав, сорвалась с дерева и камнем упала прямо ему на грудь. В ту же секунду пулемёт разведчика прострочил рядом с Сенькиным полосу земли, вздыбив пыль буквально в нескольких сантиметрах от него, и на этот раз улетел совсем.

Сие мгновение навсегда запечатлелось в памяти: это было то, что называют «на волосок от смерти». Совершенно правы те, кто утверждает, что в такой ситуации вся жизнь укладывается в один миг. У Сенькина она уложилась, промелькнула, как в ускоренном в тысячи раз калейдоскопе, и, конечно, особенно чётко зафиксировались последние события фронтовой жизни. Ведь он искал своей гибели: ему казалось, она освободит его, наконец, от тяжести совершённого греха, что лишь геройская смерть смоет его позор и загладит вину перед Аней. Поэтому бросался очертя голову в самое пекло боя, а она, смертушка, снова обошла его стороной. Была совсем рядом, но прошла мимо. Он перевёл взгляд с пташки на берёзку, где она сидела, – и обомлел! Её верхушку, как ножом, срезало. И как-то сразу понял, что не надо искать смерти. Именно теперь, когда случился тот самый «волосок», он вдруг захотел жить. Этот импульс ему придала маленькая пташка, искавшая у него защиты! Кеша старался не шевелиться, чтобы не спугнуть её. «Господи, она думает, что я могу её защитить! – вспомнил он рассказы бывалых людей. – Так бывает. В случае опасности птицы ищут спасения у человека. Вот и соловушка, видать, перепутал самолёт с хищником и кинулся ко мне. Бедная, бедная пташка. – Но тут же засомневался,

вступил в противоречие с самим собой: – Да, но если бы она не прилетела, я мог двинуться с места – и тогда... Несколько сантиметров... Так, может быть, она не искала защиты, а реально спасла меня?»

На раздумья не осталось времени, потому что птичка, всё ещё смиренно сидевшая на его груди, вновь испуганно вскрикнула и, вспорхнув, стремительно исчезла из виду. Сенькин совершенно инстинктивно бросился вслед, не отдавая себе отчёта в том, какой опасности подвергает себя, и лишь заслышав нарастающий вой летящего снаряда, распластался на земле. В тот же миг там, за спиной, рвануло так, что комья земли долетели и сюда. И снова затишье. Чуть приподнявшись, Кеша оглянулся назад – и смертный холодок студёными мурашками пробежал по всему телу: взрывом снаряда разворотило весь тот пригорок, а искромсанный ствол берёзки виднелся аккурат на том месте, где только что хоронился Кеша. «Господи, – прошептал он в оцепенении, – зачем же Ты хранишь меня? Неужели после того, что я натворил, я ещё кому-то нужен! – И замер от неожиданной мысли: – Господи, эта пташка – Твой вестник! Ты послал её ко мне? – Волной объяввшее его умиление подтвердило истинность мысли, и он уцепился за неё, как утопающий за соломинку. – Тогда значит ли это, что меня могут простить родные Ани? А может быть, мне предстоит встретиться с кем-то из них и я объясню всё, и меня поймут?»

Кеша заплакал, почувствовав какое-то необычное, просто неземное облегчение в душе. Свалился, наконец-то, камень, что все эти месяцы держал её под спудом. Больше года ведь прошло с того приснопамятного дня встречи с волками. И он заторопился. Может быть, вот

уже скоро он встретится с кем-то, коли был ему ответ от Господа. А что это от Него, уже не сомневался.

Да и отлёживаться здесь не имело смысла. Ведь наверняка был тот, кто вёл прицельный огонь как раз по нему. К тому же в любой момент могло накрыть и очередным случайным снарядом, поскольку от ленивого обмена одиночными залпами артиллерия немцев перешла к более интенсивному обстрелу. А посему – что бежать, что выжидать – шансов уцелеть осталось немного, и были они одинаковы.

«Помоги, Господи!» – выдохнул Кеша и, петляя, побежал к бурьяну у оврага. И вновь не достиг цели: буквально метров за пятьдесят до самого оврага прыгнул в погодившуюся огромную воронку, упал ничком в вязкую глину и захватил уши руками. И очень вовремя, потому что снаряд разорвался настолько рядом, что вряд ли оставил бы его в живых. В следующий же момент ещё не увидел, но почувствовал, что он здесь не один, мигом вскочил на четвереньки да так и застыл. Напротив, притулившись спиной к стене воронки полусидел-полулежал человек в офицерской плашпалатке. Голова в капюшоне безжизненно свесилась набок, а лицо было одной сплошной глиной; в области правой щеки сквозь глину проступила и засохла кровь. По правую же от него сторону валялся автомат. Офицер не мог быть живым, и Кеша обязан был поискать его документ, чтобы сообщить о нём в штаб. Убрав автомат, он откинул с офицера капюшон, развязал тесёмки и, поочерёдно наклоняя тело в одну и другую стороны, освободил его от плашпалатки. Но едва дотронулся до гимнастёрки, как он застонал и даже разлепил губы:

– Кто тут? – разобрал Сенькин его шёпот.

– Свои, брат, свои, – обрадовался Кеша. – Куда тебе угодило, а? Ходить можешь? – И поскольку нельзя было разобрать, что он ответил, догадался и рукой оскрёб со рта глину. – Шас, браток, шас я, – достал он фляжку и, экономно смачивая свой же носовой платок, омыл ему губы и глаза. – Ну, теперь как? Живой?

– Спасибо, паря, – прошепелявил раненый. – Ты не утруждай себя. Не жилец я. Руки-ноги перебиты... А документ возьми. Тут в кармашке.

– Да ладно, ладно, похоронить себя ещё успеем. Ты давно здесь?

– Не знаю. Вечером накрыло, а сколько прошло, не помню. Может, день или два. Ты будь добр, сделай мне одолжение, а?

– Говори.

– Пристрели. Сам пытался, не мог. Руки не действуют. Помоги.

– Ну, это ты брось. Шас, как только угомонятся пушкари, я тебя к своим доставлю. Плашпалатка есть, чего нам ещё надо. Ты кто будешь?

– Тороповя. Лейтенант из разведроты. А ты? Что молчишь?

– Дядя Илья?! – облизнул Кеша враз пересохшие губы и судорожно сглотнул слюну. – Вы?

– Кто? Что? – заволновался офицер и, застонав, умолк. Видимо, потерял сознание.

Столь же взволнованный Сенькин снова открыл крышку и осторожно поднёс фляжку ему ко рту. Илья сделал глоток и открыл глаза:

– Откуда ты меня знаешь, парень? Ты ведь даже не из нашего полка. У меня память на лица.

Кеша медлил с ответом. И тут будто кто-то подсказал: «Да ведь вот она, встреча, ради которой Господь спасал тебя. Не медли же, спасай его!»

– Дядя Илья, – окрепшим голосом сказал он. – О себе потом. Перво-наперво мне надо перевязать тебя и продержаться ещё с часок. Сейчас нам не прорваться, подождём до темна, а уж там...

– Ты тот парень, который был с Никитой, – недослушав его, вспомнил раненый. В его голосе слышались нотки удовлетворения. – Иннокентий, кажется. – И уже твёрдо. – Да, точно, Сенькин Кеша.

– Он самый. Вы правы, – чуть потускнел Кеша. – Но обо всём потом. У вас есть фляжка?

– Тут где-то на боку была, посмотри.

– Дядя Илья, – нашёл её Сенькин, – в шагах пятидесяти отсюда овраг и там ручей. Смотаюсь и принесу воды две фляжки. Быстро перевяжем тебя, а то, не дай Бог, заражение.

– Заражения не будет, – пробормотал Торопов, и Кеше слышалось в его голосе недоверие: – Глина обеззараживает, разве ты не знал? Но всё равно спасибо тебе, что бы ни случилось с нами. Только документ передай.

– Прошу вас, не сомневайтесь во мне, – по-своему расценил его слова Сенькин. – Я вернусь. Хоть на карачках, но приползу.

– Ты не так понял, парень. Я в тебе не сомневаюсь. Ведь ты уже однажды спас мне жизнь. Удивляешься? А ты не удивляйся, Легойда мне всё рассказал. Это благодаря тебе, твоим показаниям я вместо тюрьмы на фронт попал. Вообще-то в начале войны сам просился, не пустили: дескать, с жульём некому бороться. А тут вроде как перед

выбором поставили: фронт или тюрьма. Понятно, что я выбрал. В общем, я твой должник, – Торопов попытался улыбнуться, но лицо исказила лишь жалкая гримаса. – А вода, Иннокентий, и правда, сейчас необязательна. Эти, как ты сказал, пятьдесят шагов до ручья для тебя последним шагом могут обернуться. Поливают-то так, что земля вон стонет. Ну, и если уж решил меня тащить, то погодить бы надо, – еле слышно договорил он и бесильно откинулся на стенку.

Кеша провёл рукой перед его глазами и в отчаянии закусил губу: Торопов не среагировал, в очередной раз потерял сознание. Теперь вопрос о воде отпал сам собой, потому что его жизнь зависела даже не от часов, а от минут. Сенькин понимал, чем чреват будет этот короткий бросок с раненым к оврагу, но до наступления полной темноты оставалось ещё около часу! Что если Илья не доживёт? Для Сенькина – это ещё одно мучительное сознание того, что мог, но не сумел спасти?

Он торопливо скрутил плашпалатку, приподнялся с четверенек и вмиг раскатал её на краю воронки. Снова юркнув на дно, прислушался к канонаде, удовлетворенно отметил, что обе стороны бьют далеко через голову, и подсев под раненого, хоть и с трудом, но взгромоздил его себе на спину. Затем, выпрямившись, уложил его на краю, следом пружиной выбросился сам (сгодилась подготовка гимнаста) и, не мешкая ни секунды, ползком поташил плашпалатку за собой, ухватив её за полы. Это, в общем-то мизерное расстояние показалось вечностью, потому что через каждые два-три метра приходилось замирать, пока не стихнет свист очередного летящего снаряда и он не ухнет где-то вдали или поблизости.

«Господи, отведи от нас беду, сохрани Илью, – в горячей молитве взывал Кеша к Богу. – Ещё минуту, Бог мой! Ещё минуту!» Впервые в жизни он так страстно молился и за себя, и за жизнь другого человека, и столь страстно хотел, чтобы выжили оба. Ведь Торопов вдохнул в него новую надежду, сообщив о словах Легойды. Ему так хотелось ещё раз услышать эти слова благодарности из уст Ильи, что повторял их сам и слушал вновь и вновь в собственном исполнении. Не первая, услышанная им на фронте в свой адрес, но столь желанная и так нужная ему именно вот эта благодарность. Но вот и спасительный овраг, и как ни подстёгивали его вой и разрывы канонады, но не скатился со своей ношей по склону, а бережно спустил Илью к самому ручью. Отдышавшись, наполнил фляжки водой, отмыл его лицо от глины и, склонившись, разглядел запёкшийся шрам на правой щеке. Вот вроде и повидал Сенькин на фронте всякое, но тут в изумлении схватился за голову: шрам шёл от оторванной мочки уха к подбородку через всю скулу! По какой такой счастливой случайности осколок прошёл, не задев виска, да и вообще не разнёс весь череп? Встав на колени, он чуть приподнял раненого за плечи и сразу ощутил на своих руках что-то липкое. Кровь! Раньше, когда поднимал Торопова, он не ощутил её, потому что руки были в глине, теперь же увидел, что кровью пропиталась вся его гимнастёрка. И оборвалось что-то внутри, зашло, заныло в груди тоскливо от бессилья, надломилась только что обрётённая вера в благополучный исход.

«Дядя Илья, дядя Илья, не уходи! – придерживая одной рукой за голову, другой всё же пытаюсь напоить его, шептал он в отчаянии. – Не уходи, ты так нужен мне! Выпей глоток... ну, выпей... пожалуйста».

Но тот столь крепко стиснул зубы, что вода не проходила. И ни стопа, ни звука. Лишь однажды прорвался чуть слышный хрип – и снова не слышно дыхания. Кеша осторожно положил его и беспомощно огляделся. Уже стремительно темнело, и ни о какой перевязке не могло быть и речи; нужно быстрее доставить Илью к своим, и может быть, ещё удастся спасти его. Ведь не раз слышал он о том, как врачи спасали вроде бы безнадежных раненых. Нужно быстрее... Но и силы на исходе, всё же целый день он был, что называется, «на пределе», а до своих, по его прикидке, оставалось ещё около двух километров. Кеша взглянул на небо, расчерчиваемое сполохами прожекторов, и ещё большее отчаянье охватило его. Ведь вполне возможно, что скоро будет наступление, и тогда здесь живого места не останется.

«Господи, помоги!» – с надрывом несколько раз повторил Кеша. Понимал, что это невозможно, и всё равно просил Бога спасти их обоих.

Что стало потом, он не смог сразу объяснить. Как будто сполохи прожекторов осветили ему овраг сверху (на самом деле это была осветительная ракета, но как же ко времени!), и он отчётливо увидел, что находится буквально в нескольких шагах от той самой ложбинки, по которой днём пробирался с пакетом на батарею. Так ведь отсюда до рошицы рукой подать! И будто влил кто-то новые силы, уже не ползком, а пригнувшись, быстро поташил за собой плашпалатку и залёг у ложбинки в конце оврага: показалось, что слышит чей-то говор. Оставив Торопова, быстро вскарабкался наверх и, напрягши слух, уловил обрывки фраз. Свои! Не поднимая головы (пристрелят на звук), крикнул:

– Ребята, я свой! Сенькин здесь!

Прислушался: нет ответа. Но и говор стих, значит, слышали и решают, что делать. Прокричал ещё раз то же самое, но уже громче.

И снова – тишина. Потом вдруг где-то совсем рядом:

– Кеша, ты? – По голосу узнал своего напарника-связиста.

– Я, Андрюша. Я здесь с раненым лейтенантом.

Через минуту тот подполз к нему:

– Вовремя ты, Кеша, а то та-акое скоро начнётся! Давай, где там твой лейтенант?

Уже на позиции другие бойцы, ожидавшие приказа в траншее, на руках отнесли Торопова в блиндаж и уложили на широких дощатых нарах у стены, пока Сенькин докладывал майору о выполнении задания. Услышав фамилию раненого, Копач даже изменился в лице, вскочил с табуретки и кинулся к нарам. При неверном свете лампы взгляделся в лицо лейтенанта.

– Он, – бросил коротко. – Живой хоть?

– Был живой, – тихо сказал Сенькин. – Около часу назад ещё говорили, а потом он снова потерял сознание. Вот его документы.

Майор быстро просмотрел их и, как показалось Кеше, облегчённо вздохнул. Затем стал яростно накручивать полевой телефон. Кричал, ругался на чём свет стоит, недобрым словом вспоминая связистов, но всё же дозвонился и, выдохнув, сел на табуретку у стола.

– Сейчас пришлют какую-нибудь колымагу и увезут его в полевой госпиталь, – будто отчитался перед Кешей. – Тут если по дороге, то километров двадцать до посёлка, а через лес, так вполовину будет. А ты отдыхай,

Сенькин. На тебе лица нет. За выполненное задание получишь, как и обещано; отпуск оформим завтра же, а награды малость придержим, чтобы не просто так, а в торжественной обстановке, понимаешь, при стяге, перед строем! – Копач расплылся в улыбке: – За лейтенанта тебя отдельно к награде представят, больше чем уверен. Ты даже не представляешь себе, сержант, как наше начальство та-ам (ткнул пальцем вверх) переживает, что он исчез. А ты с него все подозрения снял. Молодец! Тут ведь всякое уже заговорили... – майор смолк, опасливо огляделся и заторопился: – Ну, да ладно, давай, иди, отмывайся от грязи, а то вон с цельный пуд налипло. Что-то хотел сказать?

– Я как раз в курсе про это «всякое», товарищ майор, – откозырял Сенькин и просительно добавил: – Земляк он мне, и мы даже знакомы. Поэтому разрешите сопроводить лейтенанта в госпиталь, я могу ему и там понадобится.

– Только шибко на рожон не лезь, Кеша, – покачал головой майор. – Плетью ведь обуха не перешибёшь, уясняешь? Сейчас посмотрим, что за колымагу пришлют да будет ли место в ней. А так-то разрешаю, чего уж там: считай себя в отпуске. Если поедешь, будь там при штабе. Он рядом с госпиталем. Кстати, завтра я там буду, заодно и всю бумажную канитель оформим, товарищ старший сержант. – И ободряюще кивнул: – Да-да, лычку тоже готовься пришивать. Заслужил! Будь на то моя воля, я бы тебе и офицерское звание присвоил.

Это было сверх всякой похвалы: из уст майора такое редко кто мог услышать. Правда, благодарность сержант не успел выразить, в блиндаж как раз забежал санитар, и, получив документы, вдвоём с Кешей погрузили бес-

чувственное тело Торопова в кузов полуторки. Машина отъехала уже на порядочное расстояние, когда завывло-загрохотало-заухало со всех сторон, мириады огненных пунктиров прочертили темноту ночи, а в освещённом сполохами прожекторов небе послышался монотонный, угрожающий гул самолётов. Кеша вцепился руками в борт и, не отрываясь, смотрел туда, где он находился всего несколько минут назад. Смотрел и в ещё большем благоговении славил Бога, потому что там уже не было места для жизни. Там был ад.

Помочь занести Торопова в невысокое строение барачного типа на самой окраине посёлка ему позволили, но на этом и выпроводили: дескать, и посторонним тут нельзя находиться, и соблюдение санитарных норм, и много ещё чего подобного.

– Вам бы хоть немного помыться, – посочувствовала ему медсестра, молоденькая девушка в белом халате и такой же косынке, увидев, как искренне огорчился сержант. – Вон, в штабе напротив, там всё есть, чтобы привести себя в порядок. Потом подойдёте, и как только врач закончит обследование, я вас позову.

– Спасибо, – обрадовался Кеша. – Только не забудьте.

– Не забуду, – улыбнулась она. – Такого живописного сержанта разве забудешь.

Что она имела в виду, Сенькин не стал спрашивать, посчитав, что в заляпанной форме он, и правда, выглядел довольно чудаковато, и это даже немного затронуло его: дескать, не по проспектам прогуливался – по окопам да оврагам ползал. Но вся обида улетучилась, когда вернулся уже в более опрятном виде. Девушка сдержала своё обещание: сразу провела его в кабинет хирурга.

Вид у самого хирурга, сидевшего за столом маленькой комнатушки, приспособленной для кабинета, был сильно озабоченный. Седовласый крепкий мужчина, он только что положил телефонную трубку после безуспешной попытки докричаться до кого-то, но огорчённо развёл руками.

– Насчёт Торопова? – с усталой grimасой потирая виски, взглянул на Сенькина. – Кто он тебе, сержант?

– Мой земляк, – сказал Кеша и, побоявшись, что этого мало, поспешил добавить: – Да если разобраться, то вроде как родной он мне.

– А-а, так это ты его доташил до своих, – догадался врач, и взгляд его сразу подобрел: – Слышал, слышал. Тут Копач только что интересовался. Главное, с передовой есть связь, а в тыл не дозвониться. Дела-а. И откуда же вы оба будете? Абакан? Так это ж Хакасия! Бывал я в тех краях в молодые годы, бывал. Ну, что? Оперировать бы надо немедленно, но нужна кровь. – Врач горестно вздохнул: – Больно много её потерял твой земляк, и доживёт ли, нет ли, если отправить в тыл, одному Богу известно. Видишь, кричу, ору, а толку мало. Нет связи, – показал на трубку и пожал плечами: – Только что была, и нету. – И опять горестно: – Кровь нужна.

– Я могу дать свою, – не задумываясь, предложил Кеша. – У меня первая группа, я ещё в институте сдавал.

– Ты уверен, парень? – оживился хирург. – Впрочем, что это я... раз сдавал... – Он не вышел, а выбежал из-за стола и, открыв дверь, позвал: – Мария! Быстро сюда! Это земляк лейтенанта, – указал появившейся той самой медсестре на Кешу. – Готовь его к переливанию. – И уже к нему: – Ну, сержант, всё сделаем, чтобы выжил твой

Торопов, раз у него такие земляки есть. Давай, за Марией, а я сейчас подойду.

* * *

Утром Мария долго и тщетно пыталась расшевелить Сенькина, спавшего, что называется «без задних ног» в одной из палат госпиталя. Сказалось напряжение дневных мытарств, ну и, конечно, сдача крови.

– Иннокентий, надо вставать, – несколько раз повторила она (при процедуре переливания они познакомились довольно близко) и, поскольку он никак не реагировал, затормошила уже сильнее: – Слышите, товариш Сенькин? – Никаких эмоций в ответ. Тогда, отвернувшись, сдёрнула с него одеяло и командным тоном: – Товариш сержант, подъём!

Подействовало. Сержант, не подававший признаков жизни, сел, наконец, на кровати, но, даже открыв глаза, не сразу понял, что от него требуют.

– Раненые прибывают, надо освобождать палату, – как бы извиняясь, продолжила Мария. – Я пошла на пост, там возьмишь свой паёк.

Услышав о раненых, Кеша вскочил как ошпаренный.

– А операция? Как прошла операция? Что с лейтенантом?

– Там всё узнаешь. Поторопись, пока Вадим Лукич не ушёл. Он уже вторые сутки без сна. Пять часов длилась операция твоего земляка. У меня тоже смена закончилась. Успеть бы прилечь хоть на пару часиков. Устала сильно.

Мария сказала это без всякого намёка на жалобу, наоборот, с какой-то, по-видимому, привычной для неё

смиренной, даже немного виноватой улыбкой. Вот так просто: «устала». Ну, насколько усталой она выглядела, Сенькин уже и сам увидел. Но эта усталая бледность лица придавала ей такое очарование, что он едва удержался, чтобы не обнять её. Он вдруг понял, что любит её; что как раз эта, и никакая другая, девушка нужна ему. С этими мыслями он пришёл на пост, взял из её рук паёк и неожиданно выпалил:

– Мария, я бы хотел... это... – и язык прилип к нёбу.

– Да-да, он сам говорил, чтобы ты зашёл. Сейчас узнаю, – по-своему поняла она его замешательство, скрылась в кабинете хирурга и тут же вернулась: – Иди, но предупреждаю: не больше минуты.

– А-а, Иннокентий, – поднялся навстречу Вадим Лукич, – проходи, проходи. Ну, благодарностей наших ты уже наслушался, теперь что касается твоего земляка. В общем, собрать-то мы его хоть по частям, но собрали, а дальше... – он развёл руками: – Увы, дальше надежда только на его могучий организм. Как думаешь, выдюжит?

– Выдюжит, – не задумываясь ответил Сенькин.

– Я тоже так считаю. Вечером должен быть самолёт, отправим его в Ленинград. Там его ещё обследуют. Я тебе всё это рассказываю в расчёте, что передашь его родным, да? Вот и договорились. Ну, ещё раз спасибо, Иннокентий, и бывай здоров!

Кеша, окрылённый доброй вестью, быстро вышел из кабинета, но Марии на посту уже не было. Разыскивать её он не решился; наверняка ушла отдохнуть, не пойдёшь же будить человека только для того, чтобы сказать о своих ниоткуда вдруг взявшихся чувствах. Оно ей надо? Да за такой девушкой, наверное, все офицеры ухаживают, куда

уж ему с его очками да ещё и заляпанным обмундированием. Кеша прошёл в штаб, но Копача ещё там не было.

– Кто? Майор Копач? – оторвался от бумаг какой-то лейтенант, единственный на этот час человек в штабе. – Нет, браток, вряд ли он тут сегодня появится. Там такое сейчас творится, – мама не горюй! – покачал он головой. Потом о чём-то догадался: – Постой, а ты по какому поводу?

– Да повод-то такой, что без майора вроде его и нету.

– А всё же? Может быть, я чем-то помогу? – Лейтенант внимательно взгляделся в сержанта: – Слушай, это не ты вчера раненого с ничейной полосы вынес? – И сам же ответил: – Ну да, ты. Санитар сказал, что ты его и сюда помог доставить. Или нет?

– Помог, – кивнул Кеша.

– Вот видишь, – улыбнулся лейтенант, – а говоришь, что без майора ничего не решить. Я, между прочим, и твоим вопросом должен заняться. Как там тебя, – взглянул он в бумаги. – Ага, Сенькин, так?

– Так.

– Отлично. А я – Лев Ерёмин. Смотри, как у нас складно: Сенька да Ерёма! – весело балагурил лейтенант. – Шас попробуем с ним связаться.

Минут через пять бесплодных попыток дозвониться энтузиазм его несколько поукас, и он уже не столь бодро сыпал шутками. А вот к нему звонок прошёл, выслушав который, Ерёмин сразу посерьёзней и стал поспешно складывать отобранные бумаги в планшет.

– Не совсем ладно в нашем наступлении, сержант, – видя вытянутую физиономию Сенькина, пояснил коротко и указал на стул: – Можешь подождать меня здесь или погулять тут в леске часок-другой. Больше я не задержусь.

Покидая штаб, Кеша буквально нос к носу столкнулся с Марией, быстро взбегавшей по ступенькам крыльца. Он машинально поддержал её за локоть, и она, хоть и не нуждалась в помощи, не отстранилась, и так, взявшись за руки, и застыли оба на крыльце друг против друга.

– Я думала, ты ушёл, не попрощавшись, – смущённо пролепетала Мария. – Бегала-бегала, нету нигде.

– А я думал, что ты спишь. Я же видел, как ты устала.

– Да, но мы только-только разобрались с ранеными. И сейчас ещё надо помочь девчатам. К обеду я должна быть в операционной, а вечером лететь с ранеными в Ленинград. Хорошо, что ты не ушёл.

– Мария, – заторопился Сенькин, продолжая держать её за руки, – я хотел тебе сказать... я так хотел бы встретить тебя после войны.

– Разве у сержанта нет девушки, которая его ждёт?

– Откуда? – удивлённо вскинул он брови.

Это невольное вырвавшееся недоумение было таким искренним и в то же время немного комичным, что она улыбнулась:

– Тогда мы обязательно встретимся. Ну, я пошла?

– Где я буду искать тебя, Мария? У меня нет твоего адреса.

– Ты ведь будешь здесь весь день?

– Видимо, так. Во всяком случае, чую, что не меньше, чем до вечера.

– Вот потом всё и обговорим, а сейчас некогда, – она медленно высвободила свои руки из его ладоней. – Только предупреди, если что-то пойдёт не так. Комната для медсестёр в конце барака. Хорошо?

– Да-да, я обязательно.

Кеша долго ещё стоял на крыльце, ощущая в ладонях тепло её рук: взволнованный, даже ошеломлённый неожиданным её расположением к себе, не мог до конца поверить, что всё это произошло с ним, и уже больше ни о чём не думал, кроме как дожидаться встречи с ней. Потом вспомнил, что сначала надо было где-то скоротать время до возвращения Ерёмкина. Сидеть и ждать в штабе? Нудно, долго и заест тоска. Ах, да, ведь Лев говорил о прогулке в лесочке, а что может быть лучше для сибиряка! Кеша прошёл мимо ряда лежавших прямо на земле носилок, вглядываясь в лица раненых: никого из его роты не было. Сразу за госпиталем начинался лес, и, выбрав одну из множества тропинок, он незаметно для себя ушёл по ней довольно далеко, с жадностью вдыхая прелый августовский аромат, стараясь ступать бесшумно, чтобы не нарушить покой вековых деревьев. Но – тщетно! Одно его появление разбудило лес ото сна. Не скрыть от него состояния влюблённой души – души, которая поёт осанну жизни, и природа в полной гармонии с ней внимает песне и откликается, будто сама радуется его неожиданному счастью. Вон и сорока спешит, старается вовсю побыстрее разнести по всему лесу молву об этом счастье, и в её стрекотанье слышится ему: «Тот самый Иннокентий! – частит белобока. – Тот самый Иннокентий! Вот, смотрите, это тот, которого выбрала Мария!»

И то залетит далеко вперед в безумолчном стрекотанье, то вернётся назад, да прямо над ним скок-поскок по веткам, выглядывая, нет ли каких ещё новостей; всех упредит кумушка, всем донесёт радостную весть, никого не обделит вниманием. Ну, так на то ж она и вестница!

Услышав её, тотчас вступают в лесную переключку другие птицы, и вот уже всё вокруг, несмотря на отдалённую канонаду, полнится весёлым щебетаньем; всё живое прославляет Творца и тех, кто следует Ему. Не остаётся в стороне и сам лес, буйством красок являя свой восторг пред Богом: то тут, то там полыхнут костром только-только окрасившиеся в яркий багрянец осина и клён; нежной, трепещущей позолотой прошелестит берёза при малейшем дуновении ветерка; да так и поманит к себе огненными гроздьями рябина. Всё это удивительно сочетается с общим фоном леса, его изумрудом елей и сосен и прелью пёстрога ковра опавшей листвы. Чудный миг волшебства, миг очарования. Чувствуя в душе необычайный подъём, Кеша свернул с тропинки за невысокие заросли можжевельника, ещё шаг – и, закрыв лицо руками, склонился в благоговейном смирении на колени перед Богом: «Господи, за какие заслуги Ты подарил мне этот волшебный день! Ах, как бы продлить мне это очей очарованье!»

Лёгкое прикосновение папоротника к щеке заставило отнять руки от лица, и, непроизвольно убрав его листья, больше похожие на ветви карликового дерева, Сенькин вздрогнул от неожиданности. Прямо перед ним на трухлявом пне сидел и отчаянно вертел своей непомерно маленькой головкой... рябчик! И так-то, пожалуй, самая молчаливая птица, он и в эту минуту опасности от близости человека не издал ни звука и не улетел даже, когда Кеша протянул к нему руку.

«Что ж ты не летишь, дурашка! – беспокоился Сенькин, осторожно накрыл его ладонью, взглянул на лапки и улыбнулся: – Вот оно что – решил полакомиться! Ну, тогда потерпи, потерпи, пока я тебя освобожу».

В сердцевине пенька были видны муравьиные куколки (яйца) – любимое блюдо молодых рябчиков, и лапка этого лакомки в процессе трапезы, как в капкан, попала в расщеплённую древесину. Как поётся в известной песенке: и ни туды, и ни сюды.

Кеша, отогнув шепу, освободил лапку бедолаги, но ещё не выпустил его из рук, когда неподалеку под чьей-то ногой хрустнула сухая ветка. Он чуть выпрямился и повторно замер: на другой стороне тропинки у сосны стоял солдат в немецкой форме; стоял с отведённой назад поднятой правой рукой (очевидно, предупреждал своих товарищей об опасности), а левой придерживал автомат на груди. Разглядев, что Кеша без оружия, немец тихо свистнул и, приложив к губам палец, поманил его к себе. За его спиной в глубине леса Сенькин успел разглядеть перебежавшие фигуры.

«Диверсанты! – мелькнула мысль. – Специалисты по госпиталям! Уничтожат всех, если не помешаю...»

Между тем немец, продолжая манить, показал на автомат, снял и демонстративно отставил его, прислонив к дереву. Дескать, выходи, не бойся, поговорить надо.

Кеша согласно кивнул и, полностью не распрямляясь, так, чтобы не было видно рук, продрался сквозь кусты и тут же выпустил рябчика. При взлёте рябчик издаёт шум, сродни запуску трактора, и когда он неожиданно взлетает из-под ног, не напугаться может разве что опытный охотник. То же произошло и с немцем: в мгновенной защитной реакции он вскинул руки от метнувшегося из ниоткуда прямо на него чего-то непонятного, и Сенькину этого оказалось достаточно: в два прыжка он очутился рядом и ударом ноги в пах отправил диверсанта корчить-

ся на земле. Ловко подхватив автомат, перемахнул с ним через куст можжевельника и, не оглядываясь, петляя от дерева к дереву, помчался к видневшейся опушке леса. Там, по его расчётам, была дорога, по которой он вчера прибыл в госпиталь. И буквально через минуту понял, что далеко не убежит: ноги стали ватными, а сердце, казалось, вот-вот разорвётся. Конечно, он не восстановился после сдачи крови. Ноги тяжелели с каждым шагом, и каждую секунду он ждал выстрела в спину, но лес молчал. Неужели не преследуют? Кеша обернулся на бегу и, споткнувшись о корягу, полетел со всего размаха на землю. В ту же секунду над головой просвистел какой-то предмет и со стуком впечатался в дерево.

«Правильно, зачем раскрывать себя стрельбой, если можно грохнуть молча, – одобрил Кеша, приподняв голову. Финка на уровне груди по рукоять вошла в древесину. – Вовремя я споткнулся, однако. Похоже, это головорезы из зондеркоманды «Дирлевангера» (*штрафники СС – В. П.*) – они спецы по части пускания крови. Но я с вами, ребята, уже встречался в Белоруссии – и ничего, живой. А теперь и вовсе уйду».

На него нашло удивительное спокойствие. Он и в самом деле был уверен, что с ним ничего не случится: ведь Бог столько хранил его. Страха за себя не было; как почти у всякого фронтовика, это чувство у него притупилось. Но был страх за госпиталь, за Марию. Добежать до опушки ему явно не дадут, да и вряд ли он сам добежит. Перекатнувшись за дерево, Кеша вскинул автомат, дал длинную очередь наугад и затаился за стволом могучей лиственницы. На этом «игра в молчанку» закончилась, и немцам не осталось ничего другого, как уничтожить

его. Они просто-напросто не давали больше высунуться, поливая огнём, и, по-видимому, обходили его. Всё же, выбрав момент, он ответил короткой очередью, и кинулся к другому дереву, но хлестнувшая по лицу ветка лишила его очков. Кеша интуитивно упал на колени, рукой шаря по траве. И уж совсем не к месту, будто наяву, услышал голос Легойды: «Стреляешь-то ты в очках, Кеша. А теперь представь, что они у тебя случайно слетели... Думаешь, преступники будут ждать, пока ты их найдёшь?»

Кеша вскинул голову, тут же, как в тумане замедленной съёмки, увидел летящую в него гранату и пружиной выбросился за дерево... Взрыв... Острая боль по всему телу – и последнее удивление Сенькина: «Как же так, Господи?! Как же так? Ведь я почти ушёл...»

Разразившуюся в ту же секунду интенсивную перестрелку уже слышал как будто в отдалении, а потом кто-то склонился над ним:

– Сенькин, друг, это я – Ерёмин Лёвка. Они не прошли. Слышишь, Сенькин? Мы отбили их, слышишь...

– Мама, – сказал Кеша и растворился в небытии.

* * *

Тёмное круглое пятно то приближалось, и тогда уплотнялось до размеров лица с неясными очертаниями, то, вновь удаляясь, расплывалось и дрожало призрачным маревом где-то на расстоянии, пока совсем не исчезало. И совсем рядом монотонно, без перерыва что-то бубнило и бубнило, словно одновременно говорило несколько голосов. Но однажды пятно неожиданно материализовалось в чьё-то знакомое лицо, и тотчас неразборчивые

звуки обрели внятность и мало-мальскую стройность речи, и он явственно различил слова, обращённые к нему:

– Иннокентий, если слышишь меня, закрой глаза.

Голос был женский и тоже показался знакомым, но сколько Кеша ни силился, не мог вспомнить, ни чей это голос, ни чьё это лицо. И больше от досады, чем в реакции на просьбу закрыл глаза.

– Слышит! – воскликнула обладательница голоса. – Слава Богу!

«Мария!» – вскинулся в догадке Сенькин и хотел что-то сказать ей, но только глухо застонал от мгновенно пронзившей боли.

– Тихо-тихо, не волнуйся так, парень, – вступил теперь уже мужской голос. И тоже победно: – Реагирует! Ай, да, молодец! Ну, теперь точно выкарабкается, попомните моё слово. Не очень скоро, но выкарабкается. Лиха беда начало. Ладно, на сегодня хватит. Больше не тревожить.

Вот всё понял Кеша: и что слышит, и что реагирует, и что Мария здесь, а значит, находится он в госпитале, а стало быть, диверсантам не удалось подобраться к посёлку и уничтожить его. Но вот что за беда и чего хватит на сегодня, понять не успел; видения и монотонность звуков исчезли и стихли так же неожиданно, как и появились; но стихли лишь для того, чтобы уступить место ужасающе оглушительному взрыву вблизи, изрешетившему его тело осколками. И следом огненное пламя, подобно степному палу, длинными языками начинает лизать и жечь со всех сторон и сверлить нестерпимо острой болью. Болью по всему телу. И только ноги не чувствуют ничего. В последнем усилии он заползает за ствол дерева и в ужасе

замечает, что у него их нет. Огненный, нестерпимо яркий сполох – и снова всё погружается в привычную уже для него кромешную тьму. Так повторяется раз за разом, изо дня в день, пока наконец он не разглядел сначала белый халат врача, потом и черты его лица. Смутно, неясно, но разглядел, и когда понял, что это было уже не видение, лёгкий вздох вырвался из груди и слился с точно таким же вздохом облегчения у окруживших его людей в белых халатах.

– Что, Иннокентий? – ещё ближе склоняется к нему доктор и повторяет уж в который раз: – Если не можешь говорить, закрой глаза. Я буду знать, что ты слышишь.

Кеша хочет ответить – и не может. Медленно озираясь, он сначала видит чью-то подвешенную к потолку ногу в гипсе, и гипсом же спеленатые руки так, что видны только пальцы; и только потом понимает, что это его руки и ноги. И к вполне объяснимому чувству боли и страха, примешивается тихая радость: значит, не отняли, значит, он ещё не инвалид на тележке, что казалось ему в его страшных видениях. И уже не в такой панике рассматривает опутавшие его тело эластичные трубки, в том числе протянувшаяся от правой руки к капельнице и такая же в носу. Потом переводит взгляд на потолок. Он очень высокий, не тот, что в госпитале у Марии. Да и палата, хоть Кеша в ней один, с большим окном, просторная, явно не по размерам того барака. И это приводит его в беспокойство, что тут же замечает врач. Он даже догадывается о причине беспокойства:

– В Ленинграде ты находишься, солдат, в Ленинграде. Скоро уж два месяца, как тебя привезли сюда. С того света, как я полагаю. Давай-ка, я тебя посмотрю: где

будет больно, кричи, не стесняйся. А гипс пусть тебя не пугает, на днях уже будем снимать.

Доктор присел подле, и теперь Кеша хорошо разглядел стоявшую за ним медсестру; к его великому сожалению, это была совсем незнакомая девушка. Да, тоже молоденькая, но не Мария. Он послушно выполнял все команды врача: открывал и закрывал глаза, задерживал дыхание и выдыхал, стонал, когда было больно, но мысли были об одном: неужели Мария и её голос – плод его воображения?

– Клава, – между тем обратился доктор к медсестре, – посмотри, как там его земляк: лейтенанту завтра выписываться, и он так просил дать ему возможность попрощаться. Надо уважить героя. Я думаю, это благотворно скажется на обоих. Если не спит, пусть подойдёт на минутку.

– Какой там спит, Олег Михайлович. Он же днюет и ночует рядом с палатой. А сейчас не стоит у дверей, потому что на процедуре. Я мигом.

Кеша весь обратился в слух: «Дядя Илья! – молнией пронеслось в уме. – Ну да, кто же больше! Конечно, Илья Семёнович. Выжил, значит!»

Не в состоянии толком разглядеть склонившегося к нему Торопова, он даже сделал попытку приподняться.

– Не напрягайся, лежи смирно, – упредил доктор и сам не сдержал ликования: впервые за это время на лице раненого вместо страдальческой гримасы появилось что-то отдалённо напоминающее улыбку. – Отлично, я так и предполагал! – удовлетворённо потёр он руки и кивнул стоявшему на костылях Торопову. – Ну, что,

прошайтесь, лейтенант. Говорите, он слышит. Видите, он даже радуется.

А Торопов будто угадал мысли Сенькина.

– Выжил я, Иннокентий, выжил, – бормочет взволнованно. – Живой! Наши врачи творят здесь чудеса. Цены им нет. Эх, жаль, что не видишь, как я уже без костылей могу стоять. Во, гляди, гляди: стою и даже могу ходить. И ты скоро встанешь, Кеша, теперь твоя очередь на жизнь. Нельзя тебе помирать, пока я свой долг перед тобой не оплачу, нельзя. Мы ещё встретимся. Обязательно встретимся. Буду дожидать тебя домой.

«Домой, домой!» – желанным эхом отозвалось в душе Сенькина, и образы родных и близких отчётливо встали перед глазами: мать, отец, сестрёнка... Ах, как захотелось прямо сейчас, сию минуту, оказаться рядом с ними; уж он-то знает, как они его ждут не дождутся. От нахлынувшего чувства перехватило в горле, на полуприкрытых ресницах замельтешили, задрожали радужными звёздочками слёзы, заставив свет от окна, и закружило-завертело его в какой-то ослепительной круговерти; с трудом разлепив губы, он издал неопределённый звук и полетел со страшной скоростью на чей-то призывный голос.

– Так, закончили, – быстро встал доктор. – Ну, что ж, теперь будем торопиться с выздоровлением. Если я правильно увидел, оно не за горами.

– Я ничего не усугубил? – виновато произнёс Илья Семёнович.

– Нет-нет. Это положительные эмоции. То, что нужно.

Назавтра Торопов, ещё раз (теперь уже безмолвно) простившись с Сенькиным, отбыл домой. Война для него закончилась.

Был уже конец ноября, когда Кешу перевели в общую палату, где лежали такие же, как и он, тяжелораненные бойцы. Он это понял, когда в очередной раз очнулся и не обнаружил ни капельницы над собой, ни многочисленных трубок на теле и в носу; а главное, вместо привычной уже Клавы около него стоял, опираясь на костыль, незнакомый парень с забинтованной головой. Как потом оказалось, вообще единственный «ходячий» на двенадцать коек.

– Ну, вот ты и прибыл к нашему шалашу, – поприветствовал он, заметив, что Кеша разглядывает его, и присел на стул, вытянув правую ногу в гипсе. – Карев я, Миша, лейтенанта Ерёмкина друг. Помнишь его?

Сенькин молча кивнул, при этом лицо его приняло виноватое выражение.

– Ах, да, – спохватился Михаил, – тебе же трудно говорить. Ну и не надо, раз трудно. Я этот пробел с лихвой заполню. Я, браток, тоже больше двух недель молчал, а теперь так прорвало, что не остановишь. Видишь, куда меня ещё угораздило? – показал он на распухшие губы. – Два дня как швы сняли. Это меня один фриц прикладом уже контуженного добивал. И совсем бы добил, если бы снаряд рядом не рванул и его самого не снёс с катушек. А я, вишь, живой, во, как бывает! – пожал он плечами так, будто всё ещё этому удивлялся. – Так что ты больше слушай, а помнишь-не помнишь, не суть важно, да? Важно, что Лёва тебя знает и помнит. Он на днях приезжал меня попроведать (по штабным делам был в Ленинграде, вот и выбрал время) и тебе заодно подарок привёз. Как говорится, не с пустыми руками приходил. Но, поскольку к тебе его не пустили, вот, велел пере-

дать. – С этими словами он вытащил из кармана халата что-то завёрнутое в тряпицу: – На, смотри. Узнаёшь?

Сенькин близоруко сощурился и, несмотря на постоянно ноющую боль по всему телу, расплылся в счастливой улыбке: Карев держал в руках его очки!

«Как они оказались у тебя? Откуда?» – силился спросить Кеша, но единственное, на что сподобился, это произнести шёпотом: «Как?» (Да и то после болезненного напряжения голосовых связок).

– Хочешь сказать, где он их взял? – понял Карев и тоже улыбнулся: – Да там, где ты их потерял. Это, брат ты мой, целая фантастика. Шас расскажу, а пока чуть-чуть приподними-ка голову. – Он легонько помог Кеше приподняться, осторожно надел ему очки и со знанием дела подогнул дужки за ушами: – Так пойдёт?

Сенькин, не снимая улыбки, мелко-мелко закивал. Все предметы в палате обрели чёткость, он даже различил оттенки цветов в горшке на подоконнике, и радость его стала запредельной. Доволен был и Михаил.

– Вижу, что пойдёт. Я своей бабушке всегда подправлял её очки. Теперь о том, как они нашлись. Слушаешь? Ну-ну, любуйся, разглядывай, а я расскажу. В общем, Ерёмин совсем недавно (я уже тут лежал) показывал группе подлечившихся бойцов то место, где ты вёл бой с эсэсовцами зондеркоманды и где тебя гранатой накрыло. Люди, Кеша, помнят твой подвиг и чтут его. Говорят, если бы не ты, эти уроды уничтожили бы всех, а госпиталь сравняли бы с землёй. Впрочем, ты понимал это лучше других, раз пошёл ва-банк против них. Ну, а в той группе, кроме Лёвы, была и Мария, наша медсестра. Её, как я понимаю, представлять не надо: ты же знаешь, о ком речь?

Сенькин с готовностью кивнул.

– Ещё бы не знать, – улыбнулся Карев, – она же у тебя кровь для лейтенанта брала, земляка нашего с тобой. Да-да, я ведь тоже из тех краёв. Но вот что ты вряд ли знаешь, так это то, что она вас обоих сюда сопровождала да ещё здесь полмесяца выхаживала. Ну, это уж сколько Вадим Лукич ей отпуску дал, столько и помогала тут сёстрам. Торопов-то быстро в себя пришёл, а ты так в беспамятстве и оставался, как она говорила. Один раз, мол, только и пришёл в себя в её тут бытность. Потом её отозвали. Кстати, она-то и нашла твои очки, как сказал Ерёмин.

– Выходит, мне не почудилось? – невнятно прошептал Кеша. – Я вроде её голос слышал.

– Что-что? Повтори? – склонился Михаил. – Да? Ты слышал её?

– Мне так показалось. Скажи: значит, она знает, что со мной? – всё больше напрягаясь, шептал Сенькин, и голос его временами, хоть и сипло, но прорывался, как у простуженного. – Ну, то есть, в каком я состоянии?

– А как же! Знает, конечно. И верит, что ты не поддашься смерти. Это я сам от неё слышал. Так что ты просто обязан оправдать такую её уверенность. Кстати, вот её адрес, – Михаил достал из кармана конверт. – Мне Торопов передал. Маша ему для тебя оставила, что, мол, после войны вы договорились списаться. Так-нет? Да руками, руками бери, не бойся.

Сенькин всё ещё с опаской протянул руку, взял конверт и положил в изголовье под подушку. Потом снова согнул и разогнул руку. Пошевелил пальцами. Боли не было.

– Во-во, шевели, теперь это тебе уже не только можно, но и нужно, – подбодрил Михаил. – Тренируй пальцы, смотришь – и ещё здесь успеешь ей написать; во всяком случае, я бы на твоём месте так и сделал. Адрес госпиталя есть, чего больше надо! Не зря же именно она нашла твои очки. Значит, так оно нужно было. Но главное тут что? Той же ночью выпал снег, и пойдя он раньше на день, уже никто и никогда бы их не нашёл. Тем более, что госпиталь перебазировали ближе к фронту, и теперь он больше ста километров оттуда. Есть над чем задуматься, а, Иннокентий? Вот и я так думаю, что неспроста нам обоим такое везение. Особенно тебе. – Миша как-то воровато огляделся, нагнулся к самому уху Сенькина и шепнул тихо: – Слышь, братишка, спросить хочу: ты в Бога веришь?

Кеша даже вздрогнул от столь неожиданного вопроса.

– Верю, – чуть помедлив, ответил таким же шёпотом, а лицо его вновь озарилось улыбкой.

– Значит, я не ошибся, – довольно выпрямился Карев. – Да и не только я. Врач так и сказал: не иначе, говорит, как ангел-хранитель есть у него. Гляди-ка, хоть, мол, и изрешетило парня, – живого места нет, – а он назло смерти за жизнь цепляется. Я как от него услышал это, так и решил, что обязательно должен с тобой поговорить. О Боге спросить. Мне это очень важно, сержант. Тут в палате все парни – герои, а вот чтобы в Бога верить... – Михаил на мгновение заколебался: говорить – не говорить. Всё же решил, что стоит продолжить: – Короче, одного я спросил, другого – и скис. Подняли на смех. А ведь крестик, считай, каждый второй тайком носит, сам видел. Так, может быть, и верят, да

только признаться в этом нельзя. Боязно. Опасно, дескать, признаться, что веришь в Бога. Но тогда какая же это вера? А, Кеша? Ты как на это смотришь?

Сенькин молча протянул ему руку и одобряюще кивнул.

– Вот и я так думаю, – продолжил Михаил. – Вера, она или есть, или её нету совсем. И если уж чего и нельзя, то это жить без веры в Бога. Я до войны один-единственный раз был в церкви, а здесь, смотри-ка, молился Ему перед каждым боем. Потому что чувствовал Его. Да разве ж без веры в Него выжил бы, когда смерть прямо в лицо целилась! О-о, уж этот-то миг – на всю оставшуюся жизнь миг. Теперь, как кончим с войной, сразу пойду в церковь. Хорошо бы встретить верующих, которые не прячут свою веру под нательную рубашку, а говорят о ней открыто. – Тут Карев уловил движение губ Сенькина и прильнул к нему ухом: – Что, ты знаешь таких людей? Расскажешь мне о них? Вот видишь, не зря я так на тебя надеялся. И слава Богу, что дождался, когда ты оклемаешься. Теперь и на душе легче стало. А то всё переживал, что не успеем поговорить. Мне уже на днях гипс снимут, возможно, и на фронт вернусь, а тебя, как я слышал, отправят в тыл, куда-то в Казахстан; там специальный военный госпиталь для фронтовиков есть.

Ладно, заговорился я, а доктор просил сильно тебя не утомлять. Но если чуть что, зови. Сёстры-то наши, бывает, не успевают подойти; нас ведь тут очень, просто очень много: к одному подойдёшь, а уже трое других ждут. А вот, кстати, и сам Олег Михайлович идёт, и скорей всего, к тебе. Ну, давай, обдумывай новости, а я подойду попозже. Может быть, сможешь рассказать мне про тех верующих.

Михаил встал, учтиво уступив место подошедшему доктору.

– О-о! У нас уже и очки на носу, – пошутил тот, присаживаясь к Сенькину. – Вижу, что жизни они тебе явно добавили. И это хорошо, это просто отлично! Я даже догадываюсь, откуда они. Лейтенант тут один с фронта рвался к тебе, да вот беда: как раз ни под каким соусом нельзя было тебя ворошить.

Не переставая шутить, доктор осмотрел пациента и лишь под конец осмотра посерьёзnel:

– Ну, вот что, Иннокентий: ничего от тебя скрывать не буду, ты не кисейная барышня. Здесь мы сделали всё, что могли, и самое страшное у тебя позади. Вполне возможно, что предстоит ещё одна операция, и для этого через неделю-другую отправим тебя в тыл. В общем, как мал-мал окрепнешь – так и в путь. Может быть, она и не понадобится, всё может быть. Но это будут решать не только врачи, но и ты сам. Повторяю: самое страшное позади и теперь главное – побольше оптимизма. Вот как сейчас. Ты прямо сияешь весь. Похоже, Михаил, кроме очков, сообщил ещё что-то приятное. Нашли общий язык? Ну, что ж, это немаловажно в твоей ситуации. Да, чуть не забыл: твоим родителям уже сообщили, что тебя отправляют в военный госпиталь в Алма-Ате. Знаешь, где это? Ну, вот и отлично. Постарайся до отправки окрепнуть физически.

И доктор продолжил обход, уверенный, что Сенькин воспримет новость с присущей ему стойкостью.

Но, видать, Кеша исчерпал запас этой самой стойкости. Да и как решиться на операцию, если ты только что перестал ощущать боль при каждом движении.

Хотя внешне он оставался спокойным, одна лишь мысль о том, что вновь придётся пройти через те же страдания, удручала до полного отчаяния. В этом он признался только Кареву. Да и то перед самой выпиской Михаила. За эти немногие дни дружба их окрепла настолько, что они ничего не скрывали друг от друга. Тем более, что Сенькин уже мог говорить, не напрягаясь.

– А ты решился бы на операцию? – спросил он. – Что бы ты сделал на моём месте?

– На твоём, не знаю, а если бы это коснулось меня, то согласился бы, не задумываясь, – уверенно отозвался Карев. – Я доверяю нашим врачам. А ещё больше доверяю Богу. И потом не забывай, что операции может и не быть. Ведь так сказал доктор?

– Так. Но это вряд ли. Эх, уж лучше бы меня сразу... – голос Сенькина дрогнул, и он недоговорил.

– Ну, это ты брось, Кеша: Бог столько хранил тебя, неужели оставит в беде, когда ты почти что живой? Да нет, конечно. Взбодрись, сержант, не к лицу тебе унывать! Бог поможет и на этот раз, вот увидишь. Увидишь-увидишь, не сомневайся.

Кеша согласно кивнул, но лишь для того, чтобы не обременить его перед дальней дорогой своими печальями. А вечером, без особого энтузиазма изучая потолок палаты, с непонятно откуда взявшимся укором по отношению к другу усмехнулся: «Может быть, и увижу, а может быть, и нет. Хорошо Мише так говорить: его завтра выписывают. А я? Доживу ли когда-нибудь до выписки? Выдержу ли?» И после его отъезда загрустил ещё больше.

Под самый Новый 1945 год поезд уносил группу раненых бойцов из стылого разрушенного Ленинграда в более приветливые, не тронутые войной края. Среди них был и старший сержант, кавалер ордена Славы Иннокентий Сенькин. Награды ему вручили перед отъездом из госпиталя.

* * *

Как и предполагал Олег Михайлович, без операции дело не обошлось. Осколок в лёгких, который не рискнули трогать во фронтовом госпитале, решили удалить в госпитале Алма-Аты. Правда, у Иннокентия был выбор: врачи сказали, что он может жить с этим осколком, но это до поры, до времени. Когда-нибудь, мол, он всё равно даст о себе знать, но если сейчас есть все шансы на благополучный исход, то потом за успех операции никто уже не поручится. Ну, а учитывая все перенесённые им до этого операции и риск предстоящей, она будет проведена только с личного согласия Сенькина. Так что ему решать.

Ну да, легко сказать: «вам решать», а каково это – решиться? Ах, как надеялся Кеша, что прогноз Олега Михайловича не сбудется, как молился! Но, увы: осколок был, и никуда от этого не деться. Прозвучало это для него, как приговор, услышав который, ноги сделались ватными, зашлось тоскою сердце, и поплыло всё перед глазами. Потом охватившие поначалу паника и отчаяние уступили место бессильному равнодушию: «Не услышал меня Бог. Ну, так сколько ж можно спасти обречённого?» То есть, в душе он вроде как оправдывал Бога.

И тихой сапой не впервые за время страданий вкрадывается в душу мысль о непростительной вине. Навязчивая, изводящая, она подтачивает его и без того негодные нервы: «Это мне за Аню. Не бывает прощения за погубленную жизнь другого человека, не-е, не бывает».

Кеша беспомощно оглядывается: рядом с ним ещё трое раненых, состояние которых вряд ли лучше, и искать у них духовной поддержки глупо хотя бы потому, что, кроме как мат-перемат, сопровождающий их стоны, в палате ничего не слышно. Ах, был бы сейчас рядом Михаил, излил бы ему душу. Или хоть кто-нибудь из верующих. Но откуда же им тут взяться?! А картины той зимней гонки одна за другой так и лезут в глаза, но не мельтешат, а нарочито медленно выплывают самые памятные эпизоды; его согбенную от страха фигуру, взмыленного Горюна и ощущение дула пистолета, приставленного к спине. И зарывается Сенькин с головой под подушку, чтобы не слышать тот леденящий душу визг: «Гони, придурок! Поздно! Какая тебе Анька?»

– Сенькин, что с вами? Что-нибудь надо?

Это медсестра Лидия Павловна, или тётя Лида, как её называют и больные, и сослуживцы. Очень пожилая и очень заботливая женщина, она всех пациентов называет на «вы» и для каждого находит доброе слово. Говорит всегда тихо, проникновенно, с искренним участием. Но этому парню сейчас не до её утешений.

– Нет-нет, – высовывается он наружу, – всё в порядке. Спасибо.

– Но я же вижу, что это не так, – возражает она, подсаживается к нему и, к его удивлению, переходит на

«ты»: – Если что болит, ты говори, не стесняйся. Очень боишься операции? – участливо глядит на него и сама же отвечает: – Ну да, что ж я спрашиваю, когда ты их уже столько перенёс. – Она поправляет ему подушку и говорит так, будто продолжает давно начатый разговор: – Оно, конечно, трудно выстоять против столько-то бед, что свалились на тебя. Но трудно, Иннокентий, это если без Бога пытаться выстоять, а с Богом в душе можно всё преодолеть. Ты...

Это было настолько неожиданно, что Сенькин, не дав договорить, так и подскочил в кровати.

– Тётя Лида, – перебил взволнованно, – вы верите в Бога?

– Верю, – просто сказала она. – Верю, что Христос – наш Спаситель.

– И не боитесь об этом говорить? – опасливо огляделся он.

– Тебя – нет, – улыбнулась медсестра. – Ты ведь ищешь Бога, разве не так? Или мне это только показалось?

– Нет, не показалось, – судорожно сглотнул он, не сводя с неё замороженного взгляда. – Я давно ишу Его, и сейчас, как никогда раньше. У меня не получается молиться. Я не могу молиться.

– Это бывает, – утешает она и предлагает совсем уже тихо: – А хочешь, я тебе принесу Библию? Нет-нет, ты не ослышался, – упреждает его изумление: – Библию, и прямо сейчас. Ты опять чего-то испугался?

– Я знаю, что за это бывает, и не хотел бы подвергать вас опасности.

– Я была бы в большей опасности, если бы не предложила её тебе.

– То есть, как? – не понял Кеша.

– Очень просто: верующие должны исполнять заповедь, которую им оставил Христос, и она записана в Библии: «Идите по всему миру и проповедуйте Евангелие всему творению. Кто будет верить и креститься, спасён будет; а кто не будет верить, осуждён будет».

Всему творению, всем, понимаешь? Независимо от того, верит или нет человек, он должен услышать Слово Божье. Ну? И как же я, видя твоё искание, пройду мимо и не поделюсь с тобой вестью об Иисусе? Ведь это значит, что я не исполню Его заповеди, и тогда не будет мне доли в Царстве Небесном. А что может быть страшнее для верующего?

– В Царстве Небесном, – эхом откликнулся Кеша. – Это вы о загробной жизни? Она есть? – Ещё никто не заговаривал с ним о жизни после смерти, и он вдруг понял, что как раз это подспудно тяготило его. И более всего боялся, что она есть. Ведь тогда и там он будет точно так же страдать и мучиться за тот свой проступок. Да и только ли за тот?

И мудрая женщина угадала ход его мысли.

– Эта жизнь есть, Иннокентий, – сказала мягко. – И она, в отличие от нашей земной, непреходяща. Её дарует нам Господь, «дабы всякий, верующий в Него, не погиб, но имел жизнь вечную». Но для того, чтобы получить её, нужно примириться с Богом, то есть, покаяться перед Ним в своих грехах. И тогда Он примет тебя как Своё дитя.

Покаяться... Кеша вздрогнул от слова; он уже слышал это однажды. Где и когда? И в памяти сразу же возник образ суетящейся Ивановны и как раз эти же её слова: «Раз ты сам признаёшь себя виноватым в чём, то надо покаяться,

чтобы Бог тебя, твой грех простил». Ещё она сказала, что это означает молиться Богу. Но ведь он молится! Уж как там выходит – правильно или нет, – но молится.

И снова Лидия угадывает его сомнения.

– Часто люди обращаются к Богу с просьбой помочь им в той или иной худой для них ситуации, при этом забывают просить о прощении их грехов, – говорит с грустью в голосе. – Кто-то забывает, а кто-то думает, что это необязательно: Бог, мол, на то и Бог, что знает это и без нас. И когда Господь отвечает на молитву и помогает избежать худой участи, человек радуется и говорит, что Бог слышит его. О, тогда он пребывает в твёрдой уверенности, что этой радости общения с Богом у него никто не отнимет. Но случись так, что по его просьбе ничего не происходит, тот же человек сразу с укором: дескать, не слышит Бог! И – в панику, не дожидаясь ответа от Него. Отсюда и неприютность души, отсюда и отчаянный вопль сердца на неоправдавшуюся якобы надежду: «Почему Бог не ответил, ведь я так усердно молился?» Но ведь ответ-то по-разному приходит, и Богу виднее, что сделать Ему с нашей просьбой. Может быть, то, о чём просим, нам-то как раз и не во благо будет, а Его помощь в чём-то другом проявится. Не дано нам знать Божий промысел.

«Откуда она знает, что творится в моей душе, ведь я ей ничего не говорил? – в явном замешательстве примеряет её слова на себя Кеша. – Но как же она права: именно это и происходит со мной!» А вслух говорит:

– Я всё понял, тётя Лида. Спасибо.

– Я рада это слышать, Иннокентий. Читай Библию с усердием, в ней найдёшь ответы на все вопросы. Кто,

как не сама эта книга книг, может доступнее всего поведать о Боге?! Так принести?

– Вы ещё спрашиваете, – чуть ли не обиделся Кеша. – Конечно. Только будьте, пожалуйста, осторожны.

– Осторожным нужно быть тебе, Иннокентий. Читай так, чтобы никто не увидел, что именно ты читаешь. Сейчас принесу.

Лидия Павловна быстро вернулась и протянула ему книгу.

Сенькин в лёгком волнении взял её и... в недоумении поднял глаза. На обложке стояло название книги: «Сказки братьев Гримм».

– Это такая искусная обёртка для недоброго глаза, – тихо пояснила Лидия с улыбкой. – А ты не смотри на то, что снаружи, смотри, что внутри. Там Новый Завет. Открывай и читай, а что будет непонятно, потом спросишь. Операция ведь у тебя в конце недели? Ну, значит, успеем ещё и обсудить.

Такое начало как-то сразу раскрепостило, и, не откладывая в долгий ящик, он тут же приступил к чтению. Потом, когда свет в палате на ночь выключили, перебрался в коридор к столику дежурной медсестры. В общем, уснул лишь под утро, с трудом оторвавшись от книги. Причём прерывался несколько раз: захлопнув Библию, шёл в палату и ложился в кровать, пытаясь уснуть. Но возбуждение было столь велико, что в уме повторял прочитанное и снова спешил в коридор – сверить, так ли запомнил тот или иной стих. Рассвет уже всю хозяйничал в палате, когда он, наконец, с явным сожалением запрятал книгу в наволочку, и с удивлением вдруг обнаружил, что совершенно не чувствует усталости! Что само по себе было очень радостно; ведь стоило ему прочитать две, от силы

три страницы, как у него начинались сильные боли в затылке, резко подскакивало давление и нужно было время, чтобы отлежаться. Да и без таблетки не обходилось. А тут будто и не было стольких-то часов чтения – целая ночь?! Будто и прошёл-то, промелькнул всего-навсего один короткий, благословенный миг. «Бог мой! – глаза Кеши застило слезами умиления и глубокой благодарности, и он с блаженной улыбкой на устах нырнул под одеяло. – Вот оно то, что я искал, о чём думал, на что надеялся. Вот Он, Тот, жизнь Которого могла бы стать моим идеалом. Высшим счастьем, какое только бывает, было бы уподобиться Христу! Вряд ли это кому-нибудь под силу, но стремиться к этому можно. И нужно! Бог мой, сколько же времени я потерял, не зная Тебя. Сколько цеплялся за эту жизнь, не зная, что только та чего-нибудь стоит, которая с Тобой!»

Кеша повернулся набок и пробормотал, уже засыпая: «Не собирайте себе сокровищ на земле, где моль и ржа истребляют и где воры подкапывают и крадут, но собирайте себе сокровища на небе... Ибо где сокровище ваше, там будет и сердце ваше».

На этот раз он больше не поднялся до прихода медсестры с обязательным утренним уколом.

Оставшиеся до операции дни пролетели, как одно чудесное и неповторимое путешествие со Христом. Кеша просто утонул в чтении Библии. Обладая незаурядным воображением, он внимал с паломниками Христу и, как губка, впитывал в себя слова Его Нагорной проповеди (и вскоре мог повторить её наизусть!); бросался в воду следом за Петром на Генисаретском озере и так же, как и он, был спасён Иисусом; при-

ступал с толпой хромых, слепых и увечных калек ко Христу у моря Галилейского, и Он исцелил его вместе со всеми; и там же, у моря, с теми же тысячами народа ел рыбу и хлеб, преломлённые Господом Иисусом. Волшебный, полный любви и, несмотря на трагическую развязку, несказанно желанный мир Христа и Его апостолов, Его смерть за грехи всех, в том числе и его, Сенькина, грехи. И воскресение, как апофеоз Христовой победы над смертью – ликование, бьющее через край! Он искупил наши грехи наивысшей ценой – ценой Своей пречистой крови!

Умом Кеша не сразу принял пытки и издевательства над Христом, даже взбунтовался поначалу: «Ну, почему бы не покарать нападавших, если Бог мог предоставить более двенадцати легионов ангелов в защиту? Не-ет, неправильно это. Если тебя обвиняют несправедливо, да ещё и с такими лжесвидетелями, а у тебя есть аргументы в свою пользу, то нужно бороться до победы!» Потом, после беседы с Лидией, осознал глубокий смысл этого смирения и жертвы: Христос «смирил Себя, быв послушным даже до смерти, и смерти крестной. Поэтому и Бог превознёс Его и дал Ему имя выше всякого имени, дабы пред именем Иисуса преклонилось всякое колено небесных, земных и преисподних и всякий язык исповедал, что Господь Иисус Христос во славу Бога Отца». Поняв это, не раз стоял он в присутствии Лидии Павловны (но тайком от недоброго глаза) на коленях пред Господом. Надежда и разочарование, радость и печаль, восторг и грусть – все эти переживания, перемежаясь, целиком захватили Иннокентия. Он отрешился от всего происходящего вокруг, лишь автоматически выполняя то, что

от него требовалось по расписанию процедур. И только светлая грусть осталась после того, как, читая и перечитывая каждую страницу по нескольку раз, перелистнул последнюю из Деяний апостолов. Грусть и жалость: ах, как быстро пролетели эти благословенные мгновения! Как не хотелось возвращаться в обыденность и мирскую суету. Но всё вернулось на круги своя.

– Как только начнёшь ходить после операции, сведу тебя к братьям, чтобы они возложили на тебя руки, – пообещала тётя Лида в ответ на вопрос о том, что ему делать дальше. В благополучном исходе операции она ничуть не сомневалась, и это тоже благотворно подействовало на него. Во всяком случае прежнее упадочническое настроение сменилось твёрдым оптимизмом.

– Мы ещё поживём, – уверенно сказал Сенькин вслух, когда его повезли на каталке в операционную.

Сопровождающий медбрат, приняв его утверждение за вопрос, с улыбкой кивнул и сказал как можно веселее:

– Поживёшь, конечно, какие твои годы. Войну прошёл, а уж это тем более. Для наших врачей такие операции – как семечки шелкать.

Ну, и первое, что он увидел, придя в себя в реанимации, – это уже хорошо знакомую, а потому и не столь пугающую паутину всевозможных трубок на теле, и склонившуюся к нему Лидию Павловну.

– Всё в порядке, – улыбнулась она, уловив его осмысленный взгляд. – Теперь будешь жить долго и счастливо. Вся наша церковь молилась Христу, чтобы Он благословил руки врачей. И Он благословил их. И тебя, и твою жизнь благословил. Ведь мы же условились, что идём с тобой в нашу церковь. Помнишь? Идём?

Сенькин благодарно кивнул.

– Скоро тебя переведут в палату, и ты сразу же увидишься с родителями, – ласково потрогала она его лоб и уточнила: – Они приехали аккурат в день операции и знают, что она прошла успешно и твоё здоровье вне опасности. Сейчас главное, чтобы температура пришла в норму. Ну, а Библию я принесу уже в палату, потому что здесь с тобой будут другие сёстры. Это я случайно на пару часиков подменила одну из них. – Увидев, как он оживился при упоминании Библии, Лидия снова улыбнулась: – Кстати, она со мной. И раз уж у нас есть в запасе больше часа, я тебе почитаю. Знаю, знаю, начнём с Нагорной. Ну, что, слушаешь?

Лидия Павловна открыла Библию, и голос её зазвучал, как всегда, тихо и проникновенно: «Блаженны вы, когда будут поносить вас, и гнать, и всячески неправедно злословить за Меня. Радуйтесь и веселитесь, ибо велика ваша награда на небесах... Вы соль земли...». Кеша без видимого напряжения вслушивался в слова; они несли душе покой и умиротворение, утишали боли лучше всякого обезболивающего лекарства. И вот уже отяжелели веки, а на лице его заиграла едва заметная улыбка; это он, повторяя одними губами вслед за Лидией молитву «Отче наш», отрешился от реальности и переместился в мир любви и доброты – чудодейственный мир Христа.

Лидия ещё раз осторожно ошупала его лоб и поставила градусник. Потом, проверив, облегчённо вздохнула: температура падала, хоть и совсем на мизер, и она с лёгкой душой уступила место дежурной сестре.

Состояние Сенькина просто зримо улучшалось с каждым днём и, как и предполагала Лидия, вскоре (хоть

и не так быстро, как того хотелось бы) его перевели в палату, а долгожданная, полная эмоций встреча с родителями ещё больше способствовала выздоровлению. Грустным было только одно: и отцу, и матери уже надо было возвращаться домой к работе, поскольку отпуск у них заканчивался. Всего-то три дня и довелось побыть с сыном, зато уехали в полной уверенности, что в ближайшие месяцы вернётся домой и он. Уверены были ещё и потому, что Иннокентия для полной реабилитации прямо при них перевезли в эвакогоспиталь, расположенный высоко в горах, на месте довоенного санатория близ Алма-Аты. Здесь было всё: и изумительной красоты горы с бескрайним яблоневым садом вдоль речки, от подножия до вековых елей чуть выше по склонам; и сама бурная речка с кристально-чистой водой по дну ущелья; и мягкий солнечный климат зимой и нежаркое лето, и лечебный – не надышишься! – горный воздух – в общем, всё, что нужно пациенту для восстановления здоровья. До войны этот санаторий считался одним из самых эффективных лечебных учреждений в стране, особенно, что касалось лечения лёгких. Всё это родители узнали и увидели сами, поэтому уезжали со спокойной душой.

Раз в неделю Кешу навешала Лидия Павловна, а в середине апреля она приехала в сопровождении двух членов её церкви. И здесь, в заранее предусмотренном ими уютом месте утопающего в белопенном цветении яблоневого сада, Сенькин в покаянии преклонил колени пред Господом, а старший из братьев, Борис, возложил на него руки. В последовавшей откровенной беседе о будущем Кеша признался, что хочет остаться

в Алма-Ате. И самому, дескать, здесь нравится, и врачи советуют подольше пожить в этом климате.

– Ну, что ж, брат Иннокентий, это разумно. За здоровьем, особенно таким, как у тебя, присмотр, ой, как нужен, – сказал Борис на прощание. – И если ты это твёрдо решил, тогда тем более ждём тебя на собрание в церкви. Подучим с тобой Библию и летом примешь крещение. А пока подыщем тебе жильё. Да и работу, наверное, какую-то. Пенсию-то по инвалидности ещё не назначили?

– Пока нет. А хоть и назначат, долго на шее государства сидеть не собираюсь. Работать хочу, – задумчиво сказал Кеша и почему-то добавил: – Пусть хоть сторожем. – И сам же смутился: – Ну, это так, для начала.

– А что, правильно, – почему-то обрадовался другой брат. – Не пойдёшь же сразу тачки с бетоном катать. А сторожем тебя с руками-ногами возьмут – фронтовик! И я даже знаю, куда! Короче, как выпишешься, так и пойдёшь со мной. Тут, в посёлке неподалёку, есть мелкооптовая база: вот тебе и климат, и работа...

– И время для изучения Библии, – подхватила Лидия Павловна. – А ещё для твоей учёбы. Ты ведь сможешь продолжить образование здесь, в Алма-Ате. Теперь тебя обязательно восстановят. – И пояснила братьям: – У него два курса пединститута за плечами.

– Тогда мы напоследок обо всём и помолимся, – предложил Борис, и молитвой к Богу завершилась эта благословенная для Кеши встреча.

В День Победы он уже был на собрании в церкви, а на следующий заступил на первую свою вахту сторожа. Всё шло как нельзя лучше, вот только ни на одно его письмо, ни из госпиталя в Ленинграде, ни на те, что были уже

отсюда, не пришло ответа от Марии. И хоть понимал, что на войне случается всякое, стал больше склоняться к мысли, что она его забыла. И очень грустил.

* * *

Неожиданный лай сторожевой собаки прервал воспоминания. Пёс Полкан редко когда лает попусту, поэтому Сенькин взял ружьё и, поскольку на освещённой территории базы ничего подозрительного не наблюдалось, тотчас вышел за ворота. В ночной мгле сначала услышал тележный скрип, а потом разглядел и саму телегу, и сидевшие в ней две согбенные фигуры; телега аккуратно свернула в ближний за магазином проулок, и тут же скрип прекратился, стало быть, остановилась. Гужевой транспорт здесь не внове, но в предутренний час появление его вблизи складов показалось Сенькину подозрительным, и он присел у крыльца проходной. Не прошло и минуты, как из того же проулка вынырнули две фигурки и не больно-то крадучись, направились к магазину. Вот они вступили в освещённую фонарём полосу света, и Кеша едва удержался от вскрика: одним из мужиков был как раз тот обеденный плясун. Чтобы распознать его, не надо даже было видеть его лица: он и шёл-то с теми же ужимками, что и в пляске. И память мгновенно выхватила тот давний зимний полдень в Ключах, пьяного мужика, соскочившего с розвальней и угодившего головой в сугроб, и его залихватское: «И-ех-тах-ри-та-тах».

«Собутыльник Никиты?! – ахнул Кеша. – Ипат, кажется. – Но тут же и засомневался: – Или столь похож на него?

Да так и есть, мало ли людей похожих бывает. Откуда бы тот Ипат мог взяться в этих краях? Ну, кто бы ни был, а я вам, ребята, обедню-то испорчу».

Между тем уже заскрипела нижняя скоба запора; это мужики, поддев её ломиком, высвободили из дверного косяка и принялись, было, за верхнюю, но замерли на месте от тихого посвиста неслышно подошедшего Сенькина. Он мог бы сразу подать сигнал тревоги милицейской трелью, но от громкого свистка воры, как правило, бросаются врассыпную, и ему, с ещё не совсем полноценным здоровьем, их не догнать никоим образом. Стрелять же можно было только вверх, что тоже, как правило, лишь придаёт злоумышленникам дополнительное ускорение. А стрелять на поражение для любого сторожа всегда означало навлечь на себя беду, и хорошо, если не лишение свободы. К тому же в нём, как это часто бывало и на фронте, проснулся какой-то ребяческий азарт.

– Привет, мужики! Я вам не сильно помешал? – тихо и обыденно, будто извиняясь, сказал Кеша. И, вскинув ружьё, резко и громче: – Вы, оба, а ну, к стене рылом!

Один из них как стоял лицом к двери, так и ткнулся носом в неё, при этом благоразумно поднял руки. Второй же, стоявший боком к Сенькину, всё в той же ужимке вскинул руки к плечам и забубнил испуганно:

– Ты чё, ты чё, мужик, мы тут шутейно. Убери ствол, пальнёшь ведь ненароком. Ты чё, в натуре?

– К стене! – рявкнул Сенькин. Теперь, хорошо разглядев воришку, он уже не сомневался в правильности своего предположения, и когда тот тоже отвернулся, проверил догадку: – Лошадь с телегой твои, Ипат?

– С чего это они мои, – быстро повернув голову, отреагировал тот и, поняв, что выдал себя, смешался: – А? Чё ты сказал?

– А что слышал, – удовлетворённо хмыкнул Кеша. – Букина-то Никитку, кореша своего, где потерял?

Мужик воровато заозирался по сторонам. Он уже оправился от неожиданности, но, не признав в стороже Сенькина, теперь терялся в догадках, откуда тому известны их имена.

– Н-не понял. Какого ещё Никитку? Ты чё-то путаешь, паря.

– С которым вы Торопова подставили, дядю Илью, – жёстко сказал Сенькин и, снова вскинув ружьё, упредил: – Не вертись, Ипат. Пристрелю, не задумываясь.

Увлёкшись, он не услышал, как сзади подкрались двое других грабителей, но успел обернуться на раздавшийся неожиданно лай Полкана и, ещё ничего не разобрав, интуитивно подался вбок и чуть назад. Это спасло его; один из нападавших промахнулся дубинкой, которой наносил удар, и, провалившись вместе с ней, упал впереди него на четвереньки. Но другой сбил Сенькина с ног ударом по затылку и вместе с подоспевшим Ипатом ловко скрутил ему руки на спине, уткнув лицом в землю.

– Пристрелишь, пристрелишь, – просипел натужно. – Слышь, ты, вояка: будешь молчать – оставляю жить, ты мне не нужен. А пикнешь – отправлю на тот свет, усёк?

Видимо, посчитав, что этой угрозы достаточно, откинул ружьё ногой в сторону и скомандовал:

– Подбери ствол, Ипат, и стой здесь на стрёме. А ты, Леший, и ты, Жбан, быстро к складам, там уже всё готово. Как телегу подгоню, открывайте ворота. Ну, пошёл,

пошёл! Мы тут сами, без вас разберёмся, – поторопил, увидев, как один из них склонился над Сенькиным.

– Кляп ему, кляп надо, – злобно прошипел Ипат и, подождав, когда напарники скрылись за воротами, вынул что-то из кармана. – На, держи. Он, подлюга, меня признал и про тебя спрашивал. Где, говорит, твой Букин.

– Чиво-о? – как вкопанный остановился Никита, уже направившийся к проулку. – Это ещё откуда? А ну, переверни его на спину. Вот так. Шас мы его по роже вычислим. – И, осветив фонариком сторожа, изумлённо присвистнул: – Кеша?! Сенькин! Ты откуда тут взялся?

Кеша был изумлён не меньше. Изумлён, но не перепуган, как это показалось Букину. Несмотря на то, что в голове гудело от сильного удара, он попытался подняться и даже улыбнулся:

– А ты, стало быть, уже не в дурдоме? Теперь, значит, грабежом промышляешь?

Лучше бы он это не говорил. Относительно спокойное лицо Букина мгновенно задёргалось конвульсивными тиками от уголка губ до глаза по всей левой щеке. Он схватил её ладонью и прикрыл рот, пытаясь утишить разбушевавшиеся нервы. Чуть успокоившись, скривился в злой усмешке:

– В теме, значит? А что я по твоей милости в бегах, тоже знаешь?

– Нет, этого не знаю. А если в бегах, то я тут ни при чём.

– Не плети мне кружева. А кто, как не ты, напел Лейгойде об Аньке.

– Я не пел, я правду рассказал. Не надо было Аню с саней гнать. Бог нас обоих за это и покарал.

– Ах, ты... – задохнулся Букин от злости. – Бо-ог... Ну, тем хуже для тебя. Тогда не окочурился, так я теперь эту ошибку исправлю. Ипат!

Тот понял и, уловив момент, когда Кеша хотел ответить, ловко засунул ему в рот тряпку.

– Вот так-то понадежнее будет, – бормотнул невнятно. – Кончай с ним быстрее, Никита. Скоро светает. – И отшатнулся в испуге, увидев в слабом отсвете фонаря перекошенное ненавистью лицо Букина. – Да я это так, ты чё на меня-то, Никита, ты чё?

– Быстрее? – уже не обращая внимания на подельника, а как бы рассуждая с самим собой, зловеще переспросил тот и присел перед Сенькиным: – Не-е, он у меня будет помирать долго и мучительно. Слышь, ты, правдоискатель: жива твоя Анька. Жива-живёхонька. Сам с ней говорил, да не договорился. А жаль. Прокляла она нас обоих, понял?

Теперь уже для Букина лучше было бы не говорить этих слов, потому что они будто влили в Иннокентия новые силы. «Аня жива!» – это прозвучало подобно грому среди ясного неба, но какому же желанному, пленительному грому! Это был исцеляющий бальзам на измученную душу. Вряд ли он поверил бы кому-нибудь другому так сразу и безоговорочно, как сию же минуту поверил Никите.

А тот, уловив судорожное движение Сенькина, зло-радно хмыкнул:

– Что, радостно стало? А может, развязать? Ну, так попроси, я развяжу. Не веришь? Правильно делаешь. Тебе бы увидеть её, да? И повиниться бы, да? Да только не увидишь её. Не-а, не увидишь. – Букин распрямился,

и в руке его блеснула финка. – Ипат, сними с него очки. Вот так. Теперь держи ноги.

– Время, Никита, – умоляюще показал Ипат в сторону складов.

– Делай, что говорят, – прошипел Букин. – Время сейчас наше, всё успеем. Он же в Бога верит, вот жертвоприношение Богу и сделаем. Ну!

– Ладно, ладно, – положил Ипат ружьё на землю. – Нет, чтобы сразу пустить его в расход, – пробормотал себе под нос, с опаской примеряясь, как половчее ухватить Сенькина. Затем резко нагнулся, но в следующую же секунду отлетел от его удара ногами и с жалобным подвыванием закатился по земле. А Кеша, снова сгруппировавшись, уже пытался встать.

Никита на какой-то миг опешил, но вмиг сообразив, что просто так Сенькина не взять, спрятал финку и схватил обеими руками ружьё за дуло.

– Жаль, не получилось помучиться, – осклабился жутко, – но шума всё равно не будет. Я из тебя отбивную изделаю.

И уже на самом размахе в защитной реакции заслонила глаза руками от неожиданно яркой вспышки фонарика.

– Брось ружьё, Никитка! – приказал невидимый из-за снопа света мужчина. И повторил громче: – Брось, не доводи меня до греха.

Похоже, один этот голос парализовал Букина, отнял всю его волю.

– Дядя Илья, – еле слышно выдохнул он и обречённо опустил ружьё. – Достал-таки меня?

– Достал, племяш, достал. И тебя, и твоих блатарей на складе. Они оказались сговорчивыми парнями и ждут

бесплатное такси. – Как бы в подтверждение его слов из-за складского забора вынырнула машина, осветив их фарами. – Видишь? Это милиция. Так что положи ружьё на землю. Может быть, и зачтётся тебе несопротивление власти.

– Ага, зачтётся, – злорадно ухмыльнулся Никита, не выпуская ружьё из рук. Нависшая опасность помогла ему вновь обрести самообладание: – Мне теперь всё зачтётся – на том свете. Эх, семь бед – один ответ.

– Не дури, Никита. Я знаю, что говорю.

– Я тоже, – Букин отступил шаг назад к Ипату и на вытянутой руке направил ружьё на лежавшего Сенькина. – Дай уйти, дядя, или я...

Он недоговорил. Ипат, присмиривший при первом же окрике Ильи, а тем более при виде «воронка», быстро оценил обстановку, ловким движением подобрал дубинку, которой промахнулся его подельник Жбан и... Случилось то, чего никто не ожидал и уж, конечно, меньше всего сам Букин. Выронив ружьё, Никита, даже не успев удивиться, рухнул, как подкошенный, от удара по голове.

– Сволочь, скотина! – в благородной ярости заорал Ипат и пнул поверженного главаря. – Илья Семёнович, товарищ Торопов, я сразу хотел помочь сторожу, но разве против этого гада что сделаешь? У-у, тварюга, – сплюнул он в сторону Никиты и кинулся к Кеше. Встав на четвереньки, вытащил у него кляп и, по-щенячьи заглядывая в глаза, затараторил: – Шас я развяжу тебя, шас, повернись, вот, вот, готово... – Но освободив руки Сенькина от верёвки, всё же поспешно отступил на безопасное расстояние. Удар ногами послужил ему хорошим уроком.

Однако Кеша будто не замечал его, а уж тем более не думал мстить. Как не замечал и физическую боль и тошнотворный привкус во рту от кляпа. Продолжая сидеть, он потирал занемевшие запястья рук и не сводил изумлённого взгляда с Торопова. Столько сюрпризов за такой краткий промежуток времени: сначала Никита, потом весть об Ане и мистическое явление Ильи в самый трагический момент – не укладывались в его до сих пор гудевшей от удара голове. И в вящей благодарности за столь внезапное спасение он лишь молча взывал к Богу: «Господь мой, как же вовремя Ты послал мне верного друга!» И в такой же молчаливой радости улыбался Торопову. Но тот в белой дымке рассвета ещё не узнавал его.

– Я сразу хотел тебя спасти, паря, – продолжал между тем канючить Ипат. – Вот и очки твои приберёг. Нака. Гляди, це-еленькие. – И снова к Торопову: – Там на складах ещё четверо, вам бы обезвредить их поскоря.

– Не сокоти, Ипат, управились без твоей подсказки, – усмехнулся Илья, развернул его за шиворот и кивнул подбежавшим милиционерам: – Наручники ему. И вон того осмотрите; похоже, откачивать мужика придётся. Этот хлюст его дубиной по черепу отоварил. По-свойски, так сказать. А я пока сторожу помогу, – распорядился он и склонился к Кеше. – Итак, друг, хоть я и догадываюсь, что с тобой не очень-то вежливо обошлись, но всё же расскажи, как было дело. Можешь говорить?

Кеша поднялся и, не переставая улыбаться, развёл руками.

– Могу, – произнёс еле слышно.

– Ну, и отлично. Во-первых, поясни, как они тебя сюда выманили? А во-вторых...

– Вы меня не узнаете, дядя Илья? – вклинился наконец Сенькин.

– Постой, пос... – голос Ильи сорвался от волнения: – Не может быть! Да это же Кеша, братцы! – с радостным возгласом повернулся он к рядом стоявшим оперативникам, будто это нужно было больше им, чем ему самому, – Иннокентий, о котором я вам рассказывал! – Лишь после этого заключил улыбающегося Сенькина в объятия: – Друг ты мой сердечный! Я ж тебя по всему городу искал – не нашёл, а тут... нет, ну, это же надо, а! Ты погоди немного, мы сейчас с этими гавриками разберёмся, а уж потом поговорим. Вон, гляди: кажется, наш с тобой общий знакомый оклемался. Хочешь что-нибудь ему сказать?

Сенькин отрицательно мотнул головой.

– И правильно, – одобрил Илья. – Да ему и не до тебя, как вижу.

Хлопотавший около Никиты милиционер уже поставил его на ноги, и теперь Букин ошалело крутил головой. Он явно искал кого-то. Нашёл и тупо уставился взглядом на Ипата.

– Ну, гнида, знай: где тебя найду, там и зарюю, – процедил мрачно. – Хоть под землю спрячешься, найду. Пригрел змею на свою шею.

– Заткнись, – запальчиво пискнул Ипат. – Это я тебя найду и спрошу за загубленные годы.

Прозвучало это столь смешно и нелепо, что оперативники, молодые парни, брезгливо сплюнули: вот уж, мол, дружба, так дружба.

– Что ж ты так? – спросил один из них. – Он же тебе вроде свой?

– Этот свой мне поперёк горла стоит, – не задумываясь, выпалил Ипат. – Я, может, никогда бы не стал вором, если бы не он. Да я...

– Да ты, ты, – оборвал оперативник. – Давай, вон, полезай в кузов.

– Ага, ага, – с готовностью выполнил Ипат команду и уже наверху оглянулся и плаксиво заныл: – Так вы уж, Илья Семёнович, подскажите там, что я вам содействовал. Сами же говорили, что зачтётся, раз несопротивление. А?

– Да будет тебе зачёт, будет, – хохотнул парень. – На сколько награбил, столько и зачтётся. Не бойся, скучно не будет. Вон, кстати, и твоих кентов ведут до кучи.

Из ворот базы милиционеры выводили четверых грабителей в наручниках, и тут же подъехала ещё одна милицейская «эмка». Из неё бодро выпрыгнул мужчина в кожаной гражданской куртке и, приветственно кивнув оперативникам, подошёл к Торопову:

– Ну что, Илья Семёнович, порядок?

– Полный, – так же коротко отрапортовал тот и добавил вполголоса:

– Главаря банды надо бы сразу отделить, товарищ майор. И, если можно, немедленно к врачу, чтобы успел дать показания. Ну, вы же знаете...

– Да-да, добро, – кивнул майор и махнул рукой: – Грузите, ребята! Всех в «воронок», а этого ко мне в машину. – И, подождав, когда оперативник усядется в машине рядом с Букиным, повернулся к Илье: – Вы с нами?

– Нет, я здесь останусь, Булат Идрисович. Дождусь следователей. На складах-то банда не успела даже замки сломать, как их наши ребята скрутили. А вот на магазине

запор вырвали, так акт составить надо. Так что я до утра со сторожем подежурю. Кстати, это мой фронтовой друг Сенькин, а заодно и земляк.

– Неужели тот самый? – вскинул брови майор.

– Он и есть.

– Вот оно как, – улыбнулся офицер. – Слышал, слышал.

Ну, спасибо вам обоим за помощь. И вот что у меня на уме, Илья Семёнович: вы так быстро сработались с моими парнями, так не остаться ли вам у нас? А что: и героя вашего с собой возьмёте. Негоже как-то фронтовому, да ещё орденосцу в сторожах прозябать, а нам такие люди ох, как нужны. А? Как вам предложение?

– Заманчиво, – улыбнулся Торопов. – Да только... – он развёл руками и непритворно вздохнул: – К сожалению, и у нас, в Сибири, после войны дел невпроворот. Сильно расплодился уголовный элемент.

– Понятно. И всё же подумайте. Да, а может быть, вашему другу чем-то помочь надо, так говорите, не стесняйтесь? Чем можем, поможем.

– Мы всё обсудим, и я вам доложу.

– Будете участвовать в допросе земляков?

– Обязательно. Если допустите.

– Без вопросов. Тогда – до вечера. Раньше, думаю, не получится.

– Хорошо. Лишь бы он дотянул до вечера.

– А мы его сейчас подлечим, не беспокойтесь.

Майор пожал им руки, и «эмка», посигналив, тронулась вслед за «воронком».

– Ну, а мы айда к тебе на проходную, а то в ногах правды нет, – пошутил Торопов. – Чай-то есть в твоём хозяйстве? Вот и хорошо. Заодно и расскажешь, как ты

додумался в сторожа податься. Прав ведь майор: фронтовик, при орденах – и вдруг сторож! И это он ещё не знает, что у тебя чуть ли не высшее образование!

Они зашли в «дежурку» на проходной, расположились на двух табуретках у небольшого столика, и Кеша поставил чайник на плитку.

– Так каким образом ты в охране оказался? – напомнил свой вопрос Илья Семёнович.

– Долго рассказывать, – уклонился Кеша. – Как-нибудь в другой раз.

– Ну, не хочешь, не говори, – не стал настаивать Илья, вздохнул и задумчиво покачал головой: – Вот и финал. Для чего жил человек?

– Вы о Никите? – осторожно спросил Кеша. – Вы его хороните?

– Нет, похоронить-то он себя сам похоронил. Я только констатирую факт. Видишь ли, его недавно сдал врач, некто Ляшко, поддерживавший его долгое время наркотиками прямо на дому. За хорошие деньги, разумеется. Потом забоялся, что Никита уберёт его как ненужного свидетеля, и, прихватив рентгеновские снимки и фотку своего пациента, прибежал в милицию. Фотографию он предусмотрительно сделал, когда Никита после укола морфия пребывал «в улёте», то есть, в так называемой «нирване». И хотя жил Никита, конечно же, под другой фамилией и отрастил усы и бороду, спецы из опергруппы, подняв картотеку объявленных в розыск, предположили, что это не кто иной, как Букин. Ну, а чтобы уж совсем не ошибиться, обратились к нам, знавшим его в лицо. Ляшко в обмен на обещанное снисхождение согласился помочь задержать его, но, несмотря на это, задержать

не удалось. То ли что-то неладное почуял Никита, то ли нашёл другого врача или другой источник наркоты (по свидетельству врача, уколы он уже давно мог делать себе сам), но у Ляшко он больше не появился. И всё же один раз прислал за наркотой какого-то мужичка, чего нам вполне хватило. Брать обычного шестёрку не было смысла (может ведь стать, что это просто подосланный за бутылку случайный алкаш), однако, проследив за ним, местные опера вышли на Ипата, которого не знали, но сфоткали на всякий случай. Показали мне. Вот тут я и пригодился: «Да это ж, говорю, Ипат, давний подельник Букина! Значит, и он сам никуда не делся. Где-то тут за-таился». Ну, а дальше уже дело техники и терпения, и как ни надёжно залёг их шеф «на дно», выследили мы, с кем Ипат передаёт ему «марафет», и по-тихому скрутили того мужика. Чуть «поговорили» и выяснили, что они затевают. Одного только связник не знал: будет ли в налёте участвовать Никита. Так что, когда накрыли их с поличным и его не оказалось среди тех четверых, я уж, было, подумал, что он перехитрил нас. Кинулся искать сторожа; слышу, кто-то воет у магазина. Оказалось – Ипат. И Никита с ружьём крупным планом. Я его хорошо рассмотрел: вид у него – краше в гроб кладут. Не жилец он, это точно. Не зря Ляшко отпустил ему не больше месяца. И, похоже, его подельники об этом неплохо осведомлены: ты ведь слышал, что понёс Ипат. Будь уверен, что и другие члены банды будут всё на него валить, и им это в какой-никакой, а плюс будет. Шанс свой они не упустят и окажут себя на допросе. Впрочем, его досье и без их показаний тянет на «вышку». Удивляюсь, как он вообще мог управлять этой бандой. Ну, ладно, что это я тебя

тут баснями потчую. Давай, говори о себе. Как ты себя чувствуешь? Не шибко они тебя помяли?

– Да это ерунда, – отмахнулся Кеша. – Я уже забыл.

– Может, и ерунда, – наблюдая за ним, улыбнулся Торопов. – Во всяком случае, ты, и правда, не похож на пострадавшего. Больше на счастливого обладателя выигравшей облигации. В темноте я в этом ещё сомневался, а сейчас хорошо вижу.

– Так ведь наша встреча, Илья Семёнович, она стоит того, – ответил такой же улыбкой Кеша. – Честно признаться, я уже не питал иллюзий, что останусь в живых. Скверно только было на душе: выжить в войне с врагом для того, чтобы какой-то подлец забил тебя до смерти в мирное время, – согласитесь, не самое приятное ожидание.

– Да уж, – кивнул Илья. – Далекое не самое. Я на себя тоже иногда эту мысль примеряю. Бывают такие ситуации. Ясно, что в живых он бы тебя не оставил.

– Никита, после того как я отправил Ипата кататься по земле, хотел из меня отбивную сделать. И, наверное, сделал бы, не подоспей вы со своими ребятами. Так что, да – это счастливая облигация мне выпала. Ну, а если добавите то, что он открыл мне перед смертью, – он ведь был уверен в том, что отправит меня на тот свет, – поймёте моё состояние.

– И что же такого он тебе открыл?

– Он сказал мне, что Аня жива. Это так?

– Так, – подтвердил Илья. – Ты знаешь, это было похоже на чудо, как её спасли! Если коротко, то...

– Её спасли два охотника? – в сильном волнении перебил Сенькин. Это вырвалось у него против воли. Перед

глазами неожиданно ярко высветилась давняя картина его горячечных видений. – Вроде бы, мужчина и женщина. Они везли её на волокуше из веток.

– Точно, – обомлел Торопов, – на волокуше из веток. А потом на дровенках. Мужчина и женщина. Только они не охотники, а геологи. Но откуда тебе знать? Что, тоже Никитка рассказал? – И всё в том же недоумении пожал плечами: – Так, а ему тогда кто?

– Никита тут ни при чём. Я это сам видел, – Кеша прикрыл глаза и вытянул руку, словно хотел что-то поймать. – То видение, оно вот оно. Стоит мне остаться одному, и оно тотчас тут как тут; вот я бегу за волокушей, вот уже догоняю их, но они вдруг исчезают в каком-то колодце, и до меня лишь доносится тот её прощальный призыв: «Молись!» Этот вскрик – он всё перевернул во мне. Всю мою жизнь.

Сенькин немного успокоился, присел на табуретку и взглянул на Торопова. Тот смотрел на него и с изумлением, и где-то даже с тревогой.

– Кеша, ты... – начал он, но Сенькин уже понял вопрос и перебил:

– Я это видел, когда Никита меня после своей ледяной купели оставил в Лютово, деревеньке неподалёку от речки. Я там дня три валялся без памяти в доме у одной верующей старушки.

– А-а, у Ефросиньи Ивановны, – облегчённо вздохнул Илья. – Это ж совсем другое дело. Ты бы так сразу и сказал, а то я уже тебя в ясновидцы чуть не записал, и Бог весть что подумал. Рассказывала она, рассказывала, как ты бредил, да всё Аню звал. А тебе, значит, вот оно что виделось. И это просто невероятно: ведь именно так и

было по рассказу и самой Ани, и спасших её людей. Они теперь муж и жена, оба геологи, я несколько раз встречался с ними у Ивановны, пока не уехал работать в Абакан к Легойде. Оказалось, что они такие же верующие, как и Аня. Не всё в их вере мне нравилось, но... – Торопов засмеялся: – Но нравилось. Да, в общем-то, я всегда по-доброму относился к верующим, а эти супруги какие-то особенные люди. Знаешь, они сами не могут определить, кем приходятся Ане. Она говорит, что они её спасли, а они в голос утверждают, что это она их спасла. Через неё, мол, они спасение обрели, причём не абы какое, а Божье. Мало того, благодаря ей и поженились, а то ведь так и жили поодиночке, несмотря на то, что оба в годах уже. Не скрою, мне было как-то грустно и немного завидно наблюдать, с какой любовью чужие между собой люди относятся друг к другу. И Аня, и Ивановна, и вот они. Тут я невольно сравниваю наши отношения с Никитой и спрашиваю себя: почему же Бог, если Он есть, не дал и нам этой любви? Ведь мы с ним родные люди. И нету у меня ответа. Оттого и сказал сейчас, что немного завидно. Ведь ты смотри: что до Ани с Матюшкой, то они просто души в них не чаяли, а те отвечали им взаимностью. Не говоря уже об Ивановне.– Торопов грустно покачал головой: – Славная пара и славная старушка.

– Эта старушка выходила меня, и я обязан ей своей жизнью, – в тон ему взгрустнул и Кеша. – Я тоже был тронут её любовью к людям. Она на одном кругу жалела и добрых, и злых. Страшно переживала за меня и за вас. И в то же время за Никиту, хотя уже узнала от своего брата Григория Попова, какую роль он сыграл против вас.

– С Григорием я тоже встречался, хорошо его знаю, и он мне сказал ровно то же, что сейчас говоришь ты. И точно так же, как и я, не понимает, откуда берётся эта любовь. Где она начинается. И везде-то, мол, у неё Бог. Из-за этого, говорит, и не шибко охотно навешает сестру. Раздражает, мол, она его своей смиренностью.

– Илья Семёнович, где Аня теперь?

– Да вот как раз в том Лютово. Николай, муж её, вернулся с фронта, и они сразу переехали поближе к Ивановне. Она ведь не только тебя, а и Аню выходила; на ноги подняла девку в полном смысле слова. Да и теперь ей вместо матери, с Матюшкой водится. Ты ведь видел огольца? О, теперь это уже такой герой, не признаешь! Ну, и самому Игнату вроде бы сподручнее их навешать. Лютово, считай, в трёх-четырёх верстах от ихней артельной заимки.

– Когда вы возвращаетесь к себе? – решительно поднялся Кеша.

– Да хоть завтра. Хочешь ехать со мной?

– Да. Я должен увидеть Аню, тем более, что с ней там и Ефросинья Ивановна. Я ей обещал, но не мог поехать. Теперь могу.

– Торопишься? – не снимал улыбки Илья.

– Тороплюсь. Илья Семёнович, а вам ещё ничего не пало на ум, как же это нас так угораздило встретиться в такой обстановке?

– Ну, как же, как же. Пало, да так, что только диву даёшься, какой фортель может выкинуть судьба. На этот раз она была к нам благосклонна. Да, всё дело в его величестве случае! – торжественно заявил Торопов. – Такие совпадения бывают раз в сто лет, если не реже. Ну, сам

посуди: сначала в доме Ефросиньи появляется наш с тобой земляк по госпитальной палате Карев Миша и сообщает, что тебя ещё при нём собирались отправить в алма-атинский госпиталь; и если, мол, была ещё операция, то находишься всё ещё там. Естественно, Аня сообщает об этом мне, а я получаю её письмо аккурат перед отъездом в Алма-Ату. Днём раньше мы получили оттуда бумагу с ориентировкой на Букина, и Легойда тут же посылает меня. Для верности. Чтобы, мол, не ошибиться. Кстати, почему ты дал Мише адрес именно Ивановны?

– Дядя Илья, вы мне преподнесите одну весть радостней другой, – просиял Кеша. – Вы даже не представляете, как мы сдружились с ним там. А адрес... Просто Михаил просил помочь найти людей, истинно верующих в Бога, а я, кроме неё, никого не знал. Об Игнате же и о других я только слышал. Я так рад, что он нашёл их. Спасибо вам за такую весть.

– погоди, это ещё не всё, – довольно расправил плечи Торопов. – Главное для тебя я припас напоследок. Теперь смотри: ишу тебя, а ни в госпитале, – ни в одном, ни в другом – адреса твоего нет. В военкомате сказали только, что хочешь остаться где-то здесь и ищешь работу. Но адрес пока не сообщил. Искать человека в таком большом городе – всё равно, что искать иголку в стогу сена. Что оставалось делать? Только уповать на случай: у меня ведь остаются считанные дни пребывания в городе. И вот, пожалте! В конце операции по захвату банды натыкаюсь на связанного сторожа. Причём так вовремя натыкаюсь, что даже и сейчас страшно подумать о том, что могло случиться-

ся. Да, Кеша, могло бы, не вмешайся его величество случай, который определяет нашу жизнь. А? Как тебе моя теория?

– Красивая.

– Что-то, гляжу, ты не очень в восторге. У тебя другая версия? Может быть, ты знаешь что-то поконкретнее?

– Представьте, знаю, – улыбнулся Сенькин. – По-моему, тут ничего случайного, наоборот, всё predetermined. И я даже знаю – кем. Я уже, когда обнаружил вас в той воронке, понял, что это была Божья воля.

– Ке-еша, – с мягким укором развёл руками Торопов.

– Ну, ты же фронтовик, боевой парень, каких поискать, а туда же. Ну, ладно, бабы да мужики, что послабее, – им покровитель нужен, раз на себя не надеются. А нам зачем? Не наша ли поговорка: «На Бога надейся, а сам не плошай»?

– Тогда и Миша Карев, выходит, слабак? – проронил Кеша, вроде как сомневаясь и рассуждая сам с собой.

– Карев? Не-е, какой же он слабак? – энергично запротестовал Илья и, спохватившись, смущённо закашлялся: – М-да-а, неувязка, однако.

– Неувязка, – согласился Кеша. – Он ведь и приехал к Ивановне, чтобы встретиться с верующими. А помните, вы мне в госпитале перед вашей выпиской заверили, что я обязательно выживу.

– Что? Так ты слышал?! Или тебе врач с сестрой рассказали?

– Нет, сам слышал. Только до сих пор не уверен, было ли это.

– Было, Кеша, было.

– И помните, что говорили?

– Помню ли я? – усмехнулся Торопов. – Как же не помнить, если сам я выжил, а ты между жизнью и смертью находился. Зарок я давал, Кеша, что отплачу тебе за спасение моё. Только бы ты выжил, как и я.

– Значит, вы верили или хотя бы надеялись, что так будет?

– Да, Кеша, надеялся, но это же на себя, – тут Илья смешался ещё больше: – Ну, и на тебя, понятное дело. В общем, верил.

– Вот видите, верили. А это значит, что наша встреча запланирована, а не случайна. Нет, дядя Илья, не может быть случайным то, что выстрадано, на что мы надеялись и верили всем сердцем. Потому-то и получилось, что вы приехали сюда и сполна рассчитались за свой зарок.

– Да мне с тобой за всю жизнь не рассчитаться, дорогой ты мой человек, – обрадовался Торопов, что можно переменить тему разговора. – Но по мере своих сил и возможностей буду стремиться к этому. И стремлюсь. Вот я тебе говорил, что главное ещё впереди? Что самую, что ни на есть главную весть для тебя я припас напоследок? Говорил?

– Ну да, – невольно затаил дыхание Кеша и весь подался вперёд в ожидании. Догадки, обгоня одна другую, замельтешили в голове так, что он захватил её руками. – Кажется, все мозги набекрень, – улыбнулся виновато. – Всё-таки неплохо приложился Никита.

– Ничего, до свадьбы заживёт, – успокоил Илья, заговорщически оглянувшись, будто кто-то мог подслушать, и понизил голос: – До твоей свадьбы, Кеша. У меня ведь для тебя и невеста уже есть; тоже, бедняжка, с ног сбилась, тебя разыскивает.

– Мария! – не удержался от возгласа Сенькин. – Неужели Мария?!

– А-а, догадался, – развеселился Торопов. – Ну да, Мария, кто ж ещё? Прислала мне письмо ещё до Дня Победы, благо мой-то адрес у неё был: где да где Иннокентий? А я и сам не знаю. Но ответил и пообещал, что для неё найду во что бы то ни стало. И вот, нашёл! Ну, что, поедешь теперь со мной? Или передумаешь и сначала за невестой, а? Поезжай, поезжай, к нам-то успеется – свои люди, поймём. А она тут рядом, в городе Фрунзе, туда и поторопиться не грех. Знаешь, где это?

Кеша не отвечал, лишь улыбался с чрезвычайно глупым видом. Что только не передумал он за эти месяцы операций и после них; сколько просил в душе Бога, чтобы Он помог найти её; и как в то же время боялся, что найдёт, но окажется ненужным ей. И вот в это предрассветное утро всё разрешилось так стремительно. Торопов, Карев, Аня, Ивановна и, наконец, Мария! Сколько же благословений Ты послал, Господь, Своему чаду после долгих его страданий за свершённый грех! Воистину: «Щедр и милостив Господь, долготерпелив и милостив; не до конца гневается и не вовек негодует. Не по беззакониям нашим сотворил нам и не по грехам нашим воздал нам, ибо как высоко небо над землёю, так велика милость Господа к боящимся Его».

И Сенькин выразил это своими словами, идущими от самого сердца.

– Дядя Илья, эта весть от Бога, – прошептал он. Не стыдясь больше Торопова, скользнул на колени с табуретки и, всхлипнув, как малый ребёнок, закрыл лицо руками: – Спасибо вам за неё, Илья Семёнович.

– Ну, ну, Кеша, – растерялся тот, – ни при чём тут я. Судьбу надо благодарить, вон как повернулась она к нам обоим.

Но что-то вдруг защемило и у него в груди, наполнило всё его существо тихой, светлой радостью за дорогого ему человека; сознанием того, что и он, Торопов, к его счастью руку приложил. Он отвернулся, утирая повлажневшие глаза, и, поддавшись нахлынувшему умилению, пусть ещё очень робко, но упомянул в благодарном порыве имя Бога: «А может быть, и правда, от Бога это Кеше? Или не „может быть“, а скорей всего? Ну, тогда и слава Господу!»

Два израненных, опалённых войной, и не только войной, солдата (каждый по-своему) облегчали душу от чёрствости бытия.

– Ты это... Слышь, Кеша, – чуть помедлив, нарушил молчание Илья, – если ехать к Марии, то поедем вместе. У Булата сегодня же выпрошу машину. Тоже хочу увидеть нашу с тобой сестричку. Понял?

Кеша приподнялся, снова сел на табуретку и кивнул.

– Ну, и хорошо. Вон, кажется, люди майора уже подъехали. Ты оставайся пока тут, а я пройду с ними к магазину и вернусь. На складах «контрольки» не тронуты, поэтому сдавай смену и поедем ко мне. А как закончатся допросы Никиты, рванём во Фрунзе. Тут где-то прямая трасса через горы. Что-то около трёхсот километров. – Илья с трудом подавил подкатившуюся к горлу непрошеную горечь: – Только бы дожил до вопроса племяш, да хоть бы за столько-то зла причинённого перед людьми раскаялся. Легче бы мне стало. Увидеть бы, услышать... Родной ведь...

Не дожил Никита. Скончался в больнице, собственноручно вырвав подключенную систему капельницы. Недоглядели ни сёстры, ни дежурный оперативник, специально приставленный к палате. Не зря так переживал Илья за жизнь племянника.

«Так ведь побуянил-побуянил сперва, а потом такой тихий, кроткий сделался, – виновато оправдывались медики. – Да и уснул вроде бы».

Опер, напротив, не только не оправдывался, но и не опечалился:

– Всё равно больше часа не прожил бы, – констатировал уверенно. – Ему бы пару доз «марфуши», тогда до вечера бы дотянул, а может быть, и дольше. Насмотрелся я на них, знаю.

Эксперты, осмотревшие труп, подтвердили его диагноз, и опер отделался устным порицанием.

Назавтра милицейская «эмка», услужливо предоставленная местным начальством Торопову за его неоценимую помощь в поимке банды, была на пути к столице Киргизии, городу Фрунзе. А вот назад Илья возвращался один, взяв слово с молодой пары, что обязательно пригласят его на свадьбу.

– Да куда ж мы без вас? – в голос откликнулись они на его просьбу. Потом Мария смущённо смолкла, и Кеша закончил уже один: – Мы вам так обязаны, Илья Семёнович. В том числе и нашей первой встречей с Машей. А уж о сегодняшнем дне и говорить не приходится: он состоялся только благодаря... – Сенькин выдержал паузу, – благодаря Богу и вам.

Оно и правда. И пусть их встреча случилась быть при поистине трагических обстоятельствах, и нелёгкими

оказались испытания для них обоих, Господь был с ними и соединил любящие Его сердца.

Середина октября. Озябшая за ночь степь неприятно нахохлилась убегающей вдаль грядой холмов, топорщится по верхам оврагов окоченелым голым кустарником. Но стоило лишь чуточку потеплеть, как выпрямляется скукожившаяся от ночного холода трава и порыжевшим, уже не столь пёстрым да буйным, как раньше, ковром скрадывает ту сиротливую неприятность. А там, у самого горизонта, едва различимые в густом сизом тумане горы так и манят к себе пробивающимися сквозь его толщу солнечными бликами. Эти блики – как тайный воздушный поцелуй, как таинственный привет из дальнего далёка. Горы – они всегда таинственны. А ещё степь то тут, то там перемежается небольшими островками леса. Ещё не выпал первый снег, но расквашенную от распутицы просёлочную дорогу уже схватило лёгким морозцем, и иней серебристой мишурой осыпал те перелески по обеим её сторонам. Не потускневший ещё изумруд сосны и ели с пристывшими к иголкам льдистыми бусинками вспыхивает-переливается радужными искрами в лучах неяркого солнца, радуя и веселя загрустившую до слёз душу путника. «Итак, вы выйдете с весельем и будете провожаемы с миром, – в немом благоговении повторяет он удивительно вовремя пришедшие на память стихи пророка; они так созвучны его мыслям и настроению и, словно в зеркале, отражают окрестный пейзаж. – Горы и холмы будут петь пред вами песню, и все деревья в поле – рукоплескать вам. Вместо терновника вырастет кипарис, вместо крапивы вырастет мирт, и это будет во славу Господа, в знамение вечное, несокрушимое».

Путник медленно переводит взгляд от созерцания леса к небесам:

– Слава Богу! – неожиданно для себя произносит он вслух. И тут же спохватившись, что не один, в смущении качает головой и, обведя рукой пространство, улыбается своим попутчикам: – Навеяло.

Этот путник не кто иной, как Иннокентий Сенькин, и обращается он к Маше со Степаном. До Ключей-то они с Марией приехали на машине Торопова, но поскольку сам он явно задерживался по делам, то выпросил у начальства гужевой транспорт, чтобы отвезти их в Лютово. И вот уже скрипит-поскрипывает телега по той самой дороге, с которой началось наше повествование, только сопровождает Кешу с Марией не Никита, а колхозный конюх Степан Брянцев, не так давно освободившийся из тюрьмы. По мере удаления от Ключей всё большее волнение охватывало Кешу: с трудом (всё же тогда была зима), но распознал эти места. Вот он, тот злополучный перелесок среди степи, после которого всё и случилось. Так и кажется, что вот-вот появится вон там, справа, стая волков. Сенькин судорожно сглотнул, весь невольно подобрался и застыл, как изваяние. Мария тонко чувствовала его душевное состояние и не тревожила больше расспросами, и он благодарен ей. Ещё раз пережить тот миг надо было одному. В себе. Пережить – и не вспоминать более; забыть, как страшный сон.

И вот так оно и вышло: постепенно ушли из сердца печаль и чувство вины – ведь он прощён Господом, а значит, и Аней! А изумительный по красоте пейзаж навеял не менее изумительные стихи: «Горы и холмы будут петь пред вами песню...»

К дому Ефросиньи в Лютово подъехали уже за полдень.

– Ивановна! – зычно крикнул Степан и, услышав скрип дверей, удовлетворённо кивнул попутчикам: – Дома. Идёт уже.

Сенькин легко спрыгнул с телеги, остановился в ожидании. А когда на крыльце появилась поспешившая на стук старушка, пошёл навстречу, откозырял и приветливо улыбнулся:

– Примешь гостей, тётя Фрося? Или не узнала?

– Батюшки! – всплеснула она руками. – Никак, Кеша? – И, окинув быстрым взглядом Марию, поправилась: – То есть... ну да, Иннокентий.

– Он самый, – обнял её Кеша. – Ивановна, помнишь, ты хотела помолиться за меня, да не успела? Так я теперь знаю, почему. Ты оттого не успела, что я был один. А теперь перед тобой две души. Перед тобой и Богом. Гляди, это Мария, моя невеста. Помолись, тётя Фрося, попроси у Господа Иисуса благословения и сама благослови нас.

– К славе Божьей! – прошептала Ефросинья Ивановна и первая склонила колени перед Богом.

Виталий Полозов

Заря рассветная

Директор П. Давидюк

Редактор В. Цорн

Корректор Е. Сафонова

Верстка и дизайн А. Цорн

Свидетельство о государственной регистрации,
№ 1 074 107 0004 023994, выдано Шевченковской районной
в г. Киеве государственной администрацией 13.10.09.

Изд. № 01.379. Подписано в печать 07.02.2017.

Бумага 80 гр. Lux Cream. Формат 84x108/32

Гарнитура: AGOpus, AGaramond, Helvetica.

Печать офсет. Усл. печ. л. 18,48.

Тираж 9 000 экз. Заказ № 00692216.

УМО «Світло на Сході»,
ул. Хорольская, 30, 02090, г. Киев, Украина.

Отпечатано в типографии CPI books GmbH,
Eberhard-Finckh-Straße 61, 89075 Ulm, Germany.

